КОНАН
И ПРИНЦ
ЗИНГАРДЫ

Annotation

В вольном Городе Воров продолжаются похождения бесшабашной воровской шайки, куда угодил и юный Конан. В этом первом его столкновении с Хайборийским миром много веселого, но случаются и подлинные трагедии… И, как всегда, не обходится без вмешательства самих богов.

- Олаф Бьорн Локнит
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Олаф Бьорн Локнит
Сокровища Небес

ПРОЛОГ
«Нора» и ее обитатели

Середина лета 1264 года от основания Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

Утро, начинающееся с истошного вопля, может предвещать крушение мира, но иногда, в редчайших случаях, означает возвращение к старым добрым временам.

Вопль был добротный, с подвываниями и взвизгиваниями, перешедший затем в членораздельную речь. Кому-то грозили оторвать голову, разодрать на сотню мелких ошметков и утопить в выгребной яме. Затем хлопнула дверь – с оттяжкой, так что звук пронесся по обеим этажам, заставив старый дом содрогнуться от чердака до подвала – и источник шума явился самолично.

Как выяснилось со всей очевидностью, крики издавал не разъяренный демон, не охотящийся лев и не впавший в неистовство раненый дарфарский олифант, а всего лишь молодой человек. Обычнейший человек, просто доведенный до той степени бешенства, когда изо рта начинает брызгать пена, а взгляд приобретает удивительную способность испепелять тараканов и неудачливых прохожих.

– Какая сволочь?! – возопил сей образчик рода человеческого и подкрепил слова действием – изо всех сил метнул вниз увесистый, но тоже вполне обычный сапог – вытершаяся воловья кожа, потускневшие серебряные бляшки и стертая подковка на каблуке. – Кто, я вас спрашиваю?! Мерзавцы! Всех поубиваю!

Обычно такое начало дня вызывало бурные отзывы соседей, ибо дело происходило в гостинице, постоялом дворе, таверне со сдачей наемных комнат – зовите как хотите. На первый и любой иной взгляд оно представляло из себя двухэтажное добротное строение из желтовато-оранжевого песчаника, затерявшееся посредине Третьего Обманного переулка шадизарского квартала Нарикано. Местечко именовалось таверной «Уютная нора», служа надежным прибежищем, штаб-квартирой и местом дружеских попоек для небольшой, однако весьма тесной и сплоченной компании, чей род занятий определялся одним веским словом – «противозаконный».

Один из этого маленького дружного сообщества, а именно карманник Ши Шелам, носивший также прозвища Ши Ловкач и Ши Умелые Ручки, стоял сейчас на ветхой галерее, опоясывающей большой общий зал, впустую сотрясая мир обвинениями в адрес вероломных приятелей.

Ши почитал себя оскорбленным до глубины души и жаждал крови. Все имеет свои пределы, в том числе и дружеские розыгрыши! Ну скажите, как поведет себя человек, проснувшийся после разгульной вечеринки, мучимый головной болью, жаждой и необходимостью посетить отхожее место, обнаружив рядом с собой горделиво возвышающийся на подушке сапог? Причем грязный и давно не чищенный? Разумеется, вцепится в это произведение кожевенного искусства и швырнет, куда подальше!

Совершенно не обратив внимания на подозрительное обстоятельство, что к ремешкам сапога примотана тонкая, но крепкая жилка, и другой ее конец завершается в том месте, которое любой мужчина (кроме евнухов, само собой) бережет больше всего на свете…

Ши сполна расплатился за невнимательность, и теперь торчал на балконе, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете или по крайней мере в этом городе. На миг перед ним возникло ужаснейшее видение: предмет его тихой гордости отрывается и летит вслед за сапогом. Что будет потом, лучше не задумываться, а сразу лезть в петлю головой. К его счастью, жилку затянули не слишком туго, потому Ши отделался самым большим кошмаром в своей жизни и вылетел на балкон – донести эту новость до всеобщего сведения.

Вчерашняя гулянка свалила с ног даже самых стойких выпивох. Ши убедился, что его вопли пропадают втуне и уныло присел на краю балкончика. Жизнь не имела смысла. Зачем он вчера так напился? Что он вообще тут делает, сидя поздним утром в чем мать родила на досках, грозящих вот-вот обломиться, и страдая, как проклятая душа на Равнинах Смерти? Пойти удавиться, что ли?

Сзади скрипнула дверь. Ши не оглянулся. Вот и первый желающий узнать, какого ляда он надрывается и мешает спать. Друзья, чтоб их всех горячка скрутила…

– Ши, дорогуша, что случилось?

Нежнейший голосок вполне мог принадлежать демонице-искусительнице или какой-нибудь небесной деве из свиты Иштар. За полнейшим отсутствием таковых в славном городе Шадизаре, им владела симпатичная девушка по имени Кэрли – вполне плотское создание с карими глазками и пышной шевелюрой каштанового цвета, разбавленной чисто-белыми прядками (Кэрли полагала, что они придают ее облику неповторимость и почти не ошибалась). Узкий круг людей знал, что милейшая Кэрли на самом деле довольно ловкая воровка на доверии, но с виду… Ах, с виду – всего лишь милая девочка с пыльных улиц Шадизара.

Иное дело, что девочки с улиц Шадизара оч-чень редко бывают по-настоящему милыми. Только когда им это необходимо.

– Сгинь, пропади, рассыпься, – буркнул Ши. – Жизнь отвратительна, я прирожденный неудачник, и, о боги, как я хочу пить!..

– С этого бы и начинал, – невозмутимо сказала Кэрли, кутавшаяся в нечто длинное, цветасто-развевающееся и почти прозрачное. – Вставай.

– Зачем? – уныло вопросил Ши. – Мне и тут неплохо.

– Будет еще лучше, – посулила девушка, добавив: – У меня есть холодная вода и немного шемского.

– Ненавижу шемское, – искреннее заявил Ши и со слабым интересом уточнил: – Где вода?

– У меня в комнате, – Кэрли на всякий случай указала направление.

Ши тщетно попытался обдумать положение. С одной стороны, зашедший в комнату Кэрли так просто оттуда не выберется. С другой стороны, там есть вода. Может быть, даже холодная.

Последнее соображение победило. Вдобавок необходимо поскорее убедиться, что пострадавшее по милости друзей-приятелей достоинство находится на своем законном месте!

А того умника, что проделал эту грязную выходку, вполне можно разыскать и потом… Куда он денется?

В комнате по соседству встревоженная криками девушка бормочет сквозь дрему:

– Что?..

Минувшей ночью здесь пронесся пустынный самум, ураган или шторм, безжалостно расшвыряв предметы обстановки, чью-то одежду и сохранив жизнь двум чудом уцелевшим жертвам кораблекрушения. Утлая лодочка, покачиваясь, несет их навстречу рассвету и спасительному берегу, но почему-то каждый из них втайне мечтает вновь оказаться посреди бушующего океана.

– Все в порядке, – успокаивающе произносит молодой человек, осторожно передвигая лежащую под головой подруги руку. – Колеса нашей жизни вернулись в прежнюю колею. Судя по воплям, кто-то подбросил Ши в постель скорпиона и он чрезвычайно возмущен сим поступком.

– А-а… – сонно кивает Феруза ат'Джебеларик, гадалка и предсказательница, снова роняя голову на подушку. Золотисто-рыжие локоны поблескивают в свете льющихся из распахнутого окна солнечных лучей. Девушка вздрагивает во сне, и тогда приятель еле слышно нашептывает ей на ухо что-то успокаивающее.

Ферузе лет двадцать, она довольно привлекательна по любым меркам – Турана, откуда родом ее отец, или Шадизара, где она живет. Человек, лежащий рядом, твердо убежден, что небеса и земля вращаются ради нее одной. Неважно, хороша она собой или нет, он знавал женщин куда красивее и искуснее. Дело в ином. С ней спокойно. Она словно недостающий кусочек его самого, тот самый уголок покоя, всегда ускользавший от него. Молодой человек ловит себя на том, что поневоле улыбается – не как обычно, слегка презрительно и насмешливо – но дурацкой самодовольной ухмылкой юнца, наконец-то сумевшего улестить девицу, по которой сох год без малого.

Собственно, ему понадобилось почти три луны – невиданно затянувшийся срок. Благодарение легкости шадизарских нравов и стечению обстоятельств. Однако, заполучив желаемую драгоценность, ее надо сберечь. Как, скажите на милость, это сделать, если кругом одни проходимцы… да и сам ты ничуть не лучше? Плюнуть, забрать Ферузу и уехать?

Он задумывается, сдвигая темные брови. В нем вообще преобладает темная масть – обманчиво-серьезные глаза цвета траурного агата, иссиня-черные волосы и смуглая кожа. Предки-шемиты наградили его хищным горбатым носом, неунывающим характером, вечно толкающим на авантюры, и имечком Аластор, что означает Дурной Глаз. Он действительно слегка косит, особенно когда увлекается спором. Мнение общества полагает его лучшим взломщиком Шадизара за последние десять-пятнадцать лет (Аластор с этим утверждением не согласен, считая себя вторым) и редким красавчиком. Против последнего он не возражает, хотя не придает слишком большого значения.

Таверна потихоньку оживает. Слышны разговоры прибирающихся в общей зале слуг и звяканье сметаемых в кучку черепков разбитых на вчерашней гулянке кружек. С улицы прилетают заунывные причитания разносчиков и громыхание телег. Низкий хрипловатый голос – не подумаешь, что женский – начинает командовать, заодно намекая постояльцам, что пора вставать. Это распоряжается хозяйка заведения, Лорна Бритунийка, белогривая амазонка средних лет (правда, без свойственных женщинам этого племени странных представлений насчет мужчин и их места в жизни) – особа решительная, строгая и воинственная. Лорну уважают и побаиваются – как соседи и жильцы ее заведения, так и заправилы квартала.

Феруза глубоко вздыхает и окончательно просыпается. Карие с золотистыми искрами глаза удивленно оглядываются, не узнавая комнаты. Припомнив вчерашний вечер, она зажмуривается и еле слышно хихикает.

– Тебе смешно, – с преувеличенным трагизмом провозглашает Аластор. – А у меня, можно сказать, впервые в жизни появилась непреодолимая трудность.

– Какая же? – ласково интересуется предсказательница. Она приподнимается на локтях, с любопытством глядя на приятеля сверху вниз.

– Ты, – молодой человек зарывается лицом в спутанные волосы девушки, судорожно, до боли, стискивая ее в объятиях, беззвучно повторяя: – Не покидай меня, не покидай, никогда, слышишь?..

Взвизгивает распахиваемая дверь, кто-то лихо влетает внутрь, растерянно кашляет и торопливо выскакивает в коридор.

– Ой-лэ, и никакой тебе романтики, – с грустью заключает Феруза, устраиваясь поудобнее и наклоняясь, чтобы поцеловать странно примолкшего Аластора. – Пусть судьба рассудит, сколько нам быть вместе и кто кого покинет… Не надо об этом думать, ладно? – она вглядывается чуть расширившимися зрачками куда-то в пустоту или в осыпающуюся штукатурку на стенах комнаты, и кивает: – У нас еще есть время. Много времени.

Аластор хочет спросить, какое время она имеет в виду, но потом решает узнать это попозже. Раз отпущенного им времени *много*, его наверняка хватит и на разгадывание загадок, и на поиски ответов на заковыристые вопросы.

Но сейчас – сейчас мир состоит только из тихого шепота, прикосновений, неторопливых движений и мягкого, укачивающего тепла. Утонув в теплом облаке, они любят друг друга, снова и снова, пока не раздается настойчивый стук и чей-то голос не выкрикивает:

– Эй! Все понимаю, прошу прощения, но у нас неприятности! Вам стоит на это глянуть! Вылезайте!

Обширный двор таверны, вымощенный булыжником и некогда знававший лучшие деньки, нынче смахивает на поле неравного боя между людьми и природой. Бурьян, захватив дальние углы, упрямо пробивается сквозь потрескавшиеся камни. В центре двора торчит наполовину обвалившийся фонтан, и позеленевшая медная цапля с явным отвращением цедит из клюва мутную водяную струйку.

Двое, он и она, прощаются возле фонтана и никак не могут проститься. Он – гибкое, подвижное, беспокойное создание, похожее на хищного и сообразительного зверька, хорька или ласку. Выгоревшие на солнце песчано-рыжие длинные волосы то и дело падают молодому человеку на лицо, он мотает головой, продолжая в чем-то настойчиво убеждать подружку. Она – глазастая, с парой темно-каштановых кос, на кончиках которых раскачиваются, звякая, крохотные бубенцы. В отличие от парня, девушка производит впечатление особы из приличного семейства – торгового, а может, и дворянского.

Его зовут Хисс Змеиный Язык, он мошенник, изготовитель поддельных драгоценностей и фальшивых документов, азартный игрок и, как уверят молва, способен всучить кому угодно что угодно, да еще выручить на этом кругленькую сумму.

Ее имя – Лиа. Лиа Релатио. Она родом из Мессантии Аргосской и служит у знатной офирской дамы, графини Клелии Кассианы диа Лаурин. Молодые люди познакомились всего день назад при не совсем обычных обстоятельствах, но, кажется, прониклись взаимной симпатией.

Наконец им удается убедить друг друга, что любая разлука только предвещает новую встречу, Лиа протискивается в щель между никогда не запирающимися створками ворот, и убегает вниз по Обманному переулку, торопясь вернуться к госпоже.

Хисс долго смотрит ей вслед, потом, покачиваясь, бредет через двор к крыльцу в три ступеньки и вдруг останавливается, озадаченно уставясь на неведомо откуда взявшийся предмет – нечто вроде крохотной часовни, устанавливаемой в честь кого-то из богов на перекрестках или площадях. Сооруженьице из черного мрамора украшено четырьмя витыми колоннами дымчато-серого хрусталя и завершается остроконечной крышей с тонким серебряным шпилем. Глубокая ниша, прорубленная на высоте двух третей от земли, ограждена мелкой железной сеткой, утопленной по краям в камень, и на первый взгляд пустует.

– Хм, – Рыжий обходит вокруг часовни. Боязливо тыкает в нее сначала подобранной щепкой, затем пальцем, убеждаясь, что белая горячка и последствия бурно проведенной ночи совершенно не при чем. Камень настоящий – твердый и холодноватый.

Ничего не решив и не поняв, Хисс взбирается по ступенькам, вламываясь в таверну и озираясь в поисках приятелей. Нужно заставить кого-нибудь взглянуть на это диво. Двоим не может мерещиться одно и то же. Если часовню увидит другой человек, значит она самая что ни на есть всамделишная. Откуда она могла взяться?

У погасшего камина кто-то спит, по-звериному свернувшись и подстелив под себя вытертую овечью шкуру, обычно используемую как коврик перед лестницей на второй этаж. Хисс толкает спящего ногой и мгновенно отскакивает, привыкнув, что у этого типа реакция получше, чем у маленьких, но смертельно ядовитых змеек.

Однако сегодня такой день, когда нарушаются любые правила. Человек не подает признаков жизни. Только после второго пинка слышится слабое недовольное ворчание.

– Подъем! – орет Хисс, заставляя слуг испуганно оглянуться. – Малыш, враги повсюду!

– Врешь ты все, – бурчит ломающийся юношеский голос с непривычным для здешних краев гортанным акцентом. Его обладатель пытается сесть, теряет равновесие, хватается за голову и изрекает несколько энергичных, но насквозь непонятных фраз. Хисс с затаенным удовольствием наблюдает за мучениями приятеля, ибо нет ничего приятнее глазу, чем вид страданий ближнего твоего. Смилостивившись, Рыжий приносит один из заранее выставленных на стойку кувшинов с холодной водой и сует в руки юнцу.

Ночевавший на полу человек – именно юнец, пятнадцати или шестнадцати годков от роду, хотя обычно ему дают лет двадцать. Мальчишка выглядит странноватым даже для такого суматошного города, как Шадизар, где проживают обитатели почти всех стран Материка. Долговязый, жилистый подросток с гривой жестких волос цвета оседающей на стенах каминов сажи, и ярко-голубыми глазами, из которых никогда не пропадает выражение бдительной настороженности. Как у животных, пребывающих в ожидании опасности даже тогда, когда мир вокруг совершенно спокоен.

Мальчишку зовут когда Малышом, когда Медвежонком. Его настоящее имя – Конан, название его родины, лежащей где-то на варварской Полуночи – Киммерия. Впрочем, тут не принято проявлять излишнее любопытство к вашей прошлой жизни и выяснять причины, по которым вы оказались там, где пребываете ныне. Малыш живет в «Норе» около трех лун, ничем особенным себя пока не проявил, и в основном занят безнадежными попытками осознать правила суматошной городской жизни.

В чем, бесспорно, нельзя отказать Малышу, так в редкостном здравомыслии. Потому

Хисс и счел, что никто другой не сможет лучше развеять примерещившийся ему морок в виде черной часовни.

Пока Хисс втолковывает мальчишке, что от него требуется, сверху спускается еще один постоялец, мающийся от последствий вчерашних возлияний. Джай Проныра, Джейвар Сигдим – местный уроженец до мозга костей и признанный глава Компании. Услышав сбивчивый рассказ Хисса, он вопросительно хмурится и решает, что пойти надо всем. Вдобавок, вчера вечером Ши плел что-то насчет очередных превращений их многострадального нужника.

Метаморфозы обычной деревянной будки на заднем дворе таверны уже седмицу служили предметом для волнений и обсуждений всех жильцов.

Первопричиной странных явлений послужил непонятный золотой жезл, вроде бы обладавший магическими свойствами. В таверну его принесли Джай и Конан, прихватив в числе прочей добычи в доме члена городского Совета. Под веселую руку и по чистой случайности Феруза умудрилась оживить золотую спицу с аметистом на верхушке, и та проделала дыру в границе, разделяющей мир людей и потусторонних созданий. Сквозь это отверстие явился Пузырь – уродливое летающее создание, сплошная пасть и бездонный желудок. Общими усилиями незваного гостя выбросили за порог, и он отправился путешествовать по Шадизару, пожирая то, что казалось ему привлекательным.

К нынешнему дню за Пузырем числился разгром в игорном доме «Сбывшиеся надежды», обглоданные колонны дома городского Совета, обезглавленная статуя Митры перед главным городским храмом и десяток более мелких проделок. На людей он пока не нападал, а кое-кто из практикующих колдунов и магов предлагал изрядное вознаграждение смельчаку, готовому рискнуть и изловить непонятное существо для более близкого изучения.

Испуганный Ши Шелам, не долго думая, швырнул загадочный жезл в выгребную яму.

Спустя день оттуда хлынул поток пестрой, однако безобидной нечисти – оранжевые сколопендры в зеленую полоску, синие кошки и скорпионы со стрекозиными крыльями. Затем облупившаяся деревянная будка обрела дар речи и начала проповедовать близящийся конец времен.

…Обитатели постоялого двора «Уютная нора» стоят вокруг неузнаваемо изменившегося нужника, растерянно переглядываются и пытаются сообразить, что же это такое. К Джаю, Хиссу и Малышу присоединился Райгарх – вышибала и по совместительству приятель хозяйки, такой же, как и Лорна, бывший наемник на покое. Чуть попозже являются Ши и Кэрли, и замешкавшиеся Аластор и Феруза. Последней приходит Лорна. Увидев своеобразное добавление к постройкам таверны, бритунийка изумленно свистит и задает пока не высказанный никем вслух вопрос:

– Ребятки, что нам делать с этой штуковиной?

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Похороны с пожаром и наводнением

Кодо Ходячий Кошмар поднимался по скрипучим ступенькам Старой Лестницы, лепившейся к склону холма, одновременно убеждая себя в том, что давно следовало привыкнуть к непредсказуемости этого растреклятого города и его жителей. Кто-кто, а он изучил шадизарские порядки на собственной шкуре, пройдя долгий путь от вожака уличной шайки подростков до нынешнего завидного положения правой руки Назирхата уль-Вади, не признаваемого официальными законами старшины квартала Нарикано. Тем не менее, жизнь не уставала преподносить новые сюрпризы, и Кодо терялся в догадках – к добру эти перемены или к худу? Неужели он потерял доверие хозяина?

«Все беды – от треклятого зингарца, – зло размышлял Кодо. – Какой демон приволок сюда этого напыщенного благородного дона? Почему Назирхат решил с ним связаться? Кто он такой? Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоньо – нате, подавитесь! Спесивый расфуфыренный хрыч с толстым кошельком! Думает, раз у него полные карманы золота, так он король и бог? Как бы не так! Это наш город и наша страна! Никакие раззолоченные вонючки с Побережья никогда не станут здесь командовать!»

Для подобного раздражения имелись веские основания. Подозрительный гранд из Зингары явился не далее, как два дня назад, и завоеванные с потом и кровью позиции Кодо внезапно начали рушиться.

Начать с того, что Назирхат не позволил своему верному помощнику присутствовать на беседе с таинственным визитером с Полуденного Побережья, не пожелал раскрывать подробностей разговора и вообще низвел Кодо до уровня мальчика на побегушках.

Естественно, Кодо возмутился и потребовал объяснений.

Почтеннейший господин уль-Вади, сложив руки на внушительного вида брюшке и масляно прищурив узкие глазки отпрыска заморийца и уличной девицы из Хаурана, втолковал разъяренному подручному: беспокоиться совершенно не о чем, любая шавка, посмевшая тявкнуть на Кодо, немедленно будет удушена собственным языком, а в его, Назирхата, голове нынче родился небольшой замысел, деталей которого он пока не отшлифовал, но заранее уверен – Кодо понравится. Что до дона Кебрадо, пусть его пыжится и надувается. Главное – он щедро платит за нужные ему услуги и потому волен вести себя, как ему вздумается. Не стоит обращать внимания. Зингарцы такие, с рождения жареным петухом в задницу клюнутые. Вместо того, чтобы расстраиваться из-за пустяков, Кодо вполне мог бы заняться полезным делом.

– Каким? – мрачно спросил Кодо.

Выяснилось, что нужно навестить одного человека, проживающего в квартале Нарикано, и узнать, чему тот подумывает посвятить ближайшую седмицу. Кодо кивнул и вышел, ничуть не успокоенный, но еще более встревоженный.

Ибо человека, к которому отправил его Назирхат, звали Аластором. Аластором – Дурным Глазом, способным открыть любой замок и проникнуть в любую сокровищницу. Последний идиот способен выстроить цепочку связей – раз уль-Вади потребовался Аластор, значит, готовится нечто крупное. Только что?

Перебрав все возможности, Кодо решил, что ни одна из них не кажется ему

привлекательной и впал в тихую ярость. Назирхат строит грандиозные планы, а его помощник, его правая рука на протяжении доброго десятка лет, не имеет представления о том, что происходит! Никак мир рушится? Или всего-навсего подходит печальный конец карьеры Кодо Ночного Кошмара, Кодо – грозы должников, способного извлечь доход даже из камня? Неужели какая-то молодая, да ранняя сволочь метит на его место?

Финальной каплей, переполнившей чашу недовольства Кодо, стало маленькое досадное происшествие, случившееся в конце беседы громилы и его покровителя. Почтеннейший уль-Вади никогда не позволял себе подобных выходок, и Кодо несколько опешил, не зная, счесть эпизод попыткой оскорбления или очередной проверкой на верность и выдержанность.

Кодо, о чем знал весь Шадизар, владел обширным собранием традиционных воровских талисманов, так называемых Отмычек Бела, представлявших собой связку в пять-десять разнообразных ключей на едином кольце. Они, разумеется, ничего не открывали, служа лишь символом бога воровства и, по утверждению владельцев, принося удачу в деле. Коллекция Кодо насчитывала около трехсот амулетов, искусно выполненных из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней, и не существовало лучшего способа подольститься к Ходячему Кошмару, чем преподнести ему новый экземпляр Отмычек.

Недавно угодивший в руки Кодо трофей вполне заслуживал того, чтобы стать подлинной жемчужиной собрания. Громила захватил его у уличного ворюги Ши Шелама в качестве выкупа и никак не мог заставить себя расстаться с позвякивающей, сверкающей гроздью, присовокупив ее к прочим сокровищам. Носил в кармане, доставал полюбоваться, крутил на пальце – пока не привлек внимания Назирхата. Тот пожелал ознакомиться с очередной добычей Кодо поближе. Правая рука уль-Вади не слишком охотно рассталась с блестящей побрякушкой, смутно предчувствуя готовящийся подвох.

Кодо не ошибся. Ключи так приглянулись Назирхату, что старшина квартала решил оставить их себе: «Ты ведь не возражаешь, правда?»

Проглотив крутящиеся на языке возмущенные реплики, Кодо ограничился вымученным кивком. Связка переменила владельца, и Ходячий Кошмар добавил к мысленному перечню поступков, требующих непременного возмездия, еще одну памятку. В конце концов, уль-Вади тоже смертный человек, совершающий ошибки, которые могут ему дорого обойтись.

…Старая лестница завершилась широкой площадкой, облюбованной продавцами всякой мелочи, зазывалами, уличными игроками в зернь и «Три скорлупки», выискивающими новую жертву, и неизменными девицами, бросающими по сторонам многообещающие взгляды. Появление в этом крохотном мирке Кодо и его свиты – трех зверообразных громил, не обремененных мозгами, зато с удовольствием выбивающими упомянутые мозги у других – вызвало ту же панику, что сопровождает визит щуки в тихую заводь. Не расплатившиеся должники, личности, догадывавшиеся, что ходят в немилости у Кодо или промышлявшие на чужой территории, стремительно брызнули по сторонам, растворившись в пропахшем пылью и нечистотами городском воздухе. Оставшиеся поторопились с изъявлениями безоговорочной преданности – лишний поклон спины не ломит. Кодо снисходительно кивнул льстиво улыбавшимся красоткам, перекинулся парой слов с замшелым главой местного цеха нищих и ощутил слабый подъем настроения. Благородные задаваки приходят и уходят, Шадизар пребудет неизменным, а он, Кодо, постарается не отдать свое место без боя.

* * *

Возле стоявших приоткрытыми ворот таверны «Уютная нора» клубилось некое столпотворение – не слишком большое, но нездорово оживленное. Раздавались смешки, удивленные возгласы, кто-то заливисто присвистнул и расхохотался в голос. Кодо и его сопровождающим пришлось расталкивать толпу, пробиваясь в первые ряды.

Увидев творимое действо, Кодо озадаченно потряс коротко стриженной головой, затем утробно фыркнул и зашагал к крыльцу, обходя участников непонятного представления стороной и гадая, что они затеяли на сей раз.

Торжественно шествовавшая по двору процессия отчасти напоминала церемонию похорон. Возглавляли ее Ши Шелам, тщетно крививший постную физиономию, и мальчишка-варвар, приставший к Компании в конце весны. Они тащили носилки, заваленные ворохом разноцветных тканей, на которых красовалась большая кхитайская шкатулка – из тех, что купцы привозят из-за Вилайета через Туран. На лакированных черных боках коробки играли солнечные лучи, среди причудливых цветов танцевали рогатые драконы в золотой броне и с перламутровыми глазками. Присмотревшись, Кодо заметил торчащий из шкатулки длинный чешуйчатый хвост какого-то животного, и недоуменно прищурился.

Позади траурных носилок следовали девушки – гадалка Феруза и разбитная мошенница Кэрли. Девицы рыдали в голос, иногда срываясь на истерическое хихиканье, заламывали руки, причитали и всячески старались подражать наемным плакальщицам. Между ними ковылял Хисс, прижимая к глазам огромный шелковый лоскут, выполнявший роль платка, и оглашая двор скорбными воплями – прикидывался безутешным наследником. Иногда у него подкашивались ноги и он совершал попытку рухнуть на вытершиеся булыжники. Кэрли и Феруза хватали его под руки, жалостно уговаривая не порывать с жизнью и не бросать осиротевшую семью на произвол судьбы. Троица украдкой передавала друг другу небольшой кувшин и, приложившись к источнику живительной влаги, надрывалась с удвоенной силой.

За девицами и Хиссом шли Джай Проныра и кое-кто из зевак, решивших присоединиться к странным похоронам и изображавших толпу прихлебателей, надеющихся поживиться на чужом горе. Как и положено, они громким шепотом обсуждали убранство погребального катафалка, старания плакальщиц, возможное завещание покойного и сумму оставленных им долгов.

Разномастное сообщество рывками передвигалось вокруг издыхающего фонтана. На обвалившемся парапете восседал Райгарх, мрачный, как грозовая туча или прогоревший ростовщик-шемит, и пристально наблюдал за церемонией.

В дальнем углу двора громоздилось необычное сооружение – в свой прошлый визит Кодо его не заметил. Островерхая часовенка из черного с белесыми прожилками камня, украшенная тонким серебристым шпилем. Компания окончательно спятила, решив обзавестись собственным святилищем? Тогда какому богу оно посвящено? Кодо не припоминал ни одной местной религии, где требовалось возводить подобные молельни. Может, постояльцы «Норы» стянули загадочную штуковину у жрецов в надежде перепродать какому-нибудь собирателю редкостей?

На потрескавшемся крыльце в три ступеньки в обществе кувшина с вином и пары

вываливших языки сторожевых псов расположилась Лорна, меланхолично созерцавшая новую выходку своих жильцов. Увидев Кодо, тавернщица дружелюбно кивнула, подвинулась и хлопнула ладонью по пыльной ступеньке. Не усмотрев в приглашении ничего, могущего повредить его авторитету, Кодо грузно уселся рядом с бритунийкой и полюбопытствовал:

– Хозяйка, что у вас творится?

– Похороны, – бесстрастно отозвалась Лорна, в чьих серых глазах отплясывал, кувыркался через голову и дразнился целый сонм проказливых демонят.

– И кого хоронят? – уточнил Кодо.

– Мириану.

– Какую Мириану? – не отставал громила.

– Райгархову, – женщина хмыкнула, решив, что достаточно помучила собеседника, и соизволила разъяснить подробнее: – Ксилу, туранскую пустынную ящерицу. Райгарх ее держал заместо кошки – вроде как домашняя любимица. Какой-то из оболтусов позавчера случайно на нее наступил. Разумеется, тварюга издохла. Райгарх узнал и взбесился. Начал кричать, что всех перебьет, но дознается, кто прикончил его ненаглядную скотинку. Этих идиотов хлебом не корми, дай дурака повалять. Они немедля предложили устроить бедной животине роскошные проводы, и целое утро таскаются с ней по двору.

– Ясненько, – протянул Кодо. Он отчетливо слышал протестующий визг своего разума, куда тщетно пыталась вместиться мысль о торжественных похоронах ящерицы-ксилу. – Вообще-то я к Аластору пришел… Он дома?

– Кто поминает имя мое всуе? – зловеще прошипели сзади. Кодо поспешно оглянулся. Тавернщица не шевельнулась.

Из-за приоткрытой двери таверны выбруался Аластор. Он раздобыл где-то просторный черный плащ, болтавшийся на нем, как на палке, и деревянную лицедейскую маску в виде оскалившего зубы черепа. Получился эдакий ходячий мертвец с подозрительно живыми зрачками, весело блестевшими в пустых глазницах личины.

– Гм, – протянул Кодо, не решив, как стоит воспринимать перевоплощение взломщика в Духа Смерти – высмеять или поддержать игру.

– И он туда же, – горько вздохнула Лорна. – Альс, тебе кой годик стукнул? Решил на старости лет в фигляры податься?

– Вечно серьезное выражение лица, да будет тебе известно, плохо сказывается на работе желудка и приводит к излишнему скоплению зеленой желчи, – не замедлил с ответом Аластор. – Мое почтение, Кодо.

– Я насчет… – заикнулся подручный Назирхата. Взломщик нетерпеливо отмахнулся «Потом, потом!» и сиганул с крыльца, завывая и размахивая полами накидки. Сие, как видно, обозначало приход гонца с Равнин Смерти за душой усопшего.

Носильщики, плакальщицы, наследник и гомонившая свита с готовностью рухнули на колени. Откуда-то (вероятно, с улицы) донеслась заунывно-тоскливая мелодия, перемежаемая надрывными всхлипами и позвякиванием железа о железо. Аластор разразился выспренной и не слишком приличной речью, живописуя многочисленные душевные и телесные достоинства покойницы. В паузах, пока оратор переводил дух, участники церемонии дружно голосили, щедро посыпали друг друга подобранной тут же красноватой пылью и отчаянно старались не расхохотаться.

– Детки-переростки, – снисходительно пробормотала тавернщица и отхлебнула из кувшина. – Никогда не повзрослеют.

Слегка охрипшее общество наконец перебралось к закутку между углом дома и птичником, где красовались заранее сложенные на старую повозку и щедро политые маслом вязанки хвороста: после вдумчивого обсуждения трупик Мирианы в соответствии с варварскими традициями решили предать огню. Шкатулку с подобающим трепетом закрыли крышкой и водрузили поверх сухих веток. Хисс завопил так, будто его пытались зарезать или охолостить, девицы повисли на нем с двух сторон, оттягивая в сторону от будущего кострища.

– Угомонитесь, угомонитесь, – Джай, присвоивший себе должность распорядителя, жестами и тычками расставил пестрое сборище полукругом. – Дух! – призыв относился к Аластору. – Не скачи, как игривый козел! Встань смирно и вой потихоньку! Где… э-э… ближайший родственник усопшей? Райгарх, поди сюда! Молви что-нибудь на прощание, да и спалим страдалицу.

Асир поднялся с парапета, тяжеловесно прошагав к заваленной сушняком повозке. Общество слегка притихло – частично из уважения к разлуке вышибалы с верной ящерицей, частично из опасения схлопотать подзатыльника за невовремя отпущенную остроту и тем испортить затею.

– Прожили мы вместе долгую и трудную жизнь, – сурово и мрачновато-торжественно начал Райгарх, – повидали немало радостей, горестей и прочего добра, какого вам, дармоедам и лентяям, и не снилось… – он обвел слушателей подозрительным взглядом, выискивая скрытые ухмылки, таковых не обнаружил и проложил: – Однако никакое счастье не длится вечно. Потому сегодня, когда суждено нам навечно проститься с Мирианой, образцом благонравия, кротости и добродетельности среди ящериц…

Кэрли тихонько хихикнула. Райгарх понял, что увлекся, подражая туранской высокопарности, и завершил речь просто и коротко:

– В последний раз спрашиваю, мерзавцы – кто? Кто угробил бедную невинную скотинку? Бить не буду, обещаю!

– Да в суматохе не заметили ее, вот и придавили по случайности, – заикнулся Ши, отлично знавший, кто виновен в смерти хвостатой твари. Вина целиком и полностью лежала на Конане. Природная способность ксилу менять окраску в зависимости от окружающих предметов сыграла с ней дурную шутку. По ведомым только ей соображениям ящерица повторила очертания и цвет лежавшего на столе длинного кинжала в ножнах. Когда Малыш, уверенный, что перед ним обычное оружие, схватил ее за хвост, зверюга пустилась бежать. Мальчишка, не вдаваясь в долгие размышления, треснул удирающим «кинжалом» по краю стола.

Такого обращения, само собой, не выдержит самое стойкое животное…

Опасаясь справедливого возмездия, Ши предложил уложить трупик ящерицы на лестнице – авось, кто-нибудь наступит. Разумеется, принимать на себя ответственность и гнев владельца ксилу не хотелось никому, и покойница Мириана пережила ряд утомительных перемещений с места на место, пока чья-то добрая душа не спрятала ее на кухонном леднике.

По правде говоря, никто, кроме Райгарха, не испытал особого сожаления, узнав, что Мириана отдала концы. Ящерица была воровата, шкодлива и постоянно совала нос, куда не следует. Привлекательностью она тоже не отличалась – бородавчатая, в наростах и складках, с чрезвычайно напыщенной мордой, украшенной маленькими рожками.

* * *

Убедившись, что никто из друзей-приятелей не собирается каяться в совершенном убийстве, асир зловеще выпятил челюсть и рявкнул:

– Тогда слушайте, что я скажу! Вы будете хоронить ее столько раз, сколько потребуется той трусливой душонке, чтобы признаться! Поняли?

– Че-го? – переспросил оторопевший Джай. – Райгарх, ты случаем, на солнышке не перегрелся?

– Очень смешно, – Аластор снял личину черепа, откинул капюшон и изумленно уставился на вышибалу. – Райгарх, да что с тобой, в самом деле? Это всего лишь ящерица!

– Лорна не разрешит хранить ее в кладовке, – многозначительно вставил Ши, помахивая висящим на цепочке горшком с раскаленными углями внутри. – Так я поджигаю?

– Да!

– Нет. Ши, стоять!

На Райгарха снизошло знаменитое варварское упрямство, когда человек способен голыми руками разделаться с десятком вооруженных противников или поссориться с лучшими друзьями только ради того, чтобы настоять на своем. Зеваки, почуявшие, как веселая шутка грозит вот-вот обернуться чем-то опасным для жизни, предусмотрительно отступили к воротам. Маленькая толпа на улице на удивление быстро рассеялась. Лорна насторожилась и подалась вперед, готовая вскочить на ноги и вмешаться. Кодо, за компанию с тавернщицей приложившийся к кувшину, презрительно фыркнул. Хисс и девушки попятились. Впрочем, Феруза немедленно попыталась разрешить дело миром, прибегнув к доводам разума:

– Райгарх! Райгарх, послушай мне тоже жаль Мириану. Но какой прок в том, чтобы хранить то, что от нее осталось? Раз она была дорога тебе, не лучше ли достойно похоронить ее и затем искать виновного? Что толку, коли «Нора» пропахнет дохлой ящерицей? Она вполне могла погибнуть сама – от болезни или старости…

– Или от того, что ей проломили голову, – неумолимо продолжил вышибала. Феруза смешалась и умоляюще глянула на друзей в поисках поддержки. – Я жду ответа! Или мы сейчас отнесем ее обратно, а завтра повторим все заново!

– Даже не мечтай, – бритунийка, только что скучавшая на крыльце, каким-то чудом оказалась рядом с Компанией. – С меня вполне достаточно двух дней, пока твоя драгоценная тухлятина валялась на леднике. Ши, заканчивай балаган.

– Угу, – воришка замахнулся, чтобы провести яркую огненную черту под жизнью туранской песчаной ящерицы. Райгарх попытался перехватить летящий горшок, но не успел – тот врезался в выступ на стене дома и с хрустом раскололся. Красно-черные угольки брызнули по сторонам, по большей части угодив на высушенный солнцем и пропитавшийся маслом хворост. Сушняк мгновенно вспыхнул, дрожащая волна жара заставила столпившихся вокруг людей отступить. Черные бока шкатулки украсились выпуклыми пузырями плавящегося лака, позолота на чешуйках драконов тоненькими ручейками потекла вниз. Запахло паленой древесиной и подгорающим мясом, к небу устремился сизоватый дымок.

– И вознеслась душечка Мириана на ящеричьи небеса, где полно мух величиной с цыпленка, а мокрицы сами прыгают в пасть, – вполголоса провозгласил Джай. – Туда ей и

дорога.

– Ибо нет в мире ничего, заслуживающего названия «вечного», и любому из живущих суждено переступить порог, за которым начинается Непознаваемое, – поддержал его низкий, раскатистый Голос, в котором смешивались безмерная усталость от жизни и эдакое затаенное самолюбование. Постояльцам «Норы» уже доводилось слышать подобные речения (они доносились из неузнаваемо переменившегося нужника), однако прежде таинственное создание не позволяло себе такой наглости – вмешиваться в людские дела. Преображенная будка тихо сидела около птичника, развлекаясь тем, что проповедовала совершенно равнодушным к ее речам гусям и уткам.

– Заткнись, – кратко огрызнулся Райгарх, невзлюбивший Голос с первого изданного им звука.

– Отвращающий слух свой от слов истины добровольно обрекает себя на вечную слепоту и глухоту, – не пожелал оставаться в долгу Голос. Теперь становилось ясно, откуда он доносится – из ниши мраморной часовни. Якобы намертво заделанная в камень решетка свободно покачивалась, чуть слышно поскрипывая, в глубине выемки мерцало призрачное голубовато-золотистое сияние, точно там обосновалось семейство светлячков. Философствующий бестелесный Голос иногда заглушался отдаленным пронзительным воем ветра и звуками, напоминающими бряцание тяжелых цепей.

– Как вы это делаете? – заинтригованный Кодо поднялся, вперевалку приблизился к странной кумирне и заглянул в нишу. – Запихали кого-нибудь внутрь?

– Само треплется, – рассеянно отозвалась Кэрли.

Хворост частично прогорел, облупившаяся и покоробившаяся шкатулка свалилась в глубины между вязанками. Дно повозки грозило вот-вот развалиться. Вдохновленный растерянным людским молчанием Голос разошелся вовсю:

– Как познать полноту и восторг Жизни, не существуй Смерти? Как оценить красоту дня, если в свой черед на землю не вступает ночь? Ночь, которая, как известно, старше и могущественнее дня, ибо сотворена первой? Кто сможет сказать, что изведал до конца все тайны ночных небес? Кто по праву произнесет: «Мне ведомо скрытое»? Истина кроется в молчании и тьме, и немного тех, кто отважится пройти ее до конца, кто шагнет за Порог не в страхе, но с разумом, открытым новым загадкам…

– Прелюбопытное учение, – озадаченно протянул Аластор. Он выглядел как человек, заподозривший нечто неладное, однако не разобравшийся толком, чем именно встревожен. – Смерть как ступень к новому познанию? Эхтендат Сольвийский, помнится, утверждал нечто подобное, так митрианцы быстренько заклеймили его растлителем душ и на всякий случай выставили из города…

– Сейчас он у меня получит новые знания! – Райгарх наконец обнаружил, на ком можно сорвать накопившуюся злость. – И подавится!

Не раздумывая о последствиях, асир ухватился за борт горящей повозки, толкнул изо всех немалых сил и опрокинул – прямо на часовню из черного камня. Основание капища утонуло в рассыпавшихся горящих ветках и заволоклось едким дымом, мгновенно наполнившим нишу. Голос растерянно поперхнулся и умолк.

– Зря ты с ним так… – начал слегка обескураженный Ши. Договорить ему не дали.

Часовня неистово закачалась из стороны в сторону. Из-под объятого разгорающимся пламенем фундамента судорожно выпростались восемь уже виденных обитателями постоялого двора огромных паучьих лап, завершающихся где когтями, а где лошадиными

копытами, и принялись торопливо затаптывать огонь.

Кодо растерянно моргнул, протер глаза, снова проморгался и подумал, что настала пора изрядно уменьшить число еженощных возлияний. Мало просто разговаривающей часовни, теперь у нее ноги выросли… Что дальше? Встанет и пойдет?

Словно отвечая человеческим мыслям, мраморное сооружение тяжко ухнуло и воздвиглось на выпрямившихся конечностях, оказавшись локтя на два выше людей. Короткая жесткая шерсть на лапах дымилась, покрываясь быстро расползающимися черными пятнами. Обитающее внутри существо зашлось в лающем кашле. Восемь ног, пребывавших в сильнейшем разладе между собой, перепутались, из-за чего раскачивавшаяся, как корабль на штормовых волнах, часовня описала пару кругов вокруг собственной оси, пошатываясь, выбралась на середину двора и, перевалившись через парапет, свалилась в чашу фонтана. Изъеденная солнцем и ржавчиной медная цапля с хрустом переломилась: голова полетела в одну сторону, туловище с ногами в другую.

– Хорошая была птичка, – невпопад заметил Ши, предусмотрительно высматривая путь к бегству.

Неуклюже перебирающая лапами постройка продолжала кружиться, выворачивая булыжники, раскатисто чихая и бормоча нечто маловразумительное. Питавший фонтан источник, считавшийся почти пересохшим, неожиданно воскрес, выплюнув к сизо-голубоватому небу тугую струю воды и щедро окатив разбежавшихся зрителей. Досталось и часовне, шарахнувшейся в сторону и по счастливой случайности оказавшейся вблизи ворот.

Неизвестно, обладало ли сооружение зрением или его подобием, однако решения принимать оно умело. Часть ног согнулась, отчего часовня наклонилась, устремив вперед серебряный шпиль и став похожей на некий оживший таран. Лорна, сообразившая, что сейчас произойдет, яростно выругалась.

Бывший нужник таверны «Уютная нора» с треском врезался в полуоткрытые створки, сокрушил их и вылетел на улицу, оставляя за собой слабо различимый дымный шлейф и разлапистые мокрые следы. Оказавшись снаружи, часовня повернулась к изумленно вытаращившимся ей вслед людям и с отчетливо различимой язвительностью в голосе изрекла:

– Тратить слова на глупцов столь же бессмысленно, как извлекать воду из камня.

После чего, залихватски раскачиваясь, пошагала вниз по переулку, сопровождаемая испуганными воплями зевак, ругательствами и призывами о помощи ко всем богам сразу.

Разрушенный фонтан продолжал извергать воду, темными ручейками разбегавшуюся между пересохших камней и превратившую догорающие вязанки хвороста в кучу грязи.

– Догнать? – не слишком уверенно поинтересовался Конан, обращаясь к Лорне. – Ведь всю округу перепугает…

Тавернщица подумала и отрицательно покачала головой:

– Ну его к демонам. Пускай катится, куда хочет.

– Погодите, погодите! – Кодо наконец смирился с тем печальным фактом, что происходящие вокруг события ему не мерещатся. – Вы что, всерьез хотите отпустить *это* шляться по городу?

– Коли тебе нечем заняться, можешь открыть на него охоту, – не слишком любезно буркнул Аластор и, спасаясь от прибывающей воды, забрался на крыльцо, втащив за собой безостановочно хихикавшую Ферузу. – У нас, как видишь, своих забот по горло. Ты вроде хотел мне что-то сказать? Так я слушаю. Причем, заметь, очень внимательно.

– Э-э… – Кодо совершенно не хотелось передавать поручение в такой обстановке, но, похоже, другого выбора ему не оставили. – Видишь ли, какое дело…

Его заглушила Лорна, прошлепавшая к захлебывающейся водой старой бронзовой трубе. Оценив величину разрушений, бритунийка сердито заорала, приказывая постояльцам не торчать на месте, изучая собственные задницы, а шевелиться – волочить доски, мешки с песком, камни, в общем, любые предметы, годные для сооружения временной затычки. Джай отправился посмотреть, что случилось с воротами, ныне валявшимися посреди улицы. Остальные, переругиваясь и взаимно обвиняя друг друга в скудоумии и непредусмотрительности, нехотя принялись за работу.

* * *

Объединенные усилия иногда приносят неплохой результат. Теперь посреди двора громоздился неопрятный холмик из мешков, валунов и рассыпанной земли, зато фонтанирующая прорва утихла, оставив на память быстро высыхающие лужицы. Лорна бродила вокруг и озабоченно прикидывала, что выгоднее и обойдется дешевле: устроить новый водомет или вырыть колодец. Фонтан, конечно, доказывает обеспеченность владельца таверны и его хороший вкус, однако дополнительный колодец в задыхающемся без воды Шадизаре куда полезнее.

Одну створку ворот стараниями Джая, Конана и дававшего ценные указания Ши удалось кое-как приладить на место. Дела со второй обстояли хуже – спятившая часовня выворотила без того слабо державшиеся проржавевшие петли. Пришлось ограничиться тем, что втащить половинку бывших ворот во двор и прислонить к забору.

– …Ворота сломали, фонтан развалили, грязи навели, – хмуро перечисляла бритунийка, возясь за стойкой с закупоренным бочонком. Компания, убежденная, что ее честные и тяжкие труды заслуживают бесплатной выпивки за счет заведения, пропустила справедливые обвинения хозяйки «Норы» мимо ушей. – Не говоря уж о перебитой посуде и ломаных скамейках. Чует мое сердце, скоро вы не оставите от бедной таверны камня на камне. Мне придется пойти по миру с протянутой рукой!

– В которой будет зажат дли-инный меч, – Проныра развел руки в стороны, наглядно показывая величину клинка. – Дабы ни у кого из встреченных на глухой лесной дороге путников не возникло сомнений – перед ними несчастная обобранная женщина, мечтающая только о парочке медных монет.

– Золотых, – серьезно поправила тавернщица. – Неужели ты всерьез полагаешь, что мне хватит пары каких-то жалких медяков?

– Смотря для чего…

– Между прочим, вы даже не подозреваете, какую услугу нам оказали! – с заднего двора явился Ши, строивший чрезвычайно загадочную физиономию.

– Гуси превратились в летающих свиней, курицы – в павлинов, утки сами начинились фисташками и изжарились, – меланхолично предположил Аластор.

– Гораздо хуже, – фыркнул Ши. – Идите посмотрите!

Уставшее и заполучившее свое угощение общество никуда идти не хотело. Ши хихикал и

уверял, что на случившееся стоит взглянуть. Первой не выдержала и поднялась со скамьи Феруза, пробормотав, что любопытство губит не только кошек. За ней потянулись остальные.

Обещанное зрелище, впрочем, стоило краткой прогулки по черному ходу таверны.

Там, где прежде торчал сколоченный из невесть где прибранных досок и перекошенный на левый бок нужник, теперь красовалась выкопанная в песчаном грунте глубокая яма. Окруженная пыльными лопухами, со слегка осыпавшимися краями, абсолютно пустая, сухая и чистая. Джай, в последние дни переставший доверять собственному зрению, осторожно приблизился к оплывшему срезу и носком сапога спихнул вглубь подвернувшийся камешек. Тот послушно канул вниз, вскоре долетел глухой звук удара.

– А жезла, который мы туда уронили, не видно? – Кэрли, вытянув шею и стараясь держаться подальше, боязливо заглянула в яму.

– Отсюда не разглядеть, – отозвался Ши. – Можно попробовать спустить вниз фонарь на веревке… или слазать кому-нибудь.

– Ты не хочешь? – любезно предложила тавернщица. Воришка замотал головой и на всякий случай сделал пару шагов назад, поближе к спасительной двери черного хода.

– Благодарствую, меня уже пытались туда отправить.

– Тогда в самом деле раздобудь лампу, – распорядилась Лорна. – И бечевку подлиннее и покрепче. Глянем, не завалялось ли там чего полезного.

Надежды не оправдались – глинистое дно вопиюще пустовало. Хисс и Кэрли быстро потеряли интерес к розыскам и, пошептавшись, улизнули из таверны по своим делам. Аластор вежливо-ехидно осведомился, как Лорна собирается использовать яму, чудесным образом очистившуюся от непривлекательного на вид, цвет и запах содержимого? Не следует ли теперь считать это место благословенным, распустить побольше слухов и брать деньги за разрешение хоть одним глазом увидеть небывалое?

Бритунийка привычно отругнулась и задумалась. Таверна лишилась нужника, зато обзавелась подозрительной яминой. Куда в ближайшее же время наверняка свалится какой-либо из постояльцев, находящийся в помраченном состоянии ума и духа. Придется вернуть яме ее первоначальный смысл: взять доски, гвозди, пилу и соорудить новый нужник.

Идею не одобрили. Вернее, дружно согласились с тем, что не годится оставлять посреди двора эдакий провал, однако каждый вспомнил о неотложном и срочном занятии. Ши поступил проще всех, откровенно заявив: физическая работа ему претит и вообще он в жизни не держал в руках ничего, хоть отдаленно напоминающего молоток.

– Найми кого-нибудь, – посоветовал воришка.

– Как крушить все подряд, так они первые. Как сколотить пару досок – позовите дядю, – немедленно заворчала тавернщица. – Дядя-то за «спасибо» трудиться не станет… Кто, между прочим, бросил туда треклятую штуковину?

Ши сделал вид, будто страдает врожденной глухотой и не понимает намеков.

– Я сделаю, – обозначил свое присутствие как обычно помалкивавший и пристально наблюдавший за приятелями Малыш.

– Во-во! – с готовностью поддержал Ши. – Пусть это отродье полуночных снегов принесет хоть какую-то пользу!

– От него в любом случае пользы больше, чем от тебя, – отрезала Лорна. – Вот что, дорогие мои. Шли бы вы отсюда куда подальше и возвращались вечером. А лучше – не показывались до следующего утра.

– За что такая немилость? – жалобно заныл Джай.

– Хватит с меня разрушений. Кто знает, что вы пожелаете разнести в следующий раз?

– Очень правильное решение, – согласился Аластор, увлекая за собой Ферузу и Джая. Ши, рассудив, что нет ничего приятнее, чем созерцать работу, которую выполняет за тебя кто-то другой, решил пока задержаться. Нельзя же упускать отличный повод позубоскалить над Малышом?

– Ши, – Аластор задержался в дверях черного хода и жестом подозвал воришку. Огляделся, убедившись, что Лорна и мальчишка-варвар увлеченно громыхают в сарае досками и кусками жести, отыскивая подходящий материал для постройки, и негромко попросил: – Ты не мог бы оказать мне одну услугу?

– Всегда пожалуйста. Кого надо убить?

– Пока никого, – взломщик рассеянно забарабанил пальцами по облупившемуся дверному косяку. – Разузнай для меня последние городские новости. Кажется, ветер доносит запах большой наживы…

– Кодо и Назирхат что-то затевают? – на лету перехватил недоговоренную мысль Ши.

– Понятия не имею, – чуть разочарованно признался Аластор. – Он хотел узнать, занят ли я в ближайшие три-четыре дня и можно ли рассчитывать на мои услуги. Вел себя необычайно вежливо, отпустил пару крайне нелестных замечаний в сторону своего покровителя и, надо отдать ему должное, ничего толком не сказал.

– Набирают людей для крупного дела? – предположил Ши и сам возразил: – Тогда непременно пошли бы слухи. В Шадизаре невозможно долго хранить секреты.

– Потому я и хочу, чтобы ты держал уши открытыми. Кстати… – Аластор помолчал, обдумывая какую-то мысль. – Из недомолвок Кодо я понял, что понадобятся несколько человек. Ты пошел бы со мной?

– Я с замками не работаю, – напомнил Ши, хотя первым его побуждением было закричать: «Конечно, пойду!» и он едва успел прикусить язык. – И мы не знаем, во что нас втягивают. Надо разузнать, о чем болтают на улицах.

– Конечно, – согласился Аластор, мотнув черными локонами. – Так в случае чего я могу на тебя рассчитывать?

– Ага.

Взломщик кивнул на прощание и ушел, оставив Ши развлекаться предположениями – не грядут ли в Городе Воров интересные времена, а если грядут, то как бы оказаться среди участников будущих событий? Любопытно, куда сбежала ожившая часовня и чем собирается заняться? Не проповедовать же обитателям Шадизара свое учение? А что, замечательное получится сооружение – храм, который сам себе жрец! Надо уговорить Малыша пошарить по окрестным кварталам, поискать беглый нужник. Вряд ли тот далеко ушел – даже восемь здоровенных ног не смогут долго таскать на себе увесистую мраморную глыбу. Наверняка обосновался где-то поблизости.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Охотники за сокровищами

– Интересно, куда подевалось то, что бултыхалось в яме? Не испарилось ведь, в самом деле? И жезл тоже сгинул…

– Ничто не пропадает бесследно. Если исчезло отсюда – объявится где-нибудь в другом месте.

– Хочешь сказать, в каком-нибудь квартале с небес обрушится большая куча?..

– Ага.

– Вот кому-то не повезет… Значит, палочка тоже будет в этой куче?

– Может будет, может нет. Кто ее знает, что это за палочка. Сначала привела к нам этот летающий пузырь с зубами, потом наводнила таверну лысыми синими кошками и скорпионами в клеточку…

– В полосочку.

– Хоть в горошек! Скорпионы с крыльями равнозначны явлению розовых летающих овец! И гляди, чем закончились превращения – часовней с болтливым Голосом внутри.

– Ты понимаешь, о чем он толковал? Я, признаться, ровным счетом ничего. Заумь какая-то.

– Как в любой религии. Главное – побольше зловещих и непонятных слов, дабы запугать непосвященных и внушить им почтение. Великий Дух Нужника да пребудет с вами! Трепещите и внимайте!

– Между прочим, Ши вчера вечером на радостях выплеснул в бедный нужник полкувшина шемского. Может, оттого Голос так и разобрало, что он вылез из своего угла?

– С шемского, особенно с того, что закупает Лорна, кого хочешь разберет.

– Например, кое-кто из моих знакомых немедля забирается под юбку к первой попавшейся на глаза особе… Как она, ничего? Стоит потраченных на нее стараний?

Хисс сбился с шага, вопросительно покосился на безмятежно созерцавшую сизовато-голубые небеса Кэрли и как можно равнодушнее поинтересовался:

– Ты о чем?

– Будто сам не догадываешься, – презрительно фыркнула девушка.

– В незапамятные времена, когда мы только-только имели несчастье познакомиться, – задушевно проговорил Хисс, – мы заключили определенное соглашение. Ты сама на нем настаивала. Как же оно звучало?.. Ага, вспомнил. Не лезть в личные дела друг друга, если таковые не угрожают нашему общему промыслу. Вполне разумный договор, не находишь? Или ты решила его пересмотреть? С чего бы? Я вроде старался честно соблюдать условия. Помалкивал, когда ты вертела хвостом на все стороны и шлялась с кем не попадя. Или… – он хитро прищурился, – или мы имеем приступ обычной ревности? Ай-ай, дорогуша, ты меня разочаровываешь. Не хватает только, чтобы ты подкараулила Лиа и устроила драку с тяганием за волосы и истошными воплями на целый квартал. Мне, конечно, будет весьма лестно… Однако согласись: скандал – это вульгарно. Ты ведь не обворованная торговка, чтобы визжать, причитать и грозить десятью небесными карами?

Кэрли зло пнула подвернувшийся под ногу камешек и ничего не ответила. Конечно, Хисс прав, зря она затеяла эту перебранку. Сама ничуть не лучше. Кто, спрашивается, ночь

напролет любезничал с Ши Шеламом? И нечего ссылаться на излишне выпитое и туман в голове – прекрасно соображала, что делала.

– Так что скажешь? – не отставал Хисс.

– Мы компаньоны и друзья, – нехотя выдавила Кэрли.

– Ими и останемся, – подвел итог Хисс, и, дабы уйти от тягостного разговора, со смешком полюбопытствовал: – Как полагаешь, чем занят беглый нужник?

– Подыскивает местечко для нового жилья и учится быть бродячим проповедником, – с апломбом заявила девушка и хмыкнула. – Если не попадается на глаза особо рьяным последователям кого-нибудь из небожителей, может, и преуспеет.

– В нашем-то городе тысячи и одной веры, где большинству глубоко плевать на богов? – искренне удивился Хисс. – Да хоть объяви себя поклонником ритуального людоедства или всеобщего хождения на голове – никто не обратит внимания. Можно с полным основанием сказать: Шадизар – единственный город в мире, где разрешено все, что не запрещено, а запретов не существует. Признаваемых, я имею в виду, – уточнил он после некоторого раздумья. – Официальные-то попадаются, только кто их соблюдает?

Хисс и Кэрли пробирались через торговый квартал Сахиль, краем уха ловя зазывные выкрики торговцев и обрывки утренних сплетен, привычно лавируя между застревающими в узких улицах повозками и мимолетно раскланиваясь со встречавшимися знакомыми. Сахиль, обиталище всяческого рода перекупщиков, купцов, ростовщиков, мастеровых и прочего подобного люда, бурлил обычной жизнью. Свершался бесконечный круговорот денег, услуг, договоров, расписок и товаров, неотъемлемой частью которого являлась парочка мошенников. Их охотничьи угодья тянулись чуть дальше к полудню от Большого Каменного Рынка, в переулках возле длинной улицы Ишлаз – Пергаментной Аллеи, россыпи лавок книжников, антикваров, ювелиров и собирателей редкостей. Как утверждала молва, на Ишлазе можно найти что угодно – от подлинной летописи эпохи Гибели Кхарийской Империи и Ахерона и монеты времен Эпимитриуса до свежеукраденного розового алмаза из королевской сокровищницы Немедии, почти неотличимого от настоящего.

Сперва в этот замкнутый мирок проник Хисс, питавший необъяснимую тягу к любым старинным вещам – оружию, книгам, амулетам, украшениям и просто безделушкам. Постепенно он заразил тягой к рукописям и подружку, ранее считавшую изыскания в библиотеках уделом согбенных чудаковатых стариков, а ценность книг измерявшую количеством украшений и позолоты на переплетах. Теперь Кэрли научилась довольно уверенно определять подлинность угодившего к ней в руки тома, приблизительное время и место его создания, имя переписчика или автора, стоимость, и самое главное – отыщется ли для находки заинтересованный покупатель с упитанным кошельком. Выслеживание редких сочинений оказалось увлекательнейшим и доходным занятием, ненамного безопаснее обычного мошенничества.

В качестве места встречи с возможными работодателями и любителями пергаментных сокровищ парочка облюбовала таверну «Цветок папируса» – тихое, уютное заведение из числа именуемых «широко известными в узких кругах». Те, кому требовались услуги Хисса и Кэрли, заглядывали сюда, передавая вести через хозяина, и рано или поздно встречались с компаньонами.

Ишлаз выгодно отличалась от прочих улиц города заметным спокойствием: здешние обитатели придерживались разумного мнения, что торопливость не приносит добрых плодов. Молодые люди, подчиняясь общему течению жизни, пошли медленнее, задерживаясь

почти у каждого прилавка, разглядывая выставленные на продажу вещицы и заодно узнавая свежие новости.

Таковые в основном посвящались вчерашним событиям на Воловьей площади и сорвавшейся церемонии наказания попавшихся воров и мошенников. Очевидцы живописно описывали состояние бешенства, в котором пребывал ныне верховный дознаватель Шадизара, месьор Рекифес. Шептались о возможном суде над шайкой гномов из квартала Чамган, схваченных с поличным при попытке вывести из города награбленное добро, и о том, что поиски главаря жуликоватых карликов, некоего Альбриха, пока ни к чему не привели.

– Он, наверное, сжевал от злости собственную бороду, – язвительно заметила Кэрли, ибо компания из «Уютной норы» могла добавить к россказням сплетников много захватывающих подробностей, касающихся предприимчивого Альбриха и его делишек. – Удирает сейчас куда-нибудь в сторону Граскааля, честя нас последними словами.

– Я бы не слишком на это надеялся, – отозвался Хисс. – Мы невольно сорвали его планы и поссорили с сородичами. Как бы в его туповатую гномскую голову не закралась мысль о мести.

– Кому, нам? – девушка легкомысленно махнула рукой. – Глупости! Ему намного важнее сберечь свою шкуру, чем отомстить каким-то жалким человеческим отродьям. Ты же знаешь, как подгорное племя относится к людям.

– Ему некуда бежать, – задумчиво протянул Хисс, изучая разложенные на деревянном лотке резные костяные фигурки из Кхитая. – И, по его мнению, виновны в этом мы…

– Да брось, – настаивала Кэрли. – Он давно смылся из Шадизара. Такой тип, как Альбрих, в любую щель без масла пролезет и устроится так, что обзавидуешься.

– Возможно, возможно, – рассеянно кивнул рыжеволосый мошенник, перебирая крохотные статуэтки. Ничего не выбрав, зашагал дальше. Отойдя на пару десятков шагов, ехидно ухмыльнулся, встряхнул кистью и на лету поймал выпавшую из рукава фигурку.

– Жабу спер, – удивилась Кэрли, разглядев добычу – изображение пузатой и чрезвычайно надменной лягушки, сидевшей на листе кувшинки. – Зачем она тебе понадобилась?

– Нравится, – Хисс погладил пучеглазую тварь по спинке.

– Она стоит сущую мелочь, мог бы просто так купить… А, поняла! – девушка обрадованно щелкнула пальцами. – Опять поклонение Великой Жабе, да?

– Какая ты догадливая, просто удивительно, – ядовито ответил Хисс и сунул приобретение в болтавшийся у пояса кошель. – К твоей сообразительности добавить капельку ума – цены б тебе не было.

Кэрли не обиделась. В конце концов, упоминание о «поклонении Жабе» – одна из распространенных шадизарских насмешек. Жаба или лягушка считалась символом жадности; таким образом, назвав человека «адептом Великой Жабы», ты просто-напросто обзываешь его скрягой. За Хиссом – что справедливо признавалось всеми его друзьями и даже им самим – водился подобный недостаток. Его подружка частенько страдала тем же недугом. Так, недавно она приобрела по случаю двадцать локтей ядовито-зеленого бархата и теперь ломала голову над тем, куда бы их приспособить. Ей совершенно не требовалось такое количество материи, но ведь отдавали задешево!

* * *

«Цветок папируса» встретил гостей долгожданной прохладой, шелестящими связками трав на стенах, сдержанными приветствиями завсегдатаев и обрадованным кивком хозяина, немедля выудившего из потайного ящика под стойкой увесистый квадратный пакет, тщательно замотанный в холстину и перевязанный тонкими веревочками.

– Велено передать, – с этими словами он вручил сверток Хиссу, присовокупив к нему две помятые оловянные кружки, традиционно заказываемый кувшин туранского «Лунного сияния» и тарелку со свежими медовыми лепешками. – Давненько вы не заглядывали. Заботы, хлопоты?

– Они, проклятущие, – Кэрли забрала блюдо. – Вертимся, крутимся, словно ослы на крупорушке, а толку – чуть.

– Тут с вами повидаться хотели, – тавернщик понизил голос и оглянулся. – Странноватый тип, я вам скажу… Поглядеть, так смахивает на последнего нищеброда, но золотишко у него водится, это точно.

– Этот тип не говорил, когда зайдет в следующий раз? – деловито уточнил Хисс, оторвавшись от вдумчивого развязывания веревок на посылке.

– Он тут живет, – с видом человека, открывающего страшную тайну, признался хозяин. – В пристройке на заднем дворе. Позвать?

Двое мошенников вопросительно переглянулись. Возможность заработать есть возможность заработать, а личность нанимателя никогда не имела для них особенного значения.

– Валяй, – решил Хисс.

Они только успели расположиться за отодвинутым в тихий угол столом, который уже привыкли считать своим, как рядом, пристукнув тяжелым дубовым посохом, возникла крайне загадочная фигура. Выцветший и обтрепавшийся по краям желтовато-коричневый дорожный плащ из толстого сукна, низко надвинутый капюшон и скрывавшие лицо многочисленные повязки создавали образ чего-то среднего между митрианским пилигримом и туранским пустынным кочевником. Кэрли уловила идущий от незнакомца причудливый запах – смесь кисловатой выдубленной кожи и сушеных цветков шандры. По ее представлению, так пахли старые книги или мумии. Встревоженная девушка на всякий случай отодвинулась от стола и украдкой проверила спрятанный в складках широкой юбки кинжал.

Голос у неизвестного оказался под стать облику – скрипучий, словно исходящий из горла, натертого песчинками.

– Можете называть меня Леук, – сообщил он, прислоняя посох к стене и присаживаясь напротив озадаченных молодых людей. Кэрли попыталась разглядеть глаза собеседника, но ничего не получилось – они надежно прятались в тени. – Вы – Хисс и Кэрли?

Хисс сдержанно кивнул. Незнакомец ему не нравился. В Шадизаре полно людей, к которым испытываешь неприязнь с первого взгляда, однако тут происходило нечто другое. Леук меньше всего походил на человека, интересующегося рукописями. Он, если на то пошло, вообще не поддавался определению. И вдобавок это имя – в переводе с шемского диалекта не то «Преследователь», не то «Охотник». Наверняка вымышленное, причем с

умыслом. Может, не связываться? Но ведь до крайности любопытно, что он намеревается предложить…

– Итак? – не придя к определенному выводу, осторожно и по возможности вежливо начал Хисс. – Чем можем быть полезны?

Из-под тряпок донесся глуховатый смешок.

– Я ищу потерявшуюся вещь, – внятно проговорил Леук. – Меня заверили, будто вы неплохо разбираетесь в старинных книгах. Одна такая была похищена из частной коллекции и затерялась где-то в городе. Вы бы взялись ее разыскать? Предупреждаю, поиск может оказаться долгим и сложным – книгу наверняка неоднократно перепродавали. Если согласитесь, оплату любых расходов я возьму на себя.

– Как давно пропал раритет? – уточнила Кэрли, рассеянно отщипывая кусочки лепешки.

– Около трех лун назад, – немедля отозвался Леук.

– Почтеннейший Леук твердо уверен, что книга до сих пор в Шадизаре? – Хисс задумчиво вращал меж пальцев подобранную на столе тростинку.

Спрятанная под капюшоном голова решительно наклонилась, подтверждая.

– Автор, внешний вид, приметы? – азартно перечислил Хисс. Плевать, кто такой этот замотанный с ног до головы в драное тряпье Леук, главное – как выглядит его золото.

– Книга довольно большая, где-то три ладони длиной и две – шириной, – неторопливо, точно мысленно представляя себе похищенный том, начал описывать Леук. – Переплет выполнен из очень старой черной кожи с зеленоватыми пятнами. Корешок и обложка украшены бронзовыми накладками и застегиваются на два замка. Имя автора не сохранилось, однако на титульном листе имеется надпись – «Россыпь сочтенных песчинок». Язык… – он на мгновение замолчал, – кажется, древнекофийский, хотя поручиться не могу. Под заголовком рисунок красной тушью и золотом: солнечные часы, тень приближается к полудню. Слева от рисунка, если смотреть на просвет, проступает изображение черепа.

«Наверное, заумный философский трактат», – предположил Хисс, а вслух спросил:

– Приблизительное содержание? На тот случай, если нынешний владелец вздумает поменять обложку.

– Сборник жизнеописаний. К сожалению, мне в точности неизвестно, чьи именно биографии туда включены, – в бесстрастном голосе Леука послышалось слабое разочарование. – Так беретесь за розыск?

– Угу, – небрежно бросил Хисс. – Наши обычные условия: полсотни золотых немедийских ауреев вперед, дальнейшая оплата – в зависимости от обстоятельств. Каждые пять дней мы будем либо заглядывать сюда, либо оставлять весточки о том, как продвигаются дела. Если найдем – триста ауреев новой чеканки. Могут сгодиться и туранские империалы. Устраивает?

Вместо ответа Леук извлек из недр своей пыльной хламиды потертый кожаный мешочек, молча положил его посреди столешницы, встал, забрал посох и, не говоря ни слова, ушел. Посетители «Цветка», мимо которых он проходил, невольно умолкали и неприязненно косились ему вслед.

Нелепая фигура в тяжелом плаще миновала порог таверны и растворилась в солнечном мареве. Кто-то шумно и облегченно вздохнул – кажется, хозяин.

– Однако… – протянула не на шутку удивленная Кэрли. Нагнулась и зачем-то заглянула под стол.

– Ты чего там потеряла?

– Хотела проверить – не сыплется ли из него песок, – серьезно объяснила девушка. – Он похож на оживленного покойника, тебе не показалось? Глянь, что он нам подкинул? Если обжулил – разыщу и выпотрошу!

Хисс несколькими рывками ослабил завязки у горлышка кошеля, запустил внутрь два пальца и вытянул тяжелую, тускло поблескивающую монету, слегка обтершуюся по краям.

– Это что? – нахмурилась Кэрли.

– Офирский двуденарий, – Хисс повертел кругляш, прикидывая на вес и оценивая. – Отчеканен в правление короля Атридала Скупца, то есть лет двести пятьдесят назад. У менял и собирателей монет идет по пяти империалов за штуку… – склонив голову набок, он потряс мешочек. – Тут их не меньше десятка.

Девушка без труда подсчитала общую сумму и вытаращилась на своего приятеля. Тот недоуменно пожал плечами.

* * *

Построить деревянную будку в сущности не так сложно – три стены, наклонная крыша, навесная дверь, да еще доска с выпиленной круглой дырой. Убедившись, что Малыш прекрасно справляется без ее помощи, Лорна вернулась в таверну, к привычным обязанностям.

Постояльцы разбежались кто куда – добывать хлеб насущный, плести новые интрижки и собирать на свою голову очередные приключения. Райгарх незамысловато напился и побрел отсыпаться. Ши покрутился на заднем дворе, давая приятелю советы, пока ему не наскучило это занятие и он не смылся в город. Аластор и Феруза тоже исчезли – судя по отсутствующе-счастливому виду этой парочки, здраво рассудила Лорна, они не уйдут дальше дома гадалки, отстоящего на пару кварталов вверх по склону холма, и застрянут там до вечера, если не до следующего утра. Джай куда-то подевался – то ли поднялся наверх, вздремнуть, то ли ушел вслед за Ши.

Заваленный мешками фонтан подавал слабые признаки жизни, плюясь струйками воды. Над Шадизаром разгорался обычный летний день, тягостный и душный. Тавернщица свирепо покосилась на небо – ни единого облачка, нет даже малейшего намека на дождь. Опять жариться заживо. И посетителей не предвидится – кто по доброй воле выберется из дома в такой зной? Вот стемнеет, похолодает, тогда можно рассчитывать на гостей и прибыль.

Лорна наведалась в кухню, лениво поболтала с прислугой, отчитала девчонку-служанку Рилну, разбившую с утра пару тарелок. Захватила кувшин с вином, щедро сыпанула туда дорогих кусочков льда, плавившихся на глазах, и отправилась на задний двор – глянуть на успехи Малыша.

Мальчишка-варвар провозился до середины дня, однако справился с работой намного лучше, чем ожидала бритунийка. Она решила не обращать внимания на то, что дверь нужника висит слегка косовато и не закрывается до конца, равно как и на другое обстоятельство – строитель позабыл проделать хотя бы маленькое оконце. Мелкие огрехи она исправит сама или поручит Райгарху. В конце концов, самое важное – добрые намерения. Ведь из шайки ее постояльцев, кроме Малыша, никто даже не почесался, чтобы помочь

бедной женщине, еле сводящей концы с концами!

– Неплохо, – одобрила владелица таверны. Стоявший рядом Конан глядел на дело рук своих с таким удивлением, будто только теперь осознал, над чем трудился. – Очень даже неплохо. Куда симпатичнее уродины, что торчала здесь раньше… Есть хочешь? Я велю, чтобы тебе чего-нибудь приготовили.

– Лорна, Райгарх здорово расстроился из-за ящерицы? – неожиданно спросил Малыш. Судя по его вопросительному взгляду, ответ имел большое значение, потому Лорна попыталась говорить можно честнее и точнее:

– Он, конечно, огорчился, но не настолько, чтобы считать жизнь прожитой зазря. Через пару дней он забудет про свою великую потерю. А что?

– Это я убил Мириану, – смотря куда-то в сторону, с явным трудом признался мальчишка и торопливо добавил: – Я не хотел. Так случайно получилось.

– Бедствие ты наше ходячее, – Лорна не выдержала и фыркнула. – Вечно-то у тебя все кувырком. Пошли, откроешь тайну, как ты прикончил бедную скотинку. Заодно и выпьем за помин ее души.

Повествование вышло недолгим – из-за привычки Конана к немногословности и потому, что рассказывать было особенно нечего. Тавернщица, слушая, изрядно повеселилась, заявив под конец, будто сама давно мечтала избавиться от ящерицы.

– Впрочем, если тебе приспичило искупить вину… – отсмеявшись, заметила она, – можешь добыть для Райгарха какую-нибудь особенную тварь. Только желательно тихую и спокойную. На худой конец, коли не найдешь ничего получше – купи собаку или кошку. Деньги найдутся? – кивок. – Знаешь, где в Сахиле расположен Блошиный рынок? – кивок. – Там продают всяческих редких животных. Сходи, это недалеко. Даже тебе не удастся влипнуть по дороге ни в какую историю. Иди, иди, нечего целыми днями торчать в таверне и маяться от скуки.

– Правда? – недоверчиво уточнил Малыш. Общество «Уютной норы» полагало, что ему пока не стоит соваться в город без сопровождения, дабы по незнанию местных обычаев не натворить бед. Лорна же считала, что мальчишка вполне способен как постоять за себя, так и отличить белое от черного.

Говоря по правде, она просто хотела отдохнуть после на редкость суматошного утра.

* * *

В Шадизаре очень любили двусмысленные загадки. Одна из них гласила: «Если на Зеленном рынке торгуют овощами, на Тряпичном – одеждой и коврами, а на Овечьем – шерстью, то что продается на Блошином?» Кое-кто утверждал, что вшей, блох и прочих захребетников мира насекомых там насчитывается гораздо больше, чем торговцев и расхваливаемых ими животных.

Неписаная заповедь Города Воров гласила: «На продажу годится все, чему отыщется покупатель». Потому с течением времени пришлось создать несколько рынков для живности: уже упоминавшийся Овечий; Лошадиный – с делением на места для породистых скакунов и обычной тягловой скотины; Мясной или Телячий, где по неведомым причинам

преобладали свиньи, и, наконец, наиболее шумливый и пестрый – Блошиный.

Сюда стекались привезенные из дальних краев необычные создания природы. Тут любой желающий мог приобрести животных, специально выращиваемых для азартных игр – от бойцовых гусей и петухов до огромных мрачных тарантулов траурно-черного цвета. Здесь торговали дурно орущими павлинами и крохотными радужными птичками из Черных королевств, зеленовато-пепельными стигийскими гадюками, обезьянками, белками, причудливыми туранскими ящерицами и даже яркими рыбками с Вилайета, плававшими в больших стеклянных посудинах.

Продается все, что может быть продано. Только плати.

Побродив между рядами прилавков, Конан слегка растерялся. Обитатели клеток, вольеров и загонов верещали, рычали и щебетали, как оглашенные, явно стараясь перекричать своих владельцев. В различных углах рынка то и дело раздавались отчаянные вопли – либо животное укусило возможного покупателя, неосторожно сунувшего руку в клетку, либо какой-то зверь попытался удрать. Причем сбегали пленники не из стремления к свободе, а ради того, чтобы устроить славную кутерьму и заставить двуногих всласть погоняться за собой.

На глазах недоумевающего Малыша десяток человек с криками преследовал золотисто-коричневого зверька, похожего на упитанную крысу-переростка. Беглец весело шнырял между ящиками и мешками, вызывающе пищал и в конце концов, устав от беготни, добровольно вернулся в место своего заточения. Хозяин животного, узрев «беглую» крысу восседающей посреди клетки и деловито разгрызающей орех, схватился за сердце и рухнул, где стоял. К сожалению, он приземлился на немедленно порвавшийся мешок с семечками и исчез в вихре налетевших прожорливых голубей.

Идей относительно достойной замены Мириане в голову пока не приходило. Можно, конечно, приобрести одного из ее сородичей – вон они, азартно копаются в горке песка посреди большой клетки. Однако Конан уже успел невольно проникнуться всеобщим легким сумасшествием, и сообразил, что появление второй Мирианы особой радости не вызовет. Вдобавок ящерица наверняка не понравится Лорне. Нужно придумать нечто иное.

В какой-то момент он решил, что обрел искомое: внутри шара из мутно-желтоватого стекла шныряли странноватые рыбы – плоские, серебристые, с зловеще-туповатыми мордами и выпирающими зубами. Рыбки лихо выпрыгивали из воды, хватая пролетающих мух и слепней, яростно набрасывались на кусочки мяса, бросаемые в воду, и цапнули за палец зеваку, решившего поиграть с судьбой. К сожалению, кусачие рыбы пользовались спросом и раскупались быстрее, чем пирожки в разгар ярмарки. Малыш застал владельца рыб за лихорадочными попытками изловить маленьким сачком последних.

«Может, в самом деле собаку купить? – прислушавшись, мальчишка отлично различал разноголосый лай, долетавший из Песьего Угла. – Только Лорна без того держит двух, зачем приводить еще одну?»

Маленький загончик из небрежно ошкуренных жердей привлек внимание Малыша собравшейся толпой, удивленными возгласами и громкими разглагольствованиями продавца:

– Такого вы еще никогда не встречали, клянусь здоровьем моей мамы, чтоб она прожила тысячу лет! Сии поразительнейшие твари были с величайшими трудностями и опасностями изловлены не где-нибудь, но в самом Дарфаре – стране кровожадных людоедов! Если бы вы только могли представить, каких трудов стоило доставить их сюда, для развлечения и увеселения почтеннейшей публики, вы не смогли бы заснуть, опасаясь кошмаров!

– А какая от них польза? – скептически заметил кто-то из зрителей.

– Польза бывает от каплунов и хряков, – не замедлил с ответом бойкий торговец. – Эти же творения поражают воображение и заставляют ваших недругов исходить завистью, ибо им негде раздобыть подобное диво!

Толпа уважительно зашепталась. Если у тебя имеется нечто, чему завидуют остальные, значит, ты действительно сумел достичь успеха в жизни.

– Как они называются? – пискнул любопытный детский голосок.

– Что жрут? – добавил процветающего вида купец, за руку которого цеплялась вертлявая накрашенная девица.

– Сколько за штуку? – прозвучал самый главный вопрос, после которого начиналось самое захватывающее действо – торговля.

– В джунглях этого зверя прозывают «пекудо», что означает «носящий доспех», – важно сообщил торговец. – Кормить его следует свежим мясом, птичьими яйцами и фруктами. Кстати, он умеет ловить муравьев, змей и лягушек, отчего-таки приносит некий прок в хозяйстве. Что до цены, почтеннейшие, то…

Окончание фразы Конан прослушал, потому что сумел добраться до загона и увидеть зверя пекудо.

Обитатель дарфарских лесов оказался причудливым существом в локоть длиной, покрытым крупными светло-янтарными чешуйками. Спереди выглядывала лысоватая мордочка с парой блестящих глазок, принюхивающимся носом и дергающимися ушами, напоминавшими уменьшенные ослиные. Позади волочился длинный хвост, похожий на окованную железом дубинку. Зверьки, числом шесть или семь, пыхтя, быстро семенили по загону, иногда свертываясь в большие шары, задирали друг друга, пытались целеустремленно выкопать нору в окружавших бревнах и выглядели довольно забавно – эдакие живые сосновые шишки.

«Пожалуй, такой сойдет…»

Купец, к восторгу своей спутницы и несомненной выгоде продавца, сторговался на пятнадцати туранских полуимпериалах за животное. Плотный мешок с барахтавшейся внутри покупкой вручили одному из сопровождавших купца слуг (без того нагруженному свертками), дополнив поручение грозным наказом смотреть в оба и беречь пуще глаза.

«Не умеешь спорить о деньгах, поступай проще – набрось немного сверх того, что давал предыдущий покупатель, и постарайся успеть прежде, чем налетят другие желающие. Если держаться достаточно уверенно, подействует», – наставлял подопечного Джай Проныра и совет не прошел даром.

…Следующего зверька, выложив аж целых восемнадцать полуимпериалов, унес хмурый молодой человек варварского обличья – не то охранник из богатого дома, не то вышибала при дорогом заведении, а может, чей-то дружок или просто временно разбогатевший воришка. Продавец заикнулся было разузнать, для каких целей приобретается столь редкостное существо, но, по быстрому рассуждению, решил, что это не имеет особенного значения. Да хотя бы зверя изжарят на медленном огне в репейном масле или запихнут в золоченую клетку и будут хвастаться перед друзьями. Барыш получен до последней монетки, дальнейшая судьба чешуйчатых тварей зависит только от их нового владельца.

Прочих раскупили почти сразу. За последнего давали аж тридцать империалов и он послужил поводом к изрядной ссоре. Обзавестись пекудо желали разряженная в пух и прах содержанка местного богатея и не менее расфуфыренный туранец, величавший себя

поставщиком двора Всевластного и Славнейшего Владыки Илдиза. Победил туранец, раскошелившийся на тридцать пять золотых. Красотка презрительно фыркнула и гордо удалилась, не преминув высказать, что она думает о туранцах вообще и в частности.

«В следующий раз надо раздобыть не семь штук этих зверюг, а хотя бы два десятка, – благостно размышлял торговец спустя некоторое время, посиживая в тихой таверне и ласково поглаживая бок непримечательного мешка из серой холстины. – Еще пяток распродаж – и можно обзаводиться домиком в приличном квартале…»

Светлые надежды не сбылись – спустя два дня предприимчивого сбытчика редких животных обокрали.

* * *

Пекудо совершенно не нравилось сидеть в заточении, что он высказывал всеми доступными животному способами – хрюкал, царапался, пыхтел и рвался наружу. Чтобы угомонить зверька, пришлось спешно купить цыпленка и забросить в мешок. Оттуда раздалось сначала чихание, затем довольное похрустывание. Пекудо перестал метаться и занялся вдумчивым обгладыванием косточек.

Спешить некуда. Подарок куплен, хотя на него ушли все невеликие сбережения. Можно не торопясь пройтись по городу, к наступлению сумерек вернувшись на постоялый двор.

И мальчик-варвар отправился наугад, в самом прямом смысле – куда ноги выведут. Обошел полуденную часть Сахиля, услышал сплетни о новом подвиге летучего Пузыря-с-Зубами (тот сожрал перекладину знаменитой городской виселицы Тетушки Амоны, не побрезговав заодно болтавшимся на ней трупом), поглядел, как уличная стража разгоняет драку возле Каменного рынка, свернул в какой-то переулок и неожиданно очутился на крохотной площади, втиснувшейся между торговыми складами и купеческими домами. Площадь могла похвалиться относительно неповрежденной каменной мостовой и героически выдерживавшими солнечный жар старыми платанами.

В углу площади торчала остроконечная вершина полотняного шатра. Украшавшие его некогда разноцветные полосы вылиняли, но жестяной флажок на макушке не потерял бодрости, многочисленные ленты и фестончики вяло трепыхались, а шумное скопление людей поблизости доказывало, что происходит нечто любопытное. Пекудо, кажется, объелся и заснул, отчего бы не глянуть на причину сборища поближе?

Под сенью шатра скрывались деревянные подмостки. За ними торчал ярко размалеванный холщовый задник, изображавший вид на спускающиеся к морю зеленые холмы, и стояло внушительного вида золотое кресло. Раскинувшийся в нем человек – красная мантия, съехавшая набок жестяная корона со множеством сверкающих камешков – тоскливо внимал яростной перепалке двух женщин. Очередная реплика спорщиц вызвала бурный хохот зрителей и подсказала Малышу, что он видит.

Некогда его новому воспитателю, Джаю Проныре, пришлось потратить немалое количество времени, слов и нервов, растолковывая подростку из дикарских краев смысл такого простого и привычного в Заморе, равно как и иной цивилизованной стране развлечения, как лицедейское представление. Для Конана не существовало четкого различия

между вымышленным и действительным. Поначалу он твердо верил, что происходящее на сцене есть кусок обыденной жизни и льющаяся красная краска – настоящая кровь…

Отчаявшись вдолбить что-либо в тупую варварскую голову, Джай обратился за помощью к Аластору.

Взломщик отнесся к просьбе неожиданно серьезно и сумел подобрать нужные слова, объяснив Малышу, как нужно воспринимать игру актеров и почему нельзя вмешиваться в ход показываемых событий. Мальчишка внимательно выслушал, поблагодарил, однако для себя решил, что подобные увеселения ему не нравятся. Слишком правдоподобные для выдумки. Однако коли в городах принято смотреть такое – он постарается привыкнуть и разобраться, что к чему.

Действо шло своим чередом и, когда присмотришься, оказалось вполне понятным. Человек в кресле – судья. Толстуха в розовом – добродетельная мать семейства, возмущенная тем, что ее соседка содержит тайный веселый дом. Красотка в зеленом и черном – обвиняемая, которая отнюдь не собирается признавать свою вину. Дамы орали друг на друга, пока судья не треснул по ручке трона и не велел спорщицам замолчать. Огласили приговор: бордель разгоняется, его хозяйка отправляется за решетку. Вышли стражники и увели продолжавшую возмущаться женщину.

Картина с морским берегом сменилась нарисованной каменной стеной с зарешеченным окошком – надо полагать, тюрьмой. Содержательница, закутанная в драный плащ, металась от стены к стене, с жаром доказывая, сколько благодеяний она оказала бедным девушкам, трудившимся у нее, и сколь несправедлива жизнь. Отчаявшись, женщина бухнулась на колени и воззвала к Покровительнице Любящих – Иштар.

Позади тряпичного задника громыхнул раскат грома (поленом по медному листу), стена раздвинулась и в камеру снизошла богиня – как положено, вся в белом, с венком из роз на голове и потрепанным чучелом голубя в руке. Ее приветствовали смешками и радостным улюлюканьем. Иштар принялась сердито отчитывать свою поклонницу: сначала за то, что та отвлекает небожительницу всякой ерундой, затем – за неумение вести дела, не попадаясь. Содержательница послушно кивала головой, обещая впредь быть осмотрительнее, публика кричала что-то одобрительное, Малыш тоскливо недоумевал. Кажется, в этом городе вообще не существовало такой вещи, как уважение к богам. Обитатели Шадизара считали, что их небесные покровители вечно заняты другими хлопотами и не обращают внимания на выходки людей. Богов всегда можно задобрить богатым пожертвованием храму или громким покаянием, украдкой продолжая их высмеивать.

– …И последний совет, дочь моя, – актриса, изображавшая Иштар, кокетливо поправила сползший набок венок, – не вздумай опять именовать свое заведение тем, чем оно является. Это так – фи! – по-плебейски и так – фи! – вульгарно.

– Как же мне его назвать? – удивилась хозяйка. – Бордель – он и есть бордель, какое наименование ему не давай.

– Нет-нет, – богиня наставительно покачала указательным пальцем. – Я имела в виду совсем другое! Ты должна позаботиться, чтобы все думали, что ты, допустим, содержишь приют для сирот… или вышивальную мастерскую… или помогаешь небогатым девицам найти подходящих женихов… В общем, что-нибудь приличное и благопристойное. Благопристойность и незаметность – вот что я ценю больше всего, моя милая! Всегда помни об этом, и не пропадешь! А чем вы там занимаетесь – какое мне дело?..

Позади Малыша звонко и искренне расхохотались, захлопав в ладоши. Не выдержав, он

оглянулся.

Возле шершавого ствола платана стояла девица. Обычная шадизарская девчонка – лет восемнадцати или побольше, скорее всего из торгового сословия, в меру подкрашенная, одетая без особой роскоши, но и не серая мышка, с корзинкой на локте и легкомысленной улыбочкой. Гладкие волосы цвета бронзы вспыхивали на солнце красноватым отливом, из-под вытянутых к вискам бровей на мир взирали беспечные светло-фиолетовые глаза с темными крапинками.

Джай, Ши или Хисс без колебаний отнесли бы девицу к числу «хорошеньких», причем Ши непременно потащился бы за ней следом в надежде завязать знакомство. Аластор, поглядев на незнакомку, изрек бы задумчиво: «В ней что-то есть…». Лорна назвала бы ее сметливой вертихвосткой. Кэрли почувствовала бы родственную душу – тяготеющую к легкому обману, игривому флирту и житью за чужой счет. Феруза… Впрочем, кто знает, что сказала бы Феруза?

Конан, не обладавший опытом своих друзей, видел только хихикающую над представлением девчонку.

Затихший пекудо даже нарочно не смог бы выбрать лучшего момента для рывка к свободе. Очевидно, он занимался тем, что старательно расширял обнаруженную в углу мешка дырку. Тяжкий труд завершился полным успехом. Холст затрещал, зверек вывалился на камни мостовой, встряхнулся и на удивление быстро заковылял в сторону шатра.

– Ой, – растерянно сказала девица, когда мимо нее процокало коготками непонятное создание, и на редкость проницательно заметила, обращаясь к замешкавшемуся Малышу: – Это твой? Он сейчас убежит!

– Сам вижу, – огрызнулся мальчишка. Пекудо, словно издеваясь, прокладывал путь к скоплению зрителей, где шанс поймать его становился ничтожнее песчинки.

– Стой, никуда не ходи, не вздумай спереть мою корзинку – там все равно ничего нет! – с этими словами девушка отшвырнула корзину (в ней что-то разбилось) и рванула вслед за удравшим зверьком. Они поочередно врезались в толпу и исчезли, сопровождаемые недовольным ворчанием тех, кому наступили на ногу или толкнули в бок.

Оставшемуся в одиночестве Малышу выпало подобрать корзину, из которой вытекла тонкая молочная струйка, и ждать, почти не надеясь ни на возвращение девицы, ни на обретение смывшейся зверюги.

На смену невнятному бурчанию пришли раздраженные выкрики – преследовавшая четвероногого беглеца незнакомка вошла во вкус, прокладывая себе дорогу локтями и пинками. Донесся отчаянный визг, затем цветастое и заковыристое изречение, сулившее мучительную смерть тем, кто устраивает тут гонки за мерзкими тварями. Шум, сопровождавший перемещения охотницы, добрался до подмостков, заставив актеров прерваться и взглянуть, что происходит. Вспыхнула какая-то возня, и все затихло.

«Наверное, Лорна права – мне всю жизнь суждено влипать в дурацкие передряги…»

Запыхавшаяся девчонка вынырнула из людского скопища, как выдра из речного омута. Мало того, у нее на руках лежал свернувшийся желтоватым клубком пекудо!

– Поймала! – торжествующе доложила она. Изумленно поглядела сначала на зверька, потом, еще более изумленно – на Малыша, и снова на животное. – Слушай, если не секрет, зачем тебе…такое? И что это?

– Подарок, – брякнул Конан. Девица склонила голову набок и вопросительно помахала ресницами:

– Подарок?.. Ладно, каждый сходит с ума, как умеет. Только в награду за то, что я носилась за этой тварью, мы сейчас пойдем куда-нибудь, где есть тень и где продают что-нибудь холодное, и ты мне все-все расскажешь – откуда взялась эта тварюшка, кто ты такой и по какому поводу преподносят столь странные дары. И вдобавок придется купить новый мешок, если ты не собираешься снова ловить своего зверя по всему городу.

– У тебя кувшин с молоком разбился, – неожиданно для самого себя проговорил Малыш. Девица пренебрежительно отмахнулась:

– Со мной вечно что-то случается, не обращай внимания… Кстати, если интересно – меня зовут Диери. Диери Эйтола.

Она слегка подбросила чешуйчатый шар и выжидательно уставилась на нового знакомого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Смятение от безответной любви

Большие неприятности всегда начинаются с мелочей. Таков пакостный закон жизни, о котором частенько забывают.

Впрочем, как можно безошибочно отличить мелочь, ведущую к катастрофическим последствиям, от мелочи, возможно, сулящей выгоду?

– Ши! Ши, погоди, не удирай! – оклик застиг воришку на пороге таверны. Поскольку голос принадлежал Ферузе, свесившейся через перила верхней галереи, Ши послушно замер и вкрадчиво поинтересовался:

– Чего тебе надобно, звезда предсказаний и луна среди гадалок? Если ты желаешь, чтобы я избавил тебя от присутствия этого зануды Альса, то извини. При всей пламенной любви к тебе, мне крайне дорога собственная никчемная жизнь.

– С Аластором я как-нибудь сама управлюсь, – пообещала Феруза, сбегая вниз. – Сделай одолжение – пристрой куда-нибудь эту штуковину.

С этими словами она вытащила спрятанный в складках халата предмет, сперва принятый Ши за обычный апельсин. Однако плод хрустально поблескивал, отражая солнечные лучи, и при ближайшем вдумчивом рассмотрении оказался небольшим флаконом, наполненным густой ярко-оранжевой жидкостью.

– Подарили, теперь ума не приложу, что с ним делать, – жалобно сказала Феруза. – Кажется, это ароматическое снадобье, но мне такого количества хватит до конца жизни… Да и запах у него, признаться, не в моем вкусе – чересчур резкий. В общем, я взяла себе немножко, не пропадать же остальному зазря. Хочешь – продай, а лучше подари Элате, пусть разделит между приятельницами из этого, как его…

– «Золотого павлина», – напомнил Ши. Упомянутая Элата подрабатывала в этой таверне танцовщицей и считалась более-менее постоянной подружкой Ши. – Ладно, только ради тебя, – он забрал на удивление холодный флакон и, поразмыслив, опустил его в болтавшуюся на поясе сумку. Иногда приятелям Ши Шелама начинало вериться, что небольшой кожаный кошель на самом деле способен вместить содержимое целой лавки, ибо Ши умудрялся забить его многоразличным барахлом в количествах, превышающих любые разумные представления.

– Спасибо! – пропела Феруза и улизнула наверх. Ши запоздало вспомнил, что надо бы спросить у туранки, кто преподнес ей эту безделушку и как она попала к дарителю. После случая с золотым жезлом он начал испытывать смутную тревогу в отношении неведомо откуда берущихся вещей. Флакон, впрочем, не спешил превращаться в дракона или ядовитую змею, послушно оставаясь искусной хрустальной поделкой. Ши вытащил плотно притертую пробку в виде зеленого листа, понюхал и скривился – действительно, запашок еще тот. Элате и ее подружкам, впрочем, может понравиться. В таверне как раз нужен аромат, способный перебить прочие запахи.

Ши наведался на задворки, к усердно трудившемуся Малышу. Горя искренним желанием помочь, дал совет: использовать трофейную добычу – огромный страховидный меч, притащенный мальчишкой из своего прошлого – утверждая, что клинок зазубрен ничуть не хуже пилы. Малыш, относившийся к своему бесполезному оружию едва ли не с

благоговейным трепетом, неразборчиво и злобно огрызнулся. Довольный Ши прошлепал по высыхающим лужицам переднего двора, помахал выглянувшей в дверь Лорне и выскочил на улицу, размышляя – чем бы заняться и заодно развлечься? Похороны ящериц не способствуют улучшению настроения.

Отправляться в «Золотой павлин» прямо сейчас не имело смысла: до наступления вечера там закрыто. Ши похлопал себя по потайным карманам, проверяя, не забыл ли он еще одно подношение для Элаты, которое должно сделать ее намного сговорчивее и куда ласковее. Маленький сверток лежал на месте.

Подумав еще немного, Ши вспомнил о том, что обещал Аластору разнюхать, какие слухи носятся в пропитанном дымами от жаровен, специями, пылью и сладковатой вонью городском воздухе. Рыбу ловят на глубине, антилопу подстерегают возле источника, наивернейшие последние новости из жизни слабых и сильных мира сего узнают в тавернах подле Большого Каменного рынка.

Прогрохотав по двумстам с небольшим жалобно скрипящим ступенькам Старой лестницы, Ши Шелам бесследно растворился в переулках города, которые многие именовали «зловонной ямой на лике земли», зато сам он считал хорошим местечком для житья.

* * *

Мельница сплетен крутилась беспрерывно, однако не принесла Ши ничего, стоящего внимания. Он позлорадствовал над судьбой угодивших в тенета людского правосудия гномов, мимолетно прикинул, где может сейчас находиться Альбрих, и, заглянув в очередную таверну, наткнулся на знакомую личность.

– А говорили, что ты на постое в Алронге, – удивился Ши.

– Почти не соврали, – кивнул собеседник, молодой человек, по обличью и выговору – туранец. – Два дня назад выставили – спасибо беспорядкам на Воловьей. Ты случайно не знаешь, что там стряслось?

– Случайно знаю, – к удовольствию оказавшихся поблизости посетителей, Ши поведал ту часть истории, к каковой имела непосредственное отношение Компания из «Уютной норы». Рассказ пользовался успехом и вознаградился бесплатным угощением. Мейгелена, как звали приятеля Ши, такого же уличного ворюгу и мошенника, весьма позабавило упоминание о подростке-варваре по прозвищу Малыш – как выяснилось, они были соседями в камерах тюрьмы Алронг и мальчишка произвел на собратьев по несчастью весьма благоприятное впечатление.

– Слегка упрям, как все варвары, но сообразителен, – вынес решение Мейгелен. Ши согласился, чуть заплетающимся языком подтвердив, что Малыш именно таков, но есть надежда, что заботами друзей он перевоспитается во что-нибудь приличное.

После того, как на столе появился третий или четвертый кувшин, хозяин таверны прислал служанку, сварливо заявившую, что здесь приличное заведение, а не какой-то притон, и не угодно ли молодым людям удалиться. Молодые люди для поддержания репутации немного повозмущались, расплачиваясь, украдкой подсунули служанке фальшивый серебряный талер, и ушли, чувствуя себя победителями.

На соседней улице парочка заметила нечто любопытное и остановилась поглазеть. Здесь располагался туранский постоялый двор, и потому неудивительно, что возле него частенько встречались верблюды – привязанные возле кормушек и поилок, разгружаемые, навьючиваемые и неспешно отправляющиеся в дальний путь.

Такого представителя верблюжьего племени ни Ши, ни Мейгелену видеть еще не приходилось. Здоровенная мрачная тварь, зыркающая по сторонам налитыми кровью глазками, с душой, наверняка такой же черной, как косматая шкура цвета безлунной ночи над Стигией. Скверность характера животного удостоверяли уздечка с шипами, намордник, болтавшаяся на шее тяжеленная цепь и то обстоятельство, что поблизости не замечалось его собратьев.

– Ого, – восхитился Ши и тоном знатока заявил: – Бишаринская грузовая порода.

– Сам ты бишаринец, – невежливо откликнулся Мейгелен. – Это самый настоящий мулаид. Кусачий, лягучий и вонючий мулаидский верблюд. Близко не подходи – затопчет.

Словно услышав людские слова, зверь повернул голову и смерил приятелей столь надменным взглядом, как иному царедворцу изобразить не по силам. Мейгелен состроил ему рожу и потянул дружка за собой, но Ши не двинулся с места. На него снизошло вдохновение.

– Тебе не кажется, что бедное животное страдает от жажды? – вопросил он приторно-заботливым голосом. – Ну-ка, добудь ведро с водой!

В иное время туранец, знавший неумеренную страсть Ши ко всяческого рода розыгрышам, насторожился бы, но сейчас его умение быстро соображать несколько притупилось. Мейгелен размашисто кивнул, огляделся в поисках искомого предмета и позаимствовал таковой у ближайшей водопойной колоды.

– Та-ак, – Ши пристально осмотрел жестяной сосуд, наполненный мутноватой жидкостью, вытащил хрустальный флакончик и, поколебавшись, тщательно вылил в ведро с полтора десятка оранжевых капель. Мейгелен, наблюдавший за процессом затаив дыхание, осведомился:

– Что за отрава?

– Представления не имею, но, думаю, ему понравится, – Ши закупорил склянку, поднял ведро и осторожно, бочком, приблизился к верблюду. – Эй, зверюга! Угощайся, пока я добрый! Давай-давай, глотни водички…

Животное подозрительно обнюхало ведро и его содержимое, сунуло морду внутрь и неожиданно принялось шумно лакать, фыркая и хлюпая языком. Ши облегченно вздохнул – его расчет оказался верным, ремни намордника не мешали верблюду пить.

Расправившись с подношением, мулаид внезапно качнулся, прислонившись к забору и часто икая. Потерявшиеся в густой шерсти глаза приобрели осоловелое выражение, как у запойного пьяницы.

– Он точно не отравится? – забеспокоился Мейгелен. – Они ж дорогие, сволочи, потом шуму не оберешься…

Верблюд внезапно ожил, проявив несвойственную ему игривость – отвесил пинка ведру, со звоном улетевшему вдаль по переулку, попытался встать на задние ноги, чему помешала натянувшаяся цепь, и издал звук, похожий одновременно на кудахтанье несущейся курицы и визг свиньи на бойне. Затем принялся ожесточенно дергать цепь, приковывающую его к стене.

– Пожалуй, стоит подыскать местечко подальше, – Ши поспешно, хотя и не слишком

ловко вскарабкался на карниз соседнего дома. Мейгелен последовал за ним, гадая, какими будут дальнейшие поступки черного двугорбого зверя.

Четвероногое, кажется, слегка помешалось. Оно безуспешно укусило привязь, проскрежетав зубами по звеньям. Развернулось головой к забору и начало пятиться, явно намереваясь любой ценой отделаться от цепи. Ши подбадривающе засвистел. Верблюд запыхтел, удвоил усилия – и ему повезло.

На славу откованная цепь выдержала, зато лопнуло крепление широкого ошейника, украшенного длинными шипами. Мулаид от неожиданности отлетел назад, по-собачьи сев на подогнувшиеся задние ноги. Убедившись, что больше ничто не держит его возле опостылевшей стены, зверь поднялся, энергично встряхнулся и оглушительно взревел. Мейгелен скривился и зажал уши.

Вопли животного не пропали втуне. Переулок внезапно наполнился крайне обеспокоенными людьми, а Ши счел нужным увеличить панику, проорав: «Ваша тварь взбесилась!»

В сущности, он был недалек от истины.

Вместе с ошейником верблюд избавился от уздечки и намордника, так что теперь ничто не препятствовало ему вволю плеваться и кусаться. Обретший свободу зверь пинал любого, оказавшегося в пределах его досягаемости, целеустремленно пробиваясь к выходу из проулка. Помешать ему не смог даже явившийся на шум погонщик верблюдов со страховидным кнутом, самоуверенно заявивший, что сейчас проучит строптивую скотину. Мулаид изловил нахала за воротник халата и с видимым удовольствием швырнул через забор. Ши и Мейгелен приветствовали полет залихватским свистом и издевательскими напутствиями.

Расчистив дорогу, верблюд неспешно потрусил на поиски приключений, оставив позади охающую, причитающую и угрожающую кучку туранцев, возглавляемую бывшим владельцем животного.

– За ним, за ним! – торжественно провозгласил Ши и сиганул с крыши, едва не приземлившись на чью-то голову. – Извините, мы спешим. Бешеный верблюд на мирных улицах Шадизара – зрелище, достойное внимания!

Черная косматая зверюга разнесла аккуратно сложенный у выхода из переулка штабель бочек, рявкнула на высунувшегося из-под ворот пса и, высоко поднимая ноги, промаршировала дальше. Двое проходимцев следили за ним, прячась за углами домов.

* * *

Возможно, странствия удравшего верблюда по городу не закончились бы столь ужасающе. Возможно, на следующем перекрестке его бы удалось подманить горсткой фиников или загнать в тупик, а там набросить аркан. Однако сегодня звезды указывали на возникновение непредвиденных обстоятельств и благоприятствовали устроению кутерьмы.

Мулаид, вслед за которым в почтительном отдалении следовали караванщики и разъяренный хозяин, замер как вкопанный. Зверюга, вытаращив глаза, уставилась на другое живое создание.

На лошадь.

И не просто на обычную тягловую клячу, а на нервно приплясывающую, тонконогую кобылку буланой масти, золотистую, черногривую и наверняка обладательницу родословной, чья длина не уступала протяженности Дороги Королей. Кобылка со скучающе-жеманным видом топталась подле крытой коновязи, пребывая под бдительной охраной двух угрюмых типов, больше похожих на грубовато обтесанные каменные блоки. Коновязь принадлежала дорогой и известной таверне «Коринфские сады», и, надо полагать, владелец лошади в данный момент гостил в этом заведении.

Верблюд вытянул шею, тоненько для такого крупного животного пискнул и едва ли не на цыпочках начал подкрадываться к ничего не подозревающей кобыле. Из приоткрытой пасти зверя пузырящимися хлопьями стекала грязно-белая пена, морда приобрела совершенно отсутствующее и идиотское выражение.

– Чего это с ним? – удивленно спросил Ши.

Спустя мгновение ответ пришел сам собой. Мулаид ринулся вперед, сокрушая любые преграды. Буланая лошадь, почуяв неладное, оглянулась, увидела несущееся прямо на нее черное чудовище, прижала уши и пронзительно завизжала. Ее сторожа предприняли рискованную, но безнадежную попытку остановить неведомо откуда взявшегося монстра, за что поплатились – верблюд, даже не задерживаясь, свалил одного и хватанул другого за плечо внушительными желтыми зубами.

Смекнув, что пора самой позаботиться о себе, кобыла сделала свечку, оборвав тонкий повод, развернулась и лихо заехала мулаиду в бок обеими задними ногами. Блеснули шипы на легких подковах, нападающий утробно охнул.

Оскорбленный в лучших чувствах верблюд попятился, фыркая, сопя и мелко тряся головой – точь-в-точь подвыпивший и обнаглевший стражник, попытавшийся пристать к дворянке и получивший высокомерный отказ. Доказывая свое решение, золотистая кобылица злобно оскалилась и вызывающе топнула передней ногой.

– Так его! – проорали из успевшей собраться вокруг толпы. – Поддай еще разок!

– Что, говоришь, налито в этой скляночке? – задушевно осведомился Мейгелен. – Кстати, там, где ты ее раздобыл, не найдется второй такой же?

– Моя лошадь! – возмущенно охнул человек, появившийся на пороге таверны. – Эй, немедленно отгоните эту грязную тварь от моей лошади!

Ши, узнав голос, беспокойно заерзал. Такой оборот событий его никак не устраивал. Скажите на милость, почему из тысячи шадизарских таверн этому типу понадобилось явиться именно сюда? И, само собой, поблизости маячит его верная тень, не слишком жалующая некоего Ши Шелама.

– Ой-ей, – процедил Мейгелен, тоже заметив новых действующих лиц. – Это почтеннейший Назирхат и Кодо Гроза Должников, если мне не изменяет зрение? В таком случае пора сматываться. Мне бы не хотелось очутиться в шкуре виноватого.

– Не тебе одному, – Ши отступил на шаг, потом другой, юркнул за выступ дома. – Они в жизни не станут разбираться, кто прав, кто виноват, – он не удержался и гнусно хмыкнул: – Бедная лошадка.

– Может, она впервые в жизни счастлива, – серьезно возразил Мейгелен. – Ты только глянь!

Верблюд, сообразив, что грубые наскоки ни к чему не приведут, сменил тактику и начал оттеснять столь поразившую его скудное звериное воображение кобылу в угол двора. Та заметалась, ища пути к бегству. Ей не хватало места, чтобы повернуться и снова лягнуть

нахала, а на ее укусы он не обращал внимания. Назирхат уль-Вади яростно орал на хозяина верблюда, диковатого вида туранца, требуя прикончить паршивую скотину. В ответ неслись проклятия злым духам, вселившихся в несравненное животное. Кодо, убедившись, что его подчиненные ни к чему не способны, разумно предпочел не связываться с обезумевшим зверем, а подождать.

Буланая лошадь, угодившая в ловушку, тоскливо заржала. Косматый мулаид, от которого за добрый десяток шагов несло острым мускусным запахом, прижал ее в углу между стеной таверны и коновязью, и попытался взгромоздиться сверху. Разгневанная кобылица отпихнула его. Черный верблюд оскорбленно заревел, брызгая слюной, и ринулся на приступ, к величайшему сожалению для лошади, увенчавшийся полным успехом.

Толпа изумленно притихла, если не считать раздававшихся то тут, то там изумленных смешков – такое событие было внове даже для Шадизара. Назирхат, кажется, напрочь потерял дар речи. Драгоценная золотистая кобыла стояла с видом полной покорности судьбе, иногда протестующе взвизгивая, верблюд оглушительно хрипел, дергался и с небывалым прилежанием осуществлял свои незамысловатые желания.

– Интересно, что может родиться от такого союза? – потрясенно выговорил Ши. – Лохматая лошадь с горбами? Лысый верблюд?

– Ши Шелам? – голос прозвучал, точно напоминание о неотвратимости возмездия. – Это твоих рук дело?

Ши поднял взгляд, увидел стоящего в паре шагов Кодо, отчаянно жестикулирующего из-за его спины Мейгелена, и состроил физиономию невинно оскорбленного праведника:

– Знаешь, Кодо, если у лошади уль-Вади такие странные вкусы, то при чем здесь я? Или ты решил вешать на меня вину за любые свои невзгоды? Так я тебе скажу…

Громила не пожелал тратить время на дальнейшее выяснение отношений, сплюнул и отправился заниматься делом – успокаивать оскорбленного до глубины души покровителя и спасать то, что осталось от лошади.

Парочка мошенников украдкой скрылась, не дожидаясь развязки драмы.

* * *

Через пару кварталов приятели, не сговариваясь, свернули под навес винной лавки, плюхнулись на расшатанную скамью и ошеломленно уставились друг на друга. Ши бережно достал флакончик, послуживший причиной такой суматохи, и водрузил перед собой. Оранжевая жидкость с редкими красноватыми блестками заполняла еще около трех четвертей склянки.

– Коварная штуковина, – сказал Мейгелен, протянув руку к флакончику, но не рискнув дотронуться. – Кое-кто отдал бы немало красивых блестящих монеток за пару капель такого зелья…

– Вдруг оно действует только на животных? – высказал предположение Ши. – Или вызывает у любого неумеренную тягу к лошадям?

– Верблюду незаслуженно повезло, – заметил туранец. Оба проходимца вполголоса захихикали. – Думаю, есть единственный верный способ проверить, как эта отрава влияет на

людей…

– Я ее пить не стану, – торопливо открестился Ши и задумался, на миг представив потрясающую шутку: вернуться в «Уютную нору», проникнуть на кухню и плеснуть оранжевой водицы в котел, где варится похлебка. Хотя нет, угощать всех – чересчур жестоко. Подпоить, допустим, Райгарха… или Малыша… Запоминающийся выдастся вечерок, нечего сказать.

– Тебе и не предлагают. Надо найти кого-нибудь подходящего. Я даже придумал, где. Идем, тут недалеко.

С сожалением выбравшись из-под редкой тени навеса, приятели углубились в дебри проходных дворов, черных ходов и известных только старожилам проулков, таких тесных, что там с трудом расходились два человека. Прогулка завершилась в месте, которое Ши признал с первого взгляда, ибо сам порой сюда наведывался.

– Эй, это ведь задворки Ак-Сорельяны?

– Они самые, – кивнул Мейгелен, рыская взглядом по сторонам в поисках личности, достойной испытать на себе действие загадочного напитка.

Если Сахиль – кошель Шадизара, то Ак-Сорельяна, Улица Тысячи Соблазнов – его душа и разум. Здесь по обе стороны широкого проезда выстроились лучшие заведения, прославившиеся далеко за пределами Заморы, здесь обитают самые красивые и дорогие женщины, здесь особенно яростен поддельный блеск роскоши Города Воров. Тут выполняется любая ваша прихоть, любое сумасбродство, но и цены за осуществление мечты способны кого угодно повергнуть в обморок. Ши и ему подобные преимущественно наносили визиты в нижнюю, дешевую часть Ак-Сорельяны. Ночка в худшем из борделей Улицы Соблазнов обходилась Ши Шеламу в сумму, накапливаемую в течении одной-двух лун, так что частых развлечений он себе позволить никак не мог и оттого чувствовал себя обделенным судьбой.

Спрятанные от глаз гостей задние дворы заведений кипели приглушенной, незатихающей жизнью. Сюда наведывались торговцы провизией, винами, тканями, украшениями и иным полезным барахлом, приходили девушки в поисках места – для начала хотя бы служанки, крутились какие-то подозрительно востроглазые личности, разговаривавшие на редкость вкрадчивым шепотом, и, само собой, промышляла уйма нищих любого пола и возраста.

По мнению Ши, для их целей подошел бы первый попавшийся субъект. Мейгелен, однако, разыскивал кого-то определенного.

– Вот он, – наконец обрадованно проговорил туранец.

– Почему именно он? – не понял Ши, разглядывая намеченную жертву – лысоватый тип средних лет, подпирающий стену и лениво глазеющий на мелькающих мимо прохожих. Рядом с нищебродом стоит пустая глиняная чашка для подаяний и лежит наполовину обгрызенная лепешка.

– Не признал, что ли? – удивился Мейгелен. – Смотри внимательнее.

– Плешивец, – ахнул Ши, последовав совету и вглядевшись. – Плешивец Салдус, бывший городской палач с Воловьей площади! Вот он куда подевался! А болтали, будто он повесился, когда Рекифес выкинул его с должности!

– Нет, пристроился сюда, – опроверг сплетни Мейгелен. – Как, угостим господина разжалованного душегуба молочком из-под бешеной коровки? Пусть хоть разок порадуется!

– Угостим! – согласился Ши. Как всякий обитатель Шадизара, он испытывал

традиционную неприязнь к власть предержащим и не упускал случая, дабы слегка осложнить им существование.

Кувшин с дешевым туранским вином дружки прикупили заранее, по дороге. Возник краткий спор о числе добавляемых капель, сошлись на трех – человек все-таки намного меньше верблюда, как бы не отдал концы. Взболтав содержимое кувшина, Ши с самым независимым видом направился мимо Плешивца, но запнулся, услышав робкое: «Подайте на пропитание».

Обычно городские попрошайки вели себя куда нахальнее. Бывший палач, видно, не успел за пару дней освоить новое ремесло.

– С утра не подаю, – бросил Ши и, вполне похоже изобразив колебание, добавил, ставя кувшин поблизости от нищего: – С тебя и этого вполне хватит. Только сиди в углу, чтобы хозяйка не заметила.

Салдус вцепился в кувшин, как утопающий в соломинку – видно, его скромные доходы не позволяли раскошелиться даже на самое скверное пойло. Ши, юркнувший за гору пустых ящиков, и дожидавшийся его Мейгелен собственными глазами убедились, что Плешивец употребил щедрое подаяние по назначению, и теперь нетерпеливо ожидали последствий.

Те не замедлили проявиться.

Для начала Плешивец обеспокоено задергался, нехорошо озираясь и провожая жадным взглядом любую пробегавшую через двор женщину – от горбатой старухи-посудомойки до решившей наведаться в город танцовщицы из Хоарезма, один разговор с которой оценивался в полсотни золотых.

Созерцание не помогло. Салдус неуклюже поднялся на ноги, заковылял к черному входу и постучался. Открыла встрепанная девушка-служанка, угрожающе выставившая перед собой швабру с мокрой тряпкой. Плешивец принялся что-то настойчиво ей втолковывать, подкрепляя слова переходившими из рук в руки монетами.

– Значит, у него водятся деньги? – нахмурился Ши. – Чего ж тогда он просиживает тут задницу, прикидываясь нищим?

Девица неохотно отступила назад, пропустив Салдуса внутрь. Дверь захлопнулась, оставив пару жуликов в крайнем недоумении.

– Я должен это видеть, – упрямо заявил Ши Шелам. – Слушай, какое это заведение?

– «Алмазный водопад», – растерянно сказал Мейгелен. – Лучший шадизарский притон, и его туда впустили? Тут что-то не так…

– Может, он знаком с кем-то из прислуги? – высказал предположение Ши и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, бочком приблизился к двери. Та запиралась изнутри на засов, но щель между створкой и косяком выглядела достаточно широкой, чтобы пропустить лезвие кинжала. Короткое движение вверх и чуть вбок – путь свободен.

– Если поймают, прикончат на месте, – бодро напомнил туранец и первым исчез за порогом.

Разыскать Плешивца оказалось проще простого. Он нырнул в крохотную кладовку рядом с входом, втащив за собой неосмотрительно впустившую его девчонку. Зажал ей рот, задрал юбку и, в точности уподобясь спятившему верблюду-мулаиду, с неслыханной для его возраста прытью вершил бесхитростнейшее из действ. Слабые попытки девицы вырываться немедля пресекались.

– Однако… – фыркнул Ши. – Бойкий старичок…

– Надо его вышвырнуть отсюда, пока никто не заметил, – сердито буркнул Мейгелен.

Кончив труды, Салдус отпихнул всхлипывавшую служанку и, не задерживаясь, чтобы привести себя в порядок, целеустремленно двинулся к жилым помещениям. Девица сползла по стене и осталась лежать кучкой пестрого тряпья.

– Дедуля, тебе не в ту сторону, – Ши загородил Плешивцу дорогу, мельком отметив, что крохотные глазки бывшего палача лишились малейшей капли разума, а зрачки стянулись в крохотную точку. – Стой, стой, туда нельзя!

Ши не сомневался, что без труда скрутит Плешивца, однако не учел действия снадобья. Миг назад воришка протягивал руку, чтобы сгрести разошедшегося Салдуса за шиворот и выволочь на улицу, а в следующее мгновение мир качнулся и Ши со всего размаху врезался в деревянную стену коридора. Взлетело облачко беловатой пыли – осыпающаяся побелка. Ши не устоял на ногах и не слишком ловко приземлился на пол.

Плешивец равнодушно перешагнул через валяющееся под ногами тело и зашагал дальше.

– Мамочка моя дорогая, – с трудом произнес Ши, и на пробу боязливо пошевелил различными конечностями. Вроде ничего не сломалось, однако возникло неприятное ощущение, будто по спине промчалось стадо буйволов. Мейгелен, присевший возле служанки и пытавшийся привести ее в чувство, уставился на приятеля со смесью недоверия и искреннего потрясения.

– Кажется, шутка зашла слишком далеко, – встревожено заметил туранец. Доказывая его опасения, невдалеке хлопнула дверь и раздался женский визг, подхваченный двумя или тремя голосами. Визг сменился испуганными воплями, кто-то помчался по коридору, топоча и зовя на помощь. Очнувшаяся девчонка тупо уставилась на приятелей, отползла в сторону и спряталась за сундуком, не прекращая всхлипывать. – Он ведь может таких дел наворотить…

– Есть предложения? – Ши осторожно встал, цепляясь за стену.

– Давай хотя бы глянем, чем он занят.

– Известно чем… Сейчас набегут тутошние вышибалы, как бы и им не досталось…

– Зато нас в суматохе не заметят. На худой конец что-нибудь соврем. И надо узнать, какой срок действия твоей отравы.

– Вдруг трех капель хватает на год? – испугался Ши. – Этого ж ни один человек не выдержит!

– На год – это перебор, – усомнился Мейгелен. – На полдня, от силы на день. В следующий раз нальем поменьше.

«Следующего раза на будет», – хотел сказать Ши. Его заглушил всплеск разноголосых воплей, перемежаемый свирепыми проклятиями, шумной возней и безутешными рыданиями.

* * *

Звуки потасовки объяснялись чрезвычайно незамысловато – примчавшиеся на призывы о помощи здешние блюстители порядка (в количестве трех человек) тщетно старались оторвать Плешивца от приглянувшейся ему особы. Когда Ши и Мейгелен, соблюдая всяческую предосторожность, выглянули из занавешенных циновкой дверей черного хода, бывший городской палач как раз отделался от последнего повисшего на нем громилы,

сбросив его в занимавший середину залы мелкий бассейн с искусственным водопадом, и вернулся к столь грубо прерванному занятию. Вторая после служанки жертва Салдуса, кутавшаяся в обрывки некогда дорогого платья, полулежала на ступеньках ведущей наверх лестницы и заливалась слезами. С площадки второго этажа через перила свешивался выводок хорошеньких, но перепуганных до полусмерти девиц, при малейшей опасности шарахавшихся назад и заходившихся пронзительным верещанием.

Получив требуемое, Плешивец мгновенно потерял интерес к своей добыче и направился к лестнице. Зрительницы в панике разбежались, в точности как цыплята при виде мелькнувшего над птичником коршуна.

– Что здесь творится? Кто пустил сюда это отребье?..

Требовательный и въедливый голосок обозначил явление нового лица – пухленькой, моложавой женщины с копной черных кудряшек, разряженной в просторное одеяние, переливающееся красными, золотыми и малиновыми оттенками. Не то самолично разгневанная хозяйка, не то ее ближайшая помощница. Дама удивленно оглядела поверженных охранников вкупе с плачущими девицами, безошибочно установила виновника – карабкающегося по ступеням нищего, и решила, не дожидаясь подкрепления, лично встать на охрану заведения.

– Вон отсюда! – столь высокий тон мог без труда расколоть алмаз на мелкие кристаллы, но результат оказался совсем иным. Салдус узрел существо женского пола и, прихрамывая, устремился вниз.

– Н-не подходи, – женщина запоздало догадалась, что творится нечто жуткое и в «Водопад» проник не просто спятивший попрошайка, но настоящий безумец. – Убирайся, убирайся! Эй, кто-нибудь!..

Один из ерзавших на полу вышибал попытался удержать Плешивца за ногу, но получил сокрушительный удар по носу и затих. Опешившая чернявая красотка пятилась, пока не уткнулась в стену. Наверху сдавленно охнули – у какой-то из обитательниц заведения хватило смелости вернуться.

Плешивец рассудил, что пойманная женщина его вполне устраивает и схватил ее за руку, не обращая внимания на щедро отвешиваемые пинки, крики и даже попытки кусаться. Дама оказалась с норовом и сдаваться запросто не собиралась, хотя особых успехов в сопротивлении не достигла.

– Все имеет свои границы, – не выдержал Мейгелен, когда Салдус повалил отбивавшуюся добычу на пол и принялся деловито сдирать с нее одежду. – Мы ведь просто хотели пошутить!

– Да ничего ей не сделается, наверняка не в первый раз… – промямлил Ши, ощущавший некоторую смутную вину за творившиеся безобразия. Мейгелен не стал дослушивать.

Его широкий жест ничего не изменил. Плешивец умудрился заметить подкрадывающегося человека, бросил женщину, развернулся к тому, кто вознамерился ему помешать, и вскоре уличный грабитель из Турана присоединился к потерпевшим поражение охранникам. Женщина, воспользовавшись ситуацией, хотела улизнуть и почти добежала до спасительных дверей, но Салдус без труда догнал ее и потащил обратно.

«Может, он справится с этой красулей и угомонится? – тоскливо подумал Ши. – А если нет? Вдруг он окончательно спятил? Что же тогда, придется его убивать? Как? И кому? Только не мне!»

Ши посмотрел вокруг, убедился, что помощи ждать неоткуда, мысленно проклял все

зелья мира и собственное любопытство, и потянулся за спрятанным в сапоге ножом. Значит, иного выхода ему не оставили. С другой стороны, если ему повезет и он спасет девицу, можно смело рассчитывать на определенное вознаграждение…

– Эй, уродина лысая! Глянь сюда!

Физиономия обернувшегося на крик Салдуса в целом по-прежнему походила на человеческое лицо, если не считать перекосившегося рта и съехавшихся к переносице бессмысленных глазок. Их выражение не изменилось даже при виде остро блеснувшего лезвия, и Ши запоздало усомнился в исходе своей затеи. Обычные люди побаиваются оружия и предпочитают не связываться с тем, кто небрежно помахивает кинжалом.

На Плешивца всеобщее правило не распространялось. Встав, тот двинулся прямиком на Ши – не угрожая, просто желая поскорее разделаться с досадной помехой.

Последующие мгновения запомнились Ши как весьма неприятные: он выманивал Салдуса поближе к бассейну, на свободное место, сумел дважды или трижды достать бывшего палача ножом, но с равным успехом мог полосовать каменную стену. Плешивец, похоже, не чувствовал боли и хотел одного: прикончить Ши и отыскать себе новую подружку поневоле.

Беготня по залу окончилась плачевно. Воришка наступил на черепок от разбитой вазы и поскользнулся. Отчаянным усилием метнул кинжал, вошедший где положено – чуть ниже ключицы. Кровь не потекла, а треклятый Плешивец только жизнерадостно ухмыльнулся. Ши мимолетно помечтал о том, чтобы сегодняшнее утро прошло иначе, увернулся от тянувшейся к нему руки, метнулся вниз и вбок, но пропустил подножку и шлепнулся на гладкий, натертый воском пол из ореховых дощечек. Салдус постоял над ним, раздумывая, и наклонился, собираясь то ли свернуть шею, то ли от души треснуть о стену. Ни тот, ни другой исход Ши не устраивал, однако спросить его мнение забыли.

Нечто стремительное вихрем пронеслось вниз по лестнице, очутилось за спиной Плешивца, подпрыгнуло и с азартным воплем ударило бывшего палача по затылку. На краткий миг лицо Салдуса стало осмысленным и крайне изумленным, точно он хотел спросить: «Куда это меня занесло?». Затем он качнулся взад-вперед и тяжеловесно рухнул на не успевшего отползти Ши, придавив того к стене. Воришка засипел, тщетно втягивая хоть немного воздуха.

– Погоди дрыгаться, я сейчас тебя вытащу, – произнес мелодичный, слегка суховатый и переполненный скрытой язвительности женский голос. В поле зрения Ши появилась сначала опустившаяся на пол тяжелая бронзовая ваза, только что сведшая близкое знакомство с лысым черепом Салдуса. Затем возникли две тонкие сильные руки, перехваченные в запястье тяжелыми кольцами браслетов. Длинные пальцы с ногтями, выкрашенными в бледно-желтоватый цвет, цепко ухватили Плешивца за лохмотья на плечах и потащили в сторону. – Линнета, ты цела?

В ответ раздался надрывный кашель, сменившийся красочными и яростными ругательствами, неопровержимо доказывавшими, что рассудок чернявой красотки ничуть не пострадал, в отличие от всего остального.

Туша Салдуса заерзала и скатилась вбок, позволив Ши вдохнуть.

– На редкость вовремя, – прохрипел он, упираясь слегка расплывающимся взглядом в пару очень длинных и чрезвычайно стройных ножек, обутых в посеребренные сандалии. Ши поднял глаза выше, убеждаясь, что ноги переходят в достойную всяческого восхищения фигуру, затянутую в голубовато-серебристый шелк. Вдобавок у фигуры имелись русые с ярко-

рыжим отливом волосы, точеное узкое лицо с зеленоватыми глазами и весьма ироничная усмешка. Ши всегда подозревал, что подобные женщины, словно родившиеся из воспаленного юношеского воображения, должны существовать, но наяву никогда с такими не сталкивался. До последнего дня.

– Привет, герой, – со смешком произнесла незнакомка. – Ты живой или нет? Что за мерзкое чудовище осквернило наш тихий уголок и кому мы обязаны спасением?

– Салдус Плешивец, бывший палач, – с трудом выговорил Ши и, не очень соображая, что болтает, продолжил: – Его опоили и он свихнулся. Мы с приятелем хотели посмотреть, что из этого выйдет. Не выдавай нас хозяйке, ладно? Мы сейчас уберемся…

– Не выдам, – пообещала красавица в голубом и, нахмурившись, вопросительно посмотрела на Салдуса. Чернявая дама, звавшаяся Линнетой, сумела с помощью воскресших охранников подняться на ноги, подошла ближе и размашисто пнула неподвижного Плешивца.

– Вот скотина! Убила бы!

– Тихо, Линни, тихо, – успокоила ее блондинка. – Сейчас мы с ним разберемся. Мальчики, если вы вернулись в мир живых, поднимите это создание.

Двое охранников, недовольно ворча, сгребли лежавшего на брюхе и издававшего булькающие звуки Салдуса, собираясь рывком поставить на ноги. Тот замычал, слабо отмахиваясь, рыгнул, выпустив лужицу желчи (прекрасная незнакомка и Линнета одинаково брезгливо сморщились, попятившись), перевалился на спину и мелко затрясся.

– Надеюсь, он не болен какой-нибудь заразой, – тревожно пробормотала зеленоглазая девица.

Позабытый всеми Ши яростно затеребил не подававшего признаков жизни Мейгелена:

– Вставай, надо сматываться.

Туранец не шевелился – похоже, ему здорово досталось.

Плешивца вдруг выгнуло дугой, он по-поросячьи взвизгнул, стучась лысой макушкой о пол, и стих, закатив глаза под самый лоб. Общество тревожно поглядело друг на друга.

– Пихните его, да покрепче, – шепотом распорядилась кудрявая Линнета. Стоявший поблизости вышибала с явным удовольствием выполнил ее приказ и растерянно проговорил:

– Да он сдох!

– Как сдох? – переспросила блондинка, вопросительно изгибая бровь.

– С высоко поднятым копьем, – вяло сострил Ши, намекая на то, что мужское достоинство Салдуса Плешивца продолжало стоять торчком и слегка покачивалось. – В бою на поле любви…

– Только этого не хватало, – дама в голубом устало прислонилась к стене. – Ладно, раз он помер, выкиньте его куда-нибудь, и чтобы потом сюда не таскались с расспросами стражники… Хотя стойте!

Она скорчила гримаску, присела на корточки возле останков Плешивца (Ши судорожно и быстро сглотнул, покосившись на ее туго обтянутый поблескивающим шелком округлый задик) и с явным отвращением принюхалась к исходящему из приоткрытого рта нищего запаху. Наклонила голову, озадаченно постучала себя пальцем по острому подбородку. Перевела взгляд на переминавшегося с ноги на ногу Ши. Встала, кивнула охранникам, разрешая убрать труп. Те, схватив Плешивца за руки и за ноги, спешно уволокли его по черному ходу во двор.

– Говоришь, опоили? – задумчиво повторила красавица. Ши пожалел, что замешкался и вовремя не убрался с глаз долой. – Мне известны кое-какие составы, от которых человеком

завладевает похожее безумие, однако… Ты, надо полагать, видел, как это все происходило?

Ши неосторожно глянул в прозрачно-зеленоватые, точно иранистанские изумруды, глаза женщины, заворожено кивнул и заплетающимся языком пробормотал:

– Мне… нам нужно убраться отсюда, пока нас не заметили местные мордовороты. Иначе они вполне могут решит, что мы во всем виноваты и доложить владелице заведения. Со здешней хозяйкой, как говорят, лучше не связываться. Спасибо за помощь, конечно, и все такое, но нам пора. Если хочешь помочь – отвлеки громил.

– Бежать никуда не надо, – спокойно возразила девица. – Я и есть хозяйка.

– Че-го? – воришка, без того слабо державшийся на ногах, обмяк.

– Я хозяйка этого заведения, – с легкой полуулыбкой повторила особа в голубом. – Госпожа Кэто Сувейба, к вашим услугам. Твоему другу, между прочим, необходимы помощь и покой, а тебе, думаю, не помешает бокал вина. Кроме того, я хотела бы знать, с какой радости отстраненные от дел палачи носятся по городу, нападая на беззащитных девушек, и при чем тут ваша наверняка весьма предприимчивая парочка… – она огляделась по сторонам. – Линнета, займись девочками, наведи порядок. Срочно разыщите хорошего лекаря… Да шевелитесь, в конце концов! – она вдруг сорвалась на крик, потеряв изрядную часть своей холодной красоты. – Что вылупились, мертвецов не видели? А ну, за работу, быстро!

Окрик подействовал. Чернявая Линнета, забыв о собственных горестях, заворковала над лежавшей возле бассейна жертвой Салдуса. Сверху боязливо спустилось трио притихших девиц и увело другую пострадавшую, ту, что рыдала на ступеньках.

– Пойдем, поговорим в более подходящем месте, – госпожа Кэто, похоже, обладала редкой способностью мгновенно переходить от одного настроения к другому. Сейчас она стала воплощенной любезностью. Ши открыл рот и безмолвно закрыл, ибо подходящие слова улетучились. Первую вспыхнувшую в воображении идею он предпочел сразу задавить, горестно полюбовавшись сопровождавшей ее картинкой с участием госпожи Кэто, но вторая… Вторая, если повести дело с толком, сулила кой-какие выгоды. Главное – помалкивать о хрустальном флаконе с оранжевой жидкостью. И любым способом не позволить восхитительной Кэто сделать из него одуревшего от страсти верблюда с высунутым языком и единственной мыслью в голове!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Розыгрыши и последствия

Грохот захлопывающейся двери заставил немногочисленных посетителей «Уютной норы» оглянуться в немом вопросе, но оказалось, что всего-навсего вернулся из города Ши Шелам. Не задерживаясь, чтобы поприветствовать завсегдатаев или перекинуться словечком с хозяйкой, воришка резво пронесся между столами и юркнул в прятавшийся под лестницей темноватый чулан.

Прибиравшиеся слуги и даже сама бесстрашная Лорна предпочитали не заглядывать лишний раз в маленький закуток, облюбованный Хиссом, Кэрли и Ши. Там хранились пузатые бутыли с подозрительного вида настоями, связки дурно пахнущих трав, валялись толстые книги в замшелых от старости переплетах и загадочные амулеты, а со шкафов на головы случайным посетителям обрушивались потрепанные чучела небывалых тварей вроде детеныша мантихоры или крылатого змея.

Стремительное появление Ши и его поспешное исчезновение в недрах чулана означало, по мнению опытной Лорны, только одно: у воришки наклевывалась очередная авантюра и для нее требовалось срочно изготовить «колдовской отвар» или «приворотный напиток». Лорна от души надеялась, что в один прекрасный день постояльцам не придет в голову блестящая идея начать стряпать дешевые и надежные яды. Ей вполне хватало того, что Ши и Хисс время от времени разводили на заднем дворе костер, вешали котелок и варили какую-то отраву, включающую сушеные цветы желтых лотосов, созревшие коробочки мака и тонкие полоски коры омелы. Получалось густое желе коричневато-медового цвета, которое приятели разрезали на крохотные кусочки и продавали любителям дурманящих зелий.

Возился Ши довольно долго. Из комнатушки прилетел горький аромат растираемого миндаля, затем – приторно-сладкий, удушливый запах настойки шалфея, сменившийся звоном бьющегося стекла. Забеспокоившись, как бы в приступе творчества Ши не спалил заведение, тавернщица выбралась из-за стойки и отправилась глянуть, чем занят воришка.

– Сгинь, пропади! – раздраженно бросил Ши, стоя к ней спиной и увлеченно колдуя над крохотной жаровней, испускавшей клубы сизоватого дыма. – Закрой дверь с той стороны, чтоб духу твоего здесь не было!

– Вообще-то тут как бы *мое* заведение, – мягко напомнила Лорна. Ши заполошно обернулся, едва не перевернув стоявшую в опасной близости к краю стола кхитайскую фарфоровую плошку.

– Ой… Я думал, какая-нибудь морда лезет мешаться под ногами… Будь другом, помоги! – и, не успела Лорна возразить, как ей сунули медный ковшик, наполненный булькающей кашицей, велев держать над огнем, но ни в коем случае не давать закипеть. Кашица имела неприятный сизоватый цвет и воняла прогорклым жиром, но Ши хлопотал вокруг нее с таким старанием, будто готовил порцию амброзии. Наконец, он счел, что мерзкое даже на вид варево достигло нужной густоты, процедил его через грязноватые ветошки, смешал с другой жидкостью, подозрительно смахивающей на разведенное туранское вино, и по капельке перелил свежую отраву в изящный округлый флакончик.

– Они чем-нибудь различаются? – с тревогой в голосе спросил он, ставя перед тавернщицей две склянки. На первый взгляд, в обоих находилось нечто ярко-оранжевое.

Завороженная действиями Ши, Лорна послушно вгляделась:

– Вроде нет… Тащи на свет, посмотрим там.

Флаконы переместились на стойку, поближе к пробивающимся через маленькие тусклые окна лучам заходящего солнца и трепещущим огонькам свечей.

– Этот чуток мутнее, – Лорна постучала ногтем по склянке справа. – Но, если не присматриваться – очень похоже… Слушай, отравитель недоделанный, какую гадость ты сотворил на сей раз?

– Вовсе не гадость, – обиделся Ши, любовно созерцая флаконы. – Очень хорошую и даже просто замечательную вещь. Кто из наших дома?

– Райгарх дрыхнет наверху. Остальные поразбежались, даже Малыш, – бритунийка облокотилась на стойку и изучающе воззрилась на Ши: – Ищешь, на ком бы опробовать свое пойло?

– Уже нашел, – расплывчато ответил воришка и сдавленно хрюкнул. – В твоей так называемой таверне найдется что-нибудь выпить, кроме протухшей воды из фонтана?

– Будешь хулить мою «Нору», получишь по шее, – беззлобно пригрозила Лорна, вытащила початый кувшин розового шемского и плеснула в две кружки. – Твое здоровье, маленький прохиндей. Не осчастливишь скучающую хозяйку сказанием о том, во что ты встрял или намереваешься встрять? Зачем тебе понадобились эти склянки?

Ши нахмурился. Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь россыпью событий сегодняшнего дня, однако кое-что в будущем рассказе совершенно не предназначалось для женских ушей. С другой стороны, это ведь Лорна, свой человек, ей не привыкать к соленым историям… Только про заключенную Ши сделку ей знать вовсе не обязательно. Каждый имеет право на парочку-другую тайн.

Воришка торжественно откашлялся и начал повествование. Правдивое, если не считать кое-каких дополнительных украшений. Впрочем, в Шадизаре считалось хорошим тоном добавить к реальным событиям пару-тройку выразительных штрихов из области фантазии. Дабы надежнее поразить слушателей до глубины души.

Уже на описании любовных похождений черного верблюда Лорна фыркнула в кружку, расплескав половину содержимого. Происшествие в «Алмазном водопаде» вызвало у тавернщицы приступ здорового варварского хохота и искреннее сочувствие невезучим девицам. Ши только собрался красочно расписать свое близкое знакомство с госпожой Кэто (имевшее место пока только в его воображении), как рядом жалостно хрустнули дубовые плашки стойки и знакомый голос прогудел:

– Умеют некоторые душевно врать…

– Не нравится – не слушай, – отозвался Ши. – Тебя поздравить с наступлением нового вечера нашей жизни или выразить соболезнование?

– Чего? – спросонья, да вдобавок с невыветрившегося до конца похмелья Райгарх плоховато соображал. Однако у него хватило догадливости сгрести красовавшиеся поблизости флакончики и полюбопытствовать: – Что за дерьмо?

– Не трогай! – испуганно взвизгнул Ши. – Лорна, отбери у него!

Тавернщица молча забрала у приятеля склянки с оранжевой жидкостью, заменив их внушительной глиняной кружкой, украшенной белой шапкой пены. Ши тщательно спрятал флаконы и ехидно прищурился, обдумывая свой замысел. Требовалось обождать, когда Райгарх придет в себя – это должно случиться очень скоро – и можно приступать к следующей части плана. Хорошо бы в «Уютную нору» вернулся еще кто-нибудь из Компании.

Скажем, Джай или Хисс…

Знамением свыше дверь открылась, впуская Проныру. Не оглядываясь по сторонам, он прошагал к стойке, кивнул приятелям и состроил загадочно-ошарашенную физиономию, уставившись куда-то на закопченные потолочные балки.

– А с тобой что стряслось? – привычно осведомилась Лорна, нацеживая очередную кружку и водружая ее перед Джаем.

– Вы не поверите…

– Поверим, поверим, – встрепенулся Ши. Любопытно, какую байку о прожитом дне принес с собой Джейвар?

– Иду я сегодня днем через Сахиль, – Джай отхлебнул и перевел дух, – знаете неподалеку от Каменного рынка площадь, где раскинут шатер лицедеев? Ну, компании, что недавно приехала из Офира? У них еще старшим этот красавчик дворянского сословия, как его?

– Амиль ди Кьеза, – вспомнил мудреное имя Ши.

– Кто ж не знает, – кивком подтвердила тавернщица.

– Дай, думаю, посмотрю, чем сегодня добрых людей потешают. Они дают свое лучшее – «Женские секреты». Достоял до конца, пошел дальше – и вдруг случайно замечаю, неподалеку от меня топает знаете кто?

Он выдержал надлежащую паузу. Ши, Лорна и оживившийся Райгарх нетерпеливо подались вперед, ожидая продолжения.

– Малыш! – закатив глаза, выдохнул Джай. – Не спешите кривиться и спрашивать: «Что в этом такого?». Наш маленький варвар на лицедейском представлении – явление само по себе потрясающее, но куда удивительнее другое – он был с девушкой!

– Ты обознался, – уверенно заявил Ши. – Медвежонок и девушки – вещи несовместимые. Медвежонок и уличная потасовка – еще туда-сюда, но общество женщин? Минет добрый десяток лет, прежде чем он уразумеет, с какими целями боги разделили людей на два пола. И то я сильно сомневаюсь.

– Я решил точно также, – согласился Проныра. – Посему решил прогуляться за этой подозрительной парочкой. В конце концов, в городе наверняка отыщутся юнцы, издалека смахивающие на нашего дикого горного волосатика.

– И? – вопросительно склонила голову набок Лорна.

– Это был он, – трагично провозгласил Джай и пристукнул кружкой по стойке. – Собственной персоной!

– Испортили ребенка, – вздохнула тавернщица. – Что за девка с ним таскалась? Уличная вертихвостка, готовая за медный талер на все и чуток больше?

– Не-а, – удивленно помотал головой Проныра. – В том-то и дело! Приличная девица, не то служанка из хорошего дома, не то вообще купеческая дочурка. Идут едва ли не под ручку, воркуют, ровно два голубка…

– Ой-ей-ей, – предвкушающе пропел Ши. – Теперь Малыша можно смело не ждать к ужину. Хотя… С него станется напичкать доверчивую девочку душещипательными россказнями о тяготах варварского бытия, честно проводить до дома и уйти. Он ведь у нас ходячее сборище благочинных добродетелей. Как он выживет в этом жестоком мире без помощи верных друзей – не представляю!

– Если не будет слушать советов таких проходимцев, как ты – проживет вполне прилично, – съязвила бритунийка и, поглядев через голову Ши, вполголоса заметила: – Легок на помине. Джай, Ши, сделайте милость, не дразните мальчика. Иначе я рассержусь.

– Как страшно, – испуганно пискнул воришка, делая вид, будто хочет спрятаться под скамью.

Конан перешагнул через низкий порог и направился к обществу возле стойки, небрежно помахивая холщовым мешком. Выглядел и вел себя он как обычно – эдакая смесь настороженного внимания и затаенного подросткового нахальства.

– Купил? – осведомилась тавернщица, кивая на мешок, в котором, если приглядеться, замечалось некое робкое трепыхание. – Покажи, кого?

Малыш безмолвно развязал котомку и вытряхнул на стойку чешуйчатый шар желтовато-янтарного цвета. Не ожидавшие подвоха Джай и Ши шарахнулись в стороны, причем Джай перевернул свою кружку. Шар подкатился к Райгарху и остановился. Вышибала уставился на него рассеянным взглядом, пытаясь решить – мерещится ему или странный предмет присутствует наяву.

– Что это? – сглотнув, полюбопытствовал Джай.

Лорна осторожно потыкала свернувшееся в клубок существо кончиком ножа – тварь не шелохнулась.

– Оно живое? – боязливо спросил Ши и на всякий случай отодвинулся подальше.

Словно отвечая на его вопрос, таинственное создание развернулось. Из-под чешуйчатых пластин высунулись принюхивающийся черный нос, пара дергающихся ушей и четыре короткие лапы. Непонятный зверь сунулся рыльцем в разлитую по стойке лужицу шемского вина, отчетливо чихнул и бодро потопал вперед. Доковыляв до края доски, существо, не колеблясь, продолжило движение и свалилось вниз. Падение на пол его ничуть не обескуражило. Чешуйчатый зверек покрутился на месте, решая, куда пойти, и, цокая коготками, устремился прямиком к скамье, занимаемой Райгархом. С размаху ткнувшись мордой в сапог вышибалы, существо фыркнуло и деловито заскребло передними лапами по толстой коже сапога, пытаясь выкопать нору.

Асир еще несколько мгновений задумчиво созерцал возящегося зверька, затем наклонился и аккуратно поднял его, перевернув кверху брюхом. Создание хотело свернуться в клубок, но передумало и осталось лежать, поджав лапы и выставив круглый морщинистый живот, поросший редкой серой шерстью. Лорна перегнулась через стойку и согнутым пальцем почесала зверьку пузо, как обычно поступала с кошками. Существо довольно хрюкнуло. Ши не выдержал и захихикал – неведомая зверушка выглядела забавной и слегка глуповатой.

– Это пекудо, – не очень уверенно представил четвероногого незнакомца Малыш.

– Приятно познакомиться, – буркнул Джай.

– «Пекудо» – только название. Ему нужно настоящее имя, – заявил Ши, который тоже рискнул потрогать странную чешуйчатую зверюшку и убедился, что на первый взгляд она безвредна.

– Таран, – со смешком предложила Лорна. – Надеюсь, у него нет привычки устраивать подкопы под стенами?

– Тогда Гробокопатель, – высказался Проныра.

Райгарх вернул зверька на пол, где тот немедленно принялся царапать стойку, и решительно заявил:

– А он мне нравится!

– Молчаливый и туповатый, как кое-кто из моих знакомых, – вполголоса добавил Джай.

– И пусть будет… ага, Пушок!

– Почему Пушок? – изумилась тавернщица. – Он ведь лысый, как колено!

– Вовсе незачем напоминать бедному созданию о его недостатках, – серьезно возразил асир, аккуратно отодвинул пекудо от стойки (тот уже успел нанести ущерб имуществу таверны, отодрав две длинных щепки) и развернул в сторону залы. Зверек подумал и рысью потрусил исследовать новое место жительства, не обращая внимания на испуганные или сердитые окрики посетителей, топая прямо по ногам и ведя себя самым нахальным образом.

Лорна и Конан понимающе переглянулись. У Мирианы оказался достойный преемник.

– Сколько отдал? – полюбопытствовала бритунийка.

– Восемнадцать.

– Восемнадцать – чего? Денариев, империалов, ауреев?

– Полуимпериалов, чеканки Илдиза, – неохотно признался Конан. Лорна присвистнула.

Ши, вспомнив о своем грандиозном замысле, жестом призвал Райгарха и Проныру сесть поближе. Троица сдвинула головы и о чем-то зашепталась, иногда подозрительно косясь на перетиравшую кружки тавернщицу. Придя к общему решению, дружки внезапно сорвались с места и устремились к выходу из таверны.

– Эй! – возмутилась Лорна. – Райгарх! Ты куда собрался? А работать кто будет?

– Я ненадолго, – смутно отозвался вышибала и скрылся за дверью. Бритунийка только головой покачала, гадая, какая же новая идея зародилась в умах Компании и зачем Ши понадобились флаконы с двумя похожими жидкостями.

* * *

По давней традиции веселые заведения Ак-Сорельяны закрывались к полудню. С наступлением сумерек многочисленные двери вновь гостеприимно распахивались навстречу гостям, однако днем заглядывать сюда не имеет смысла – даже самые щедрые посулы и настойчивые просьбы не смягчат сердца владелиц обиталищ радости и их подопечных. Ак-Сорельяна, Улица Тысячи Соблазнов, отдыхает – гаснут ярко-красные слюдяные и склеенные из тонкого пергамента фонари, опускаются шторы, лязгают тяжелые засовы. Наберись терпения и жди вечера, а если невмоготу – ступай вниз по широкому проезду, где скромно приткнулись дешевые бордели, открытые днем и ночью. Десяток медных шемских дебенов – и ты наверняка обретешь желаемое, правда, оно не будет идти ни в какое сравнение с тем, что можно получить в домах самой Ак-Сорельяны.

Трое последних загулявших посетителей «Алмазного водопада», по праву считавшегося одним из самых дорогих и роскошных заведений Улицы Соблазнов, покинули его уютные стены непривычно поздно: куранты над башней Городского Совета как раз хрипло вызвонили второй послеполуденный колокол. Чрезвычайно довольная собой и проведенной ночью троица состояла из седого гиганта варварского обличья и двух парней-заморийцев – одного постарше, другого помоложе.

К удивлению дремавших под стенами «Водопада» нищих и громыхавшего по пустынной улице на своей повозке торговца зеленью, их провожала сама хозяйка, прекрасная Кэто, выглядевшая на редкость усталой и недовольной. Младший из заморийцев, прежде чем спуститься по истертым ступенькам, вручил хозяйке какой-то маленький предмет, тщательно

замотанный в отрез розового шелка. Госпожа Кэто развернула таинственное подношение, ослепительно сверкнувшее в лучах солнца, удовлетворенно кивнула надменно посаженной головкой и скрылась в темноте за дверями. Веселые дружки, слегка пошатываясь и пытаясь голосить что-то не слишком пристойное, заковыляли вверх по Ак-Сорельяне, свернули в сторону квартала Нарикано и исчезли в узких переулках.

– …Значит, госпоже очень нужно заполучить тот напиток, которым угостили беднягу Плешивца? – спросил вчерашним вечером Ши Шелам у владелицы «Алмазного водопада», зеленоглазой Кэто Сувейбы, судя по имени и внешности, происходившей не то из Хаурана, не то из Полуночной Стигии. – Настолько нужно, что она готова заплатить любую разумную сумму и воздержаться от расспросов?

– А ты сможешь его достать? – в лучших привычках шемских торговцев ответила вопросом на вопрос госпожа Кэто.

– Я могу попытаться… если мы договоримся, – Ши выразительно покосился на вычурный хрустальный с серебром графин, наполненный густым и сладким «Золотом Офира». Его пустовавший бокал немедленно наполнился. Ши разумно счел, что нужно суметь воспользоваться всеми предоставляющимися благами, дабы потом не сожалеть об упущенных возможностях.

– Твои условия? – Кэто налила и себе, но пить не стала, медленно поворачивая бокал в тонких пальцах. Ши изобразил на физиономии глубочайшее раздумье:

– Ну-у… Похоже, это ваше снадобье стоит подороже, чем бутылка хорошей аргосской выпивки. Вдобавок мне придется потратить немало своего красноречия и сообразительности, добывая вашу безделушку…

Кэто поставила бокал на стол и начала нетерпеливо постукивать ногтем по золотистому ободку. Воришка понял, что время ходить вокруг да около прошло, пора называть цену.

– Один вечер в вашем замечательном заведении для меня и моих друзей, – твердо произнес он. – Один-единственный вечер, а утром вы получите свое сокровище.

Вопреки его ожиданиям, госпожа Сувейба не позвала охранников, дабы те выкинули из ее комнаты нахальное порождение улиц Шадизара, и не зашлась в вопле, призывая на голову Ши всевозможные божественные кары. Она лишь тяжело вздохнула и уточнила:

– Надеюсь, число твоих друзей не превышает десятка?

…Теперь драгоценный пропавший флакон в виде апельсинового плода возвратился к своей законной владелице. Кэто дорого бы дала за то, чтобы узнать, какие приключения выпали на долю хрустальной склянки и какими извилистыми путями она попал в Шадизар. Однако, если вдуматься, это не имело большого значения. Украденный флакон здесь, он стоит на ее туалетном столике розового дерева, бросает на обтянутые сиреневым шелком стены радужные отблески и не собирается никуда исчезать. Он достался Кэто куда дешевле, чем она смела надеяться – всего лишь вечер за счет заведения для троих проходимцев. Потуги их небогатой фантазии уложились ровнехонько в триста сорок девять империалов полновесной туранской чеканки. Для верности Кэто попросила свою верную помощницу Линнету составить для нее список оказанных гостям услуг, и сейчас перечитывала его, презрительно усмехаясь. В иные дни, случалось, в ее заведении оставляли целые состояния, эта же компания являла собой образчик провинциальной убогости. Да и вообще – она по горло сыта этим шумным и вонючим городком, населенным сплошными жуликами. Завтра-послезавтра она покинет его, переложив дела на незаменимую Линни, и отправится *домой*. Она разузнала все, что хотела Пусть другие делают выводы и принимают решения. Жаль, что

ей не удалось разыскать кое-кого из местных обитателей, но все дороги рано или поздно сходятся к одному перекрестку. Не встретились сегодня – встретятся завтра… или в следующей жизни.

Кэто взяла флакончик, тяжелый и прохладный, полюбовалась игрой искр. Аккуратно отвернула тугую пробку, вырезанную из темно-зеленого нефрита, и поднесла склянку поближе к лицу. Точеные ноздри затрепетали, втягивая знакомый запах.

Внезапно женщина отодвинула флакон и нахмурилась – содержимое должно было пахнуть увядающей розой и слегка отдавать ароматом лавандового масла. Привкус лаванды отчетливо присутствовал, но какой-то не такой… Более густой, что ли?

Не слишком доверяя запахам, Кэто наклонила флакон, вылив на ладонь густую масляную каплю золотисто-оранжевого цвета. Опасливо, по-кошачьи, слизнула ее острым розовым язычком, задумчиво покатала во рту. Вроде бы похоже – приторно-сладкий вкус с еле заметной горчинкой. Как все-таки ее собственность могла угодить в лапы здешних мошенников? Воистину, правы те из смертных, что утверждают – мир с каждым днем становится все хуже и хуже.

Госпожа Кэто решительно спрятала хрустальный оранжевый флакон в шкатулку с секретным замком, шкатулку затолкала в потайной ящик стола и отправилась ругаться с поставщиком вин. Сей недостойный тип позволял себе драть с бедной содержательницы «Алмазного водопада» три шкуры, а привозимый товар день ото дня становился все хуже. Кэто Сувейба не считала себя скрягой, но полагала, что каждый золотой, заработанный честными трудами ее девочек, должен оборачиваться достойным вложением. В заведении госпожи Кэто будет подаваться все самое лучше – от вин до красавиц, и тот, кто попытается надуть госпожу хозяйку, горько пожалеет!

День выдался хлопотливым, вечер и ночь – доходными, однако на редкость суматошными. Для начала пожаловали туранцы, шумная и привередливая компания торговцев, успешно обделавших свои делишки на просторах Немедийской Империи и теперь возвращавшихся домой. За ними притащился Марди Крохобор с верными прихвостнями и слегка обалдевшим от обилия впечатлений аренджунским компаньоном, коего знакомили с достопримечательностями Шадизара. Марди держал под своей рукой Каменный рынок и потому считался персоной значительной. Кэто пришлось нацепить на лицо самую любезную из улыбок и, скрывая отвращение, почти полколокола провести в обществе Марди и его дружков. Среди мелькающих гостей проскользнула настороженная физиономия кого-то из городских советников, слывшего человеком строгих правил и ужасно боявшегося за свою репутацию, явилась кучка молодых и богатых заезжих бездельников из Коринфии, весело проматывающих папашины наследства в домах Ак-Сорельяны…

Порой Кэто всерьез начинала верить в то, что внезапно пришедшая в голову шальная идея – стать владелицей престижного веселого заведения, дабы время от времени окунаться в непрерывно вращающуюся вокруг «Водопада» блестящую карусель чужих жизней – очень даже неплоха. Это давало ей возможность краткого избавления от постоянной скуки, которая была и оставалась неизлечимой болезнью как самой госпожи Кэто, так и подобных ей созданий. «Когда обладаешь слишком многим, берегись заскучать», – говорили ее друзья, и Кэто знала, что они правы.

Ночь незаметно перетекла в утро, «Водопад» пустел, девицы, зевая, разбредались по комнатам. В большой нижней зале вполголоса сплетничали служанки, убирая следы вчерашнего веселья. Кэто постояла на галерее, бездумно прислушиваясь к их стрекоту,

убедилась, что двери дома свиданий закрыты на засовы до следующего вечера, и отправилась вздремнуть. Может, стоит задержаться в Шадизаре еще на денек-другой? Да, это не самое лучшее место на Закатном Материке, но ему нельзя отказать в некоем порочном очаровании… А порок всегда был и оставался истинной стихией Кэто.

* * *

Проснулась она около седьмого послеполуденного колокола – между полуопущенными оконными шторами пробивался шафранный отсвет лучей заходящего солнца. Снаружи долетали бодрые выкрики разносчиков и уличных торговцев, из глубин дома звучали женские смешки, повизгивания и легкий топоток ног. «Алмазный водопад» и его прекрасные обитательницы готовились к приему новых гостей. Кэто еще немного полежала, раздумывая над тем, что предстоит сделать нынешним вечером и вспоминая, какие известные персоны обещали навестить ее сегодня. Потом рывком откинула покрывало, встала и вприпрыжку поскакала к самому главному предмету обстановки комнаты – туалетному столику. По дороге дважды дернула за шнур колокольчика, вызывая служанку с тазиком горячей воды и заодно Линнету с отчетом о прибылях и тратах предыдущей ночи.

Зеркало госпожи Сувейбы, висевшее над уставленным баночками, флаконами и крохотными кувшинчиками столом, уже давно стало предметом всеобщей женской зависти. Это была не обычная хорошо полированная серебряная или бронзовая пластина, но доставленный из самой Вендии большой лист толстого стекла в вычурной золотой оправе, покрытый изнутри толстым слоем блестящего металла. Зеркало давало великолепное отражение – почти как картина или гладкая поверхность чистой, незамутненной воды. Кэто обожала свою редкостную игрушку и могла провертеться перед ней хоть целый день, мастеря различные прически, подводя глаза и меняя украшения.

Но сегодня в ясных глубинах вендийской диковины вместо привычного облика прекрасной рыжеволосой хозяйки «Алмазного водопада» появилось нечто странное. Непонятное и пугающее. Настолько странное, что Кэто несколько раз провела по скользкому зеркалу шелковым лоскутом, решив, что ей показалось спросонья.

Кошмар не исчезал.

Госпожа Кэто ощупью подвинула к себе разлапистый трехногий табурет и не села, но скорее упала на него, едва не промахнувшись. Сглотнула, по-птичьи дернув головой. Дотронулась пальцами до лица, затем для чего-то постучала по зеркалу.

Оттуда на нее таращилось выпученными от ужаса ярко-зелеными глазищами чудовище. Иного названия это создание не заслуживало. Обтянутая бледно-сероватой кожей, с поджатыми узкими губами цвета перезрелой сливы, лишенное бровей и ресниц, с совершенно голым черепом, поросшим нежно-сизоватым пушком, тварь жалобно пялилась на женщину, неопровержимо подтверждая, что *оно* и есть блистательная Кэто Сувейба. Торчали в разные стороны ставшие неожиданно большими уши, и в них, точно для пущего контраста, болтались длинные изумрудные серьги.

– Так, – деревянным голосом произнесла Кэто. Подняла руку и провела ладонью по своей макушке, ощутив щекочущее прикосновение короткой шерстки – как на животе

новорожденного котенка. – Значит, вот так…

Она замедленно оглянулась, только сейчас заметив, что на подушке осталось лежать что-то блестяще-золотистое, вьющееся колечками. Надо полагать, вчера вечером это были ее собственные, тщательно холимые-лелеемые локоны.

– Спокойно, – как можно тверже сказала Кэто, обращаясь к мелко вздрагивавшему и явно собиравшемуся удариться в слезы отражению. – Главное – не паниковать…

Она попыталась следовать этому совету. Закрыла глаза, опустила голову, глубоко вдохнула. Вытянула перед собой руки, собрав пальцы щепотью. Какие-то мгновения она оставалась сидеть так, потом резко подняла лицо и распахнула глаза.

Отражение в зеркале на миг изменилось – там возникла и тут же пропала прежняя госпожа Сувейба. Кэто в ярости треснула кулачком по краю стола, отстраненно заметив, что длинные ногти потрескались, приобретя коричневатый оттенок, а кожа на руках высохла и теперь может похвастаться дивными перламутровыми переливами, какие появляются на внутренностях давно стухшей рыбы. Звякнули потревоженные баночки с красками и духами.

Кэто внезапно наклонилась, словно переломившись в поясе, и принялась лихорадочно рыться во внутренностях столика, безжалостно расшвыривая по полу содержимое ящиков. Найдя заветную шкатулку, перевернула ее, выхватила флакон в виде апельсинового плода.

Оранжевая жидкость за прошедшие день и ночь сильно изменилась. Теперь она стала желтоватой, с плавающими внутри мутными бурыми комками. Кэто трясущимися руками откупорила склянку, принюхалась… и с размаху швырнула в стену.

Флакон разбился. Жидкость бесформенным пятном растеклась по сиреневому узорчатому шелку бесценных кхитайских обоев, и те вдруг почернели, облезая и распадаясь на неопрятные лохмотья.

Кэто обхватила облысевшую голову руками и закачалась из стороны в сторону, еле слышно подвывая и повторяя одно слово: «Обманули, обманули, обманули…»

По двери выбили быструю дробь. Не дожидаясь ответа, распахнули тонкие ажурные створки, сделанные на туранский лад. Пятясь, вошла служанка с дымящимся медным тазом и кувшином, за ней следовала толстушка Линнета, кокетливо помахивавшая в воздухе распустившейся тигровой лилией на длинном стебле. К цветку золотистой тесьмой крепился свернутый в трубочку пергамент.

– Угадай, кто желает с утра засвидетельствовать тебе свое нижайшее… – игриво начала Линни и осеклась, точно прикусив язык. Служанка выронила таз, залив кипятком лежавший у порога дорогой иранистанский коврик, закатила глаза и открыла рот, намереваясь огласить все заведение пронзительным воплем.

Соображавшая куда быстрее Линнета с размаху заткнула девчонке рот принесенным для хозяйки посланием и пинком выставила в коридор, прошипев:

– Вякнешь – окажешься на помойке! Поняла?

Служанка растерянно кивнула. Помощница Кэто захлопнула дверь, бойким шариком прокатилась по комнате, но остановилась, не решаясь дотронуться до столь разительно поменявшейся госпожи.

– Иштар-заступница, что ж такое делается?.. – суетливо бормотала Линнета. – Кэто, когда… когда *это* случилось? Неужели порчу навели, завистницы кривоногие? Наверняка Юлайма из «Страстоцвета», больше некому! Дрянь пучеглазая, вечно шастает, вынюхивает, подслушивает… Вот беда-то… Там внизу к тебе молодые господа пришли, те, что прошлого дня у нас гостили… Хотят у нас вечеринку устроить… Кэто, скажи хоть слово! Ну

пожалуйста! Может, за лекарем сбегать? За лучшим, Шанталем Кофийцем?

– Не надо лекаря, – с трудом выговорила Кэто, с внезапной радостью поняв, что хотя бы голос остался прежним. – Скажи, что я никого не принимаю. Сегодня мы работать не будем. «Водопад» закрыт… Да убирайся же! – визгливо прокричала хозяйка, заставив и без того испуганную Линнету шарахнуться к двери. – Нечего на меня глазеть! Уходи!! Быстро!!!

Помощница стрелой вылетела наружу, споткнувшись об уроненный таз.

– Я вам этого так не оставлю! – Кэто размашисто смахнула со стола флакончики-баночки, продолжая метаться по комнате и бессвязно выкрикивать: – Думаете, самые хитрые? Вы мне за все ответите! Приползете прощения выпрашивать!! Вам еще бордели поперек горла встанут!!! Вы мне ответите! Причем прямо сейчас, мерзавцы, немедля! Попомните, как смеяться над… Над… Надо мною!

Линнета стояла в коридоре, прижав руки к сердцу и вздрагивая от каждого нового вопля хозяйки, всхлипывала и думала, что за лекарем все одно придется посылать, ибо добрая и щедрая госпожа Сувейба, кажется, сошла с ума.

Словно в подтверждение раздался треск бьющегося стекла (надо полагать, Кэто вдребезги расколотила драгоценное вендийское зеркало), затем шум падающего на кровать тела и горькие рыдания.

«Кому ж теперь достанется „Водопад“? – пыталась сообразить растерянная Линни. – Если раньше госпожа была… буквально богиней, то сейчас… Ужас!»

* * *

Виновник печальных изменений, случившихся с госпожой Кэто Сувейбой, пробудился следующим утром на другом конце города, будучи в превосходном состоянии духа и тела. Ши Шелам никогда не страдал приступами совестливости, не ведал, что такое раскаяние, и опасался только одного – быть застигнутым врасплох на месте преступления. Он сделал все, чтобы госпожа Кэто (ежели она догадается, как лихо ее обвели вокруг пальца) не сумела отыскать мошенников: настрого запретил приятелям напиваться вдрызг, упоминать свои настоящие имена, разбалтывать девочкам из заведения что-либо о себе и настоятельно советовал не увлекаться. И без того их затея выглядела достаточно опасной, так не хватало еще огрести дополнительных неприятностей!

Потому Ши честно вручил прелестной хозяйке заведения хрустальный флакон и отправился в «Уютную нору» – отсыпаться, приходить в себя и решать, как поступить с подлинной склянкой. Ши грызло искушение: рискнуть и самому попробовать оранжевую жидкость. Только одну крохотную капельку! Вряд ли она сможет принести много вреда, зато какие невероятные открытия его ждут!

Однако, поразмыслив, Ши рассудил за лучшее не испытывать судьбу. Не хватало только разделить участь бедолаги Плешивца. Не-ет, он поступит умнее – прибережет флакончик для подходящего случая. Уж тогда, будьте уверены, Ши Шелам своего не упустит!

Веселье в «Алмазном водопаде» случилось ровно два солнечных круга назад, а наступление третьего дня Ши встретил в одном из своих любимых убежищ – в маленькой комнатушке, спрятавшейся под крышей таверны «Золотой павлин». Подобные каморки

занимали весь обширный второй этаж этого примечательного в своем роде и начинающего слегка ветшать здания неподалеку от площади Скачущих Коней. Тут обитали служанки, танцовщицы и с десяток сговорчивых девиц, согласных за парочку серебряных монет быстренько наделить своими ласками любого посетителя таверны.

Ши умудрялся поддерживать хорошие отношения почти со всеми танцовщицами, но его постоянной подружкой считалась некая Элата. Пухленькая, смуглая, с выпуклыми карими глазищами и мелко курчавящимися волосами дочурка пунтской рабыни и оставшегося неизвестным бродячего торговца из Шема обладала, по мнению Ши, многими несомненными достоинствами и одним существенным недостатком – слишком капризным характером. Стоило Ши позабыть о ней хотя бы на три-четыре дня, Элата немедленно угрожала найти себе нового приятеля, а также требовала подарков и развлечений. Ши пересчитывал свои невеликие сбережения, махал на все рукой и разрешал подружке запустить цепкие пальчики в свой кошелек. Элата мгновенно меняла гнев на милость, становилась милой и покладистой, и тогда с ней можно было неплохо провести время.

Вчера вечером Элата, завидев Ши, устраивающегося на своем постоянном месте (поближе к двери и подальше от хозяина таверны), немедленно сделала вид, что просто с ним не знакома. В отместку Ши принялся откровенно волочиться за постоянной соперницей Элаты, смешливой немедийкой Тилли.

Заметив столь низкое вероломство, разъяренная Элата примчалась выяснять отношения. Ши, не отвечая на ее расспросы, молча показал возмущенной приятельнице одну из жемчужин ожерелья, некогда принадлежавшего знатной леди Клелии Кассиане из Офира. Элата озадаченно примолкла, Тилли восхищенно заахала. Ши небрежно ткнул пальцем в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Девицы понимающе глянули друг на друга – две кошки, нацелившиеся на одну и ту же толстую мышь.

– Я не могу исчезнуть прямо сейчас, – мрачно сказала Элата. – Хозяин заметит. Через полколокола, не раньше…

– Зато я могу! – с готовностью заявила Тилли и хихикнула. Элата исподтишка показала ей согнутые крючком пальцы, означавшие – «не тронь мою добычу, пожалеешь».

Бело-розоватая жемчужина, еле слышно постукивая, прокатилась по столешнице и исчезла в жадно стиснувшейся ладошке Тилли. Немедийка обольстительно (как ей казалось) улыбнулась и, ловко проскальзывая между столами, направилась к лестнице.

– Ши, негодяй! – взвыла оскорбленная до глубины души Элата. – А как же я?

– Загляни попозже, может, и тебе что перепадет… – снисходительно предложил Ши. Танцовщица недовольно закусила губу и отвернулась, собираясь уйти. Ши поймал ее за руку. – Ладно, не дуйся. Я кое-что раздобыл – хватит даже наведаться в «Коринфские сады». Хочешь?

– Спрашиваешь! – просияла Элата и тут же нахмурилась: – Ты, друг мой, случаем не врешь?

– Провалиться мне на этом месте! – искренне поклялся Ши, выбираясь из-за стола. – Где меня найти – сама сообразишь. И давай быстрее, не то все сливки достанутся крошке Тилли.

– Тогда я гляделки ее бесстыжие выцарапаю, – мрачно пообещала девушка.

Из «Коринфских садов» развеселое общество, куда входили Ши Шелам, две танцовщицы и встреченный по дороге знакомый Тилли, перебралось в «Звездный мост». Там к ним пожелали присоединиться случайно забежавшие на огонек друзья Ши, настойчиво звавшие

зайти в «Одинокую красотку» и утверждавшие, будто нигде, кроме как в подвалах этого заведения, не найдется столь обширного выбора вин. После «Красотки» изрядно расширившаяся и вошедшая во вкус гулянки компания заглянула в «Змею и скорпиона», затем – в «Пещеру демона», навестив, таким образом, пятерку лучших таверн квартала Менджи.

Богатенькая госпожа Клелия наверняка была бы очень недовольна, узнав, на что пошел ее жемчуг…

Выбравшись из «Пещеры», Ши взглянул на ночное небо, где созвездия решительно отказывались стоять на положенных местах, качнулся, ухватился за плечо верной Элаты и провозгласил:

– С меня хватит! Идем домой!

– Домой, конечно, домой, – проворковала девушка, разворачивая захмелевшего приятеля в нужную сторону.

Последние героические усилия Ши Шелам потратил на преодоление крутых лестниц «Золотого павлина» и на то, чтобы войти в комнату танцовщицы, не своротив дверь.

А теперь Ши проснулся, смутно припоминая вчерашние похождения, однако твердо зная, кто он такой, где находится и чем собирается заняться. Воришка обладал счастливой способностью почти не испытывать похмелья и не жаловаться с утра на многочисленные невзгоды.

Элата безмятежно дрыхла среди скомканных грязноватых простыней, зарывшись лицом в подушку и тихонько посапывая. На ее шее красовалась тонкая нитка драгоценного бледно-розового жемчуга, и Ши озадаченно поскреб в затылке, соображая, когда и при каких обстоятельствах умудрился одарить приятельницу. Кажется, это случилось по пути из «Звездного моста» в «Одинокую красотку»? Или позже?

Безуспешно поломав голову над неразрешимым вопросом, Ши додумался до очень простого решения: надо разбудить Элату и спросить у нее!

Перекатившись на другой бок, Ши бесцеремонно потряс танцовщицу за плечо. Элата, не открывая глаз, проворчала что-то вроде «Отстань, еще рано».

Ши проявил настойчивость, огладив подружку по соблазнительным выпуклостям и изгибам. Девушка сонно захихикала, потянулась… а спустя миг уставилась на Ши испуганно расширившимися глазищами, взвизгнула и одним великолепным прыжком оказалась вне пределов досягаемости, своротив по пути громыхнувший медный кувшин.

– Ты кто? – слегка дрожащим голосом осведомилась Элата. – Ты что здесь делаешь?

– Слышал я рассказы про короткую девичью память, но чтоб настолько короткую… – опешил Ши. – Ну ты даешь, подруга! Протри глазки! Это же я!

– Я тебе не подруга, – Элата отступила к громоздившемуся подле стены внушительных размеров сундуку и резким жестом схватила лежавший на крышке короткий кинжал. – Убирайся отсюда! Быстро, не то закричу!

Ши понял: так и начинается сумасшествие. Непонятно только, у кого – у него или у Элаты?

– Дорогуша, да что с тобой случилось? – он попытался говорить как можно мягче и спокойнее. Не хватало еще быть зарезанным внезапно спятившей девчонкой из таверны. – Положи-ка ножичек, пока бед не натворила. Это я, Ши Шелам, мы с тобой знакомы сто лет без малого…

– Придумай что-нибудь получше! – огрызнулась Элата. – Вылезай из моей постели,

сучка чокнутая!

– Это ты зря, – укоризненно протянул Ши, и тут его взгляд случайно зацепился за болтавшееся на стене зеркальце. Дешевое бронзовое зеркальце в деревянной рамке, за которую Элата заталкивала пучки сушеных цветов, разноцветные ленточки и записочки от поклонников.

Увидев мелькнувшее отражение, Ши позабыл и про Элату, и про неудачно начавшееся утро. Как завороженный, он сполз с кровати и потянулся к тусклому металлическому квадрату, мельком отметив, что ощущает себя как-то необычно. Ноги подкашивались и отказывались слушаться. Танцовщица подозрительно косилась на него, явно решая – может, лучше выскочить из комнаты и позвать на помощь?

Желтоватая полированная бронза послушно изобразила чуть перекошенный и расплывчатый облик молоденькой симпатичной девушки, типичной уроженки Шадизара. Девушки с яркими темными глазами, блестевшими, как ягоды тутовника. Наверняка в иные дни эти глаза хранили лукаво-дразнящее выражение, но сейчас, съехавшись к переносице, они производили жутковатое впечатление. По сторонам скуластого лица незнакомки свисали встрепанные пряди жестких угольно-черных волос. Точно пребывая в затянувшемся кошмаре, Ши опустил голову, наглядно убедившись: зеркало не лгало. Либо он в самом деле сошел с ума, либо надо признать невероятное – заснув мужчиной, он проснулся в облике женщины.

Попытка сделать шаг в сторону безнадежно провалилась. Ши оступился и не слишком изящно приземлился на пол. Сознание, игриво подхихикивая, убегало вдаль по склону зеленого холма. Кто-то – судя по голосу, вышибала – настойчиво стучался в дверь комнаты, спрашивая: «Эла, у тебя все в порядке?».

– Меня зовут Ши, – туповато повторил воришка, словно звук собственного имени обладал силой восстановить истину. – Я родился в Шадизаре, мне девятнадцать лет, и, мамочка моя дорогая, я же не девчонка! Не девчонка!!

– Элата, чтоб тебя! – рявкнули из-за двери, сопроводив окрик изрядной силы пинком по створкам. – Открой! Что там за грохот?

Танцовщица глянула на беспомощно съежившегося на полу приятеля… бывшего приятеля. Перевела взгляд на хлипкую дверь. Что-то прикинула в уме.

– Кувшин уронила, – отчетливо и громко произнесла она. – Все в порядке. Я сейчас спущусь вниз, – и шепотом добавила: – Перестань визжать! Замолчи!

Охранник потоптался за дверями, убедился, что из комнаты Элаты не доносится никаких подозрительных звуков, и тяжело зашагал прочь. Ши благодарно перевел дух, но, как оказалось, поторопился сделать выводы.

– Не хватало, чтобы меня ославили трибадой, – зло процедила Элата. – Не знаю, кто ты и как сюда пробралась, но сделай одолжение – проваливай!

– Послушай, – Ши отчаянно цеплялся за последнюю возможность толком осознать происходящее, – неужели ты ничегошеньки не помнишь? Я не знаю, что со мной случилось, но я – Ши…

– Да не знаю я никакого Ши! – в голос выкрикнула танцовщица и кинжал в ее руке опасно блеснул. – Вот что, милая – считаю до трех и зову Кайда. Скажу, что ты воровка и забралась в окно. Он тебя быстро научит уму-разуму.

– Но… куда же я пойду? – растерянно спросил Ши. – И как?

– Ногами! – отрезала Элата. Огляделась по сторонам, подняла с пола сине-красную тряпку, скомкала и бросила ее в Ши. – Вот твое барахло. Раз!

Ши стекленеющим взглядом уставился на валявшийся рядом с ним ворох легкой ткани, не представляя, что с ним делать.

– Два!.. Два с половиной!..

Ему удалось выбраться в коридор и добрести до лестницы, но на ступеньках ноги опять подвели. Очевидно, в женской походке имелись свои тайны, доселе Ши неведомые. Сине-красное короткое платьице жало в самых неожиданных местах и казалось слишком уж облегающим.

Пробегавшие по лестнице служанки недоуменно косились на незнакомку, выглядевшую не то пьяной, не то слегка тронувшейся умом. Элата, похоже, напрочь забыла, что у нее когда имелся друг по имени Ши Шелам. Если это поветрие распространилось на прочих знакомых Ши, то радостной и легкомысленной жизни уличного воришки Ши Шелама пришел конец. Его просто не существует. Есть какая-то девчонка…

Стоп. Не будем впадать в отчаяние раньше времени. Предположим, Ши куда-то временно отлучился. Взамен осталась его сестренка. Шелла. Точно, назовем ее Шеллой Шелам. Что ей предстоит сделать? Не падая и не спотыкаясь, осторожно спуститься вниз по лестнице, выйти из «Золотого павлина», миновать пару кварталов и добраться до постоялого двора «Уютная нора». Дальше? Дальше будет видно.

При мысли о том, что в таком виде придется куда-то идти, Ши пробил холод. Он упал на ступеньку, отчаянно напоминая себе, что в Шадизаре обитает по меньшей мере пять или десять тысяч женщин различного возраста и сословия, которые ежедневно навещают рынки, бегают в гости к подружкам, торгуют и промышляют на улицах, ничуть не опасаясь за свою жизнь. Сейчас разгар дня. Никому в голову не придет, что испуганная девчонка и небезызвестный Ши Шелам – одно и то же лицо. Главное, не привлекать излишнего внимания, вести себя, как свойственно женщинам…

Скучающий подле ворот охранник залихватски присвистнул вслед угловатой, но привлекательной темноволосой девчонке, шедшей, слегка покачиваясь – наверняка вчера изрядно повеселилась. Та боязливо оглянулась через плечо. Стражник подбросил в воздух медную монетку, сопроводив ее недвусмысленным жестом. Девица в ответ презрительно сплюнула и показала маленький жилистый кулачок. Охранник хмыкнул – ишь, гордячка выискалась.

Черноволосая вышла на улицу, постояла, прислонившись к глиняному забору, решительно тряхнула головой и направилась в сторону площади Скачущих Коней.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Тяжкая женская доля

Как ни странно, преодоление нескольких десятков шагов вернуло Ши толику былой уверенности. Никто не тыкал в Шеллу пальцами, никто не кричал: «Смотрите, Ши Шелам надумал пойти в лицедеи и прикинулся девицей!», никто не бросал в его сторону нехорошо оценивающих взглядов. Дабы окончательно придти в себя, Ши мимоходом увел кошель упитанной домохозяйки, слишком рьяно препиравшейся с молочницей.

В кошеле обнаружилась приятно позвякивающая россыпь «скотного двора», как в обиходе именовали мелкое серебро офирской чеканки, и с десяток медных туранских кафаров. Шелла немедля пустила добычу в ход: обзавелась дешевыми сандалиями, ибо удрала из «Павлина» босиком, купила пирожков с требухой и кисть винограда.

Она шла, поплевывая косточками, и пыталась здраво рассудить: что могло произойти с Ши Шеламом нынешней ночью? Шелла тщательно перебрала все возможные предположения, не оставив без внимания даже кажущиеся лихорадочным бредом. Кто-то мог навести морок на Элату, из-за чего танцовщица напрочь забыла своего милого дружка Ши, воспринимая его как девчонку. Кто-то мог затуманить голову самому Ши и теперь он всерьез полагает, что стал женщиной, оставаясь тем, кем был всегда, то есть парнем. Либо – что самое неприятное! – Ши действительно превратился в девушку. Вопрос: кому и зачем понадобилось так усложнять жизнь обычного уличного воришки? И каким способом можно проделать столь изощренный трюк? Заклинанием? Применение такого заклятия, если оно существует, должно стоить заказчику немалых денег. Ши представления не имел, способен ли кто-то из шадизарских колдунов на столь серьезную ворожбу. Здешние маги, за редкими исключениями, большей частью обычные мошенники и жулики, как и прочие обитатели Города Воров.

А самое главное – кто? Как относиться к перевоплощению: как к мести, жестокому розыгрышу или вообще случайности? Может, Ши просто оказался в неподходящее время в ненужном месте? Скажем, некая личность пыталась свести счеты с Элатой?

Как ни крути и ни прикидывай, легче не становилось. Одна надежда – дойти до спасительных стен «Норы». Вдруг по дороге морок развеется? Или друзья-приятели, поглядев на Ши, ехидно спросят: «С какой это радости ты, красавчик, вырядился в девчоночьи тряпки? Решил сойти за ночную курочку?». Позора, намеков и смешков будет – не оберешься!

Шадизару все равно, что выставлять на продажу. Смазливые мордочки и красивые тела – товар не менее обыденный, чем коровьи туши или кувшины с вином. Город переполняли блудливые девы: уличные и обитающие в веселых домах, промышлявшие при тавернах, банях и игорных заведениях. Их именовали «сумеречными кобылками», «волчицами», «черными овечками», «увядшими лилиями» и еще тысячу и одним прозвищем. «Ночные курочки» кормились из той же кормушки, приторговывая своими ласками и порой вступая с девицами в смертельную вражду из-за богатенького клиента. Разница заключалась в одной мелочи – «цыплята» относились к мужскому полу.

Девицы конкурентов не жаловали. Дело частенько доходило до драк с вырыванием волос, выцарапыванием глаз и разбиванием голов о мостовую. Потому «курочки»

облюбовали для трудов праведных одну из уединенных городских площадей и предпочитали держаться стайкой. Прежнее название площади за давностью лет забылось, теперь она была известна как Птичник. Располагался Птичник по соседству со Скачущими Конями и «Золотым Павлином», иногда Ши заносило туда лихими ветрами: то удирал от погони, то наведывался пощипать кошельки любителей свеженькой курятины, то заглядывал в гости (воришка придерживался здравой мысли, что друзей и осведомителей необходимо иметь везде – в Городском Совете и среди размалеванных, жеманных «цыплят» Птичника. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь).

Шелла в мыслях не имела сворачивать и идти через Птичник (одинокая девчонка, имевшая вид непритязательной шлюшки, вполне могла схлопотать от мающихся похмельем и бездельем «курочек» подзатыльник или получить сгнившим яблоком в спину – дабы впредь не забредала в чужие владения), но тут в соседнем проулке мелькнул чей-то смутно узнаваемый силуэт. Девушка юркнула в подворотню, осторожно выглянула, присмотрелась. Высокий, крупный мужчина в неприметном зеленоватом плаще, капюшон низко надвинут, скрывая лицо, однако в походке и движениях кроется нечто знакомое. Где-то Шелла уже с ним сталкивалась, но где?

Неизвестный в плаще вел себя чрезвычайно странно. Поначалу он вроде бы целеустремленно направился к Птичнику, но, не дойдя до входа на площадь, столь же решительно свернул и остановился в арке какого-то зажиточного дома. Вскоре появился хмурый сторож и пригрозил спустить на незнакомца собак, если тот не уберется. Высокий перешел на другую сторону улицы и притаился за полуобрушившейся колонной, украшавшей угол дома, небезуспешно пытаясь слиться с ней.

На площади обозначилось некоторое оживление: из дверей маленькой таверны «Бык и кольцо» появилась парочка ранних пташек. Странные создания, издалека напоминавшие обычных гулящих девиц средней руки, о чем-то взахлеб щебетали, хихикали и передавали друг другу кулек с вишнями. Им повезло – довольно скоро на Птичник пожаловал старавшийся держаться в тени и жмущийся к стенам тип туранского обличья и явно купеческого сословия. Жестами подозвал «цыплят» к себе, о чем-то тихо заговорил, те кивнули и невозмутимо отправились вслед за покупателем, продолжая болтать и смеяться.

Поднадзорный Шеллы дернулся, мотнув головой, выбрался из своего закутка и сделал шаг к площади. Вдоль проулка загрохотала тележка продавца фруктов, незнакомец мгновенно скрылся в неглубокой стенной нише.

Обитатели (или обитательницы?) Птичника один за другим появлялись на свет. Кто-то уходил бродить по окрестным улицам, кто-то оставался дожидаться случая на площади. Время от времени наведывались клиенты, уводя приглянувшихся «курочек» с собой или скрываясь за дверями «Быка и кольца». Шелла без труда вычислила местных «хозяек», распоряжавшихся на площади, мысленно отделив тех, кто командует и получает деньги, от тех, кто находится в подчинении. Знакомое распределение ролей – точно также охотятся на своих жертв уличные проститутки.

Знакомый незнакомец продолжал подпирать стены. Похоже, он пришел сюда впервые и никак не мог набраться духа, дабы приблизиться к коварному Птичнику. Шелла не знала, что делать – продолжать выслеживать или уйти? Какая ей разница, знает она этого человека или нет? Если знает, ей же выйдет хуже – никто не хочет, чтобы его застукали во время охоты на «цыплят». К тому же у Шеллы (то есть Ши!) полно собственных забот. Да, надо уходить. Что торчать здесь без толку?

За Шеллу решил случай. К колебавшемуся неизвестному в зеленоватом плаще приблизилась одна из «курочек» – юная белокурая особа в голубой разлетающейся тунике, позвякивающая сверкающими фальшивым золотом сережками, браслетами и ожерельями. Заговорила, хотя ей не ответили. Игриво положила узкую ладонь на сгиб руки незнакомца. Тот сделал движение, будто собирался резко оттолкнуть навязчивого «цыпленка». Парень в обличье девицы ловко увернулся, продолжая настаивать и пальчиком маня возможного клиента за собой. Человек в зеленом плаще огрызнулся, однако как-то неуверенно.

И тут Шелла неприлично открыла рот. Она узнала голос. Она еще надеялась, что ошиблась, но незнакомец обменялся с «курочкой» несколькими фразами, и последние сомнения растаяли утренним туманом.

Блондинка в голубом рассыпчато-звонко засмеялась и взяла узнанного Шеллой человека под руку. Он послушно поплелся за жизнерадостной «курочкой» – точно бык на заклание. Парочка миновала Птичник и направилась вверх по Лошадиной улице. «Цыпленок», видимо, имел неподалеку собственное пристанище, куда приглашал своих мимолетных знакомых.

Они ушли.

Шелле пришлось злобно укусить себя за кончик языка, прогоняя тяжелое оцепенение, вроде того, что охватывает слишком долго пробывшего на солнце человека. Сорвавшись с места, она неуклюже побежала прочь от Птичника, к родному кварталу Нарикано.

Возле Каменного рынка Шелле пришла в голову одна догадка, от которой девушку, некогда являвшуюся Ши Шеламом, бросило в холод и жар одновременно. Остро захотелось присесть и выпить чего-нибудь прохладного. Шелла огляделась, увидела вывеску знакомой таверны, зашла и упала на свободную скамью. Ее колотила мелкая дрожь и она едва не выронила принесенную ей кружку белого шемского.

Потому неудивительно, что, когда ей на плечо легла чья-то тяжелая рука, Шелла подпрыгнула и взвизгнула, да так, что посетители за соседними столами оглянулись.

* * *

– Нет.

– Да брось ты! Тебе чего, деньги не нужны?

– Нужны. Но сейчас я тороплюсь.

– Значит, обернешься по-быстрому и побежишь дальше. Договорились?

– Я же сказала – нет, нет и нет! Отвали!

– Зря ты так, детка. Люди, можно сказать, к тебе со всей душой, а ты грубишь… Ладно, не хочешь по-хорошему, придется по-плохому. Не передумала?

Любой житель Шадизара не раз созерцал подобную ситуацию: двое-трое парней (из тех, что самоуверенно полагают себя крупной рыбой в мелком озерце) начинают упорно приставать к приглянувшейся им девице легкого поведения. Далее следует легкая перепалка, в которую окружающие не вмешиваются, с интересом заключая пари, кто одержит верх. Как правило, девица, покапризничав для виду, сдается и удаляется вместе со своими новыми приятелями.

Видеть со стороны, как выяснилось, это одно. Оказаться же на месте помянутой девицы

– совсем другое…

Ши слишком поздно сообразил, что громоздит ошибку на ошибку. Не стоило огрызаться, проще было для виду согласиться, выйти на улицу и там попытаться удрать. Для человека, с детства назубок изучившего закоулки и проходные дворы торгового квартала Сахиль, это не составило бы особой трудности. Вместо этого он имел глупость разозлить привязавшихся к Шелле типов.

Ухудшало дело то обстоятельство, что Ши неплохо знал эту мрачноватого вида парочку. Акчи Рохля когда-то проиграл воришке кругленькую сумму в двадцать туранских империалов, а Стикки, неизвестно почему заработавший прозвище «Брешущий Пес», не раз наведывался в таверну «Уютная нора». Наведывался не просто так, посидеть за кружечкой Лорниного пива, но сопровождая своего грозного покровителя.

Рохля и Брешущий Пес ходили в своре костоломов Кодо. Попытка договориться с этими людьми заранее обречена на провал. Тем более – принимая во внимание различные гадости, в запальчивости брякнутые Ши.

Остается одно: бежать. Бежать как можно быстрее.

– Значит, не передумала? – уточнил Акчи Рохля. Шелла упрямо мотнула головой. – Что ж, тогда пойдем, прогуляемся. Давай-давай, шевелись, красотка.

Он цепко сгреб упрямую девицу за ворот платья… вернее, попытался сгрести, ибо девчонка стремительно крутанулась на скамье и с размаху врезала обеими ногами Рохле по лодыжке. Громила качнулся, теряя равновесие, и оттого не успел уклониться от предельно точно запущенного ему в голову увесистого кувшина. В сосуде еще оставалось вино, радостно брызнувшее во все стороны вперемешку с черепками. Рохля шатнулся и грузно осел на пол.

Расправа чернявой девицы с Акчи вызвала в таверне одобряющий гомон и свист. Не дожидаясь, пока ее поймает опешивший Стикки, Шелла птичкой взлетела на стол, сжалась в комок и прыгнула, надеясь на шальную удачу и целя ступней в голову противнику. Раздался треск рвущейся ткани (Ши забыл, что в узком платье особо не попрыгаешь), но маневр увенчался успехом: плетеная сандалия врезалась Брешущему Псу в лоб. Шелла-Ши тихо взвыла – показалось, что она пытается бить каменную стену. Однако Стикки в замешательстве отступил, открывая ей путь к бегству, в таверне возникла суматоха и девушка беспрепятственно помчалась к выходу, перевернув по пути несколько скамей и опрокинув подвернувшиеся под руку тарелки и кувшины. Брешущий Пес бросился за ней, но поскользнулся на разлитом вине.

Она уже считала себя в безопасности, когда врезалась в кого-то огромного, загородившего весь дверной проем. Шелла метнулась вправо-влево, вспоминая, где тут черный ход, и тут ее схватили за руку, умелым движением вывернув кисть назад. Шелла завопила, брыкаясь и отбиваясь свободной левой рукой, но второй рывок, грозивший оставить ее с переломанным запястьем, вынудил девушку замереть неподвижно. Высказывать недовольство она могла только яростным шипением сквозь зубы.

– Что происходит? – спокойно осведомился человек, поймавший Шеллу. Рохля с помощью приятеля и зрителей поднялся на ноги, хрюкнул и разъяренным кабаном попер на оскорбившую его девчонку. – Акчи, угомонись. Нечего затевать драку из-за пустяка. Идем.

Тут Шелла догадалась повернуть голову и посмотреть, кто же, собственно, помешал ей сбежать. Увидев, сглотнула и невольно сжалась в комочек.

Кодо собственной персоной. Можно было догадаться: раз его верные прихвостни тут,

значит, и хозяин обретается неподалеку.

– Эта маленькая дрянь… – возмущенно начал Рохля, когда все четверо вышли из полумрака таверны на залитый солнцем двор. Кодо по-прежнему мертвой хваткой удерживал притихшую девушку, мысленно проклинавшую весь мир и свой слишком длинный язык.

– Эта маленькая дрянь отчего-то не захотела согласиться на твое лестное предложение и уделить тебе немного внимания, – равнодушно завершил фразу Кодо. Похоже, его заботило нечто иное, чем выходки подчиненных. – Так? – он легонько встряхнул Шеллу.

– Твои приятели могли быть чуточку повежливее, – буркнула девушка, поняв, что от судьбы не уйдешь. Если она продолжит упираться, ей сильно не поздоровится.

– Она согласна, – подвел итог Кодо и толкнул Шеллу к потиравшему голову Брешущему Псу. – Если она вам еще нужна, можете отвести ее домой. Предупреждаю – без воплей и увечий. И заплатите ей, я потом проверю. Эй, как тебя зовут?

– Шелла, – чуть запнувшись, назвалась девушка. – Шелла… из квартала Сахиль.

Но Кодо уже потерял к ней интерес и отвернулся.

Волочась между двумя громилами, каждый из которых превышал его ростом по крайней мере на голову, Ши с мрачным юмором на разные лады задавал себе один и тот же вопрос – любопытно, Шелла девственница или нет? И как только его угораздило влипнуть в эдакую передрягу? Тысячу раз права умница Феруза, говорившая: «Тебе, мой друг, нет необходимости разыскивать неприятности. Они сами бегут за тобой, точно верные собаки».

* * *

Полбеды, что Шелла оказалась-таки девицей. Вторая половина состояла в том, что Рохля и Брешущий Пес решили отыграться за нанесенный упрямой девчонкой ущерб и сделали широкий жест – кликнули своих друзей. Шелла не могла сказать точно, сколько их было, но чувствовала она себя после состоявшихся «близких знакомств» отвратительно. Хотелось немедленно умереть, но сперва отомстить. Желательно отмстить со вкусом и размахом.

Все ушли. Она валялась поперек низкой широкой кровати, боролась с очередным приступом дурноты и злилась. От злости меньше чувствовалась боль. Ши доставалось и раньше – в уличных драках, от городских стражников, от наставников в воровском искусстве и от конкурентов – однако он представления не имел, что в человеческом теле есть *столько* болезненных мест…

Припомнив кое-что из недавно пережитого, Шелла, постанывая, доползла до края постели и свесилась вниз, уверенная, что ее сейчас вырвет. К счастью, обошлось долгим приступом кашля.

Какая-то добрая душа оставила в пределах досягаемости вместительный медный кувшин. Шелла дотянулась до него, ухватила за узкое горлышко, подтащила ближе. Внутри плескалась вода – теплая и противная на вкус. Девушка смогла заставить себя выпить только один глоток, остальным с горем пополам вымылась, мечтая об огромном бассейне, выложенном зеленоватыми плитками малахита и наполненным чистейшей родниковой водой.

Со второй попытки она смогла встать. Ноги дрожали и гнулись в коленях, голова кружилась.

«Успокойся. Возьми себя в руки. Тысячи женщин ежедневно проделывают вещи куда хуже, и живут припеваючи. Ты легко отделалась. Хватай вещи и убирайся поскорее, пока о тебе не вспомнили».

Аккуратно свернутое платье отыскалось на скамье. Поверх лежал холщовый кошелек, украшенный дешевенькими самоцветами. Шелла заглянула внутрь, с тихим удивлением полюбовалась на тусклый блеск золотых монет. Кажется, ее старания и мучения оценили довольно высоко. Может, бросить воровство, податься в девочки для удовольствий?

Держась за стену и пошатываясь, Шелла боязливо выглянула в коридор. Она находилась в каком-то большом и запутанном доме («В гостях у Назирхата уль-Вади», – робко подсказала память). Акчи и Стикки тащили ее вверх по ступенькам. Значит, она на втором этаже. Куда идти, налево или направо?

Поразмыслив, она свернула налево. Миновала две или три запертые двери. Выглянула в узкое окно, увидев под собой крохотный ухоженный садик с фонтаном, обнесенный высокой глинобитной стеной. Толкнулась в очередную дверь, та неожиданно подалась и распахнулась. За ней начиналась освещенная тусклыми масляными лампами узкая спиральная лестница – один из многочисленных черных ходов, традиционно пронизывающих шадизарские дома, словно лазы жуков-точильщиков, изгрызших трухлявое бревно.

Девушка покрепче ухватилась за медную полосу поручня и начала спускаться. Одолела пролет из десяти ступенек, остановилась передохнуть и краем уха уловила доносившиеся из-за стены голоса. Отдельные слова не различались, только невнятное бормотание.

Шелла знала, что ей нужно удирать. Вместе с тем ей нестерпимо хотелось знать, о чем идет разговор. Может, там громилы Кодо дуются в кости и обмениваются сплетнями, а может…

Она закрутила головой, пытаясь определить, откуда именно исходит звук. На черных лестницах всегда устраиваются отдушины, слуховые трубки и дырочки для подсматривания. Если такие полезные мелочи имеются в скромной таверне Лорны, то здесь стены наверняка просто начинены ими. Нужно только догадаться, где искать. Скажем, почему эта лампа висит чуть кривовато, а тот кирпич слегка выделяется среди своих красноватых собратьев?

Шелла осторожно поправила лампу. Вздрогнул в застоявшемся воздухе язычок оранжевого пламени. Где-то приглушенно скрипнуло, приметный кирпич бесшумно провернулся вокруг своей оси, открывая спрятанный за ним глазок.

– Ага, – девушка мгновенно позабыла о своих горестях. Она встала на цыпочки и нетерпеливо заглянула в отверстие. С другой стороны оно, должно быть, маскировалось под алебастровую розетку или какое-нибудь настенное украшение, расположенное чуть выше человеческого роста.

Перед ней возникла часть богато обставленной комнаты, а голоса зазвучали намного отчетливее. Она легко опознала одного из собеседников, сидевшего чуть левее и спиной к ней – вошедшую в уличные байки расшитую плоскую шапочку почтенного Назирхата уль-Вади не спутаешь ни с чем. Вдобавок Шелле (вернее, Ши) была знакома его манера разговора и привычка снисходительно растягивать фразы, переплетая их рассеянными междометиями вроде «ну-у…» или «мнэ-э…».

Гостя уль-Вади, сидевшего лицом к наблюдательному глазку, Шелла видела первый раз в жизни и слегка удивилась – люди такого обличья редко ходили одними дорогами с

Назирхатом и подобными ему личностями. Уроженцы Полуденного Побережья вообще не часто заглядывали в Замору, а этот тип, вне всякого сомнения, происходил именно оттуда и относился к людям, с рождения привыкшим отдавать приказы. Каким-то шестым чувством Шелла понимала: странный гость Назирхата не пытается выдать себя за знатного господина, но является таковым по праву крови. Хотелось бы знать, ради чего явилась в Шадизар эта редкая черная птица? «Черная», ибо незнакомец предпочитал в одежде темные цвета. Его внешность напомнила Шелле виденного как-то на Блошином рынке морского орла с берегов Вилайета – крючконосый, нахохленный, мрачный и очень опасный. Когда он бросил случайный взгляд в сторону незримого соглядатая, девушка разглядела злые каре-желтоватые глаза и поежилась.

Прислушавшись внимательнее, она узнала имя незнакомца. Дон Кебрадо. Иногда Назирхат почтительно именовал визитера «вашей светлостью Ларгоньо». Шелла имела весьма смутные представления о законах титулования, однако уверенно предположила, что «его светлость» занимает не самое низкое место на крутой лестнице благородных сословий, и окончательно впала в недоумение. Какая связь между старшиной квартала в отдаленном заморийском городе и надменным выходцем с Побережья Закатного Океана?

Говорили о пустяках. Уль-Вади заливался соловьем, гость нервничал, отмалчивался и пил (до Шеллы доносилось бульканье льющегося вина и звяканье опускаемого на стол кувшина). Оба, похоже, коротали время в ожидании каких-то новостей.

Их терпение вскоре вознаградилось.

Вдалеке приглушенно брякнул колокольчик. Явился кто-то из доверенных лиц Назирхата, оставшийся вне поля зрения девушки, приблизился к хозяину и что-то зашептал на ухо – почтительно и быстро. Уль-Вади дважды кивнул, посланец на цыпочках удалился.

– Вот теперь, смею заверить вашу светлость, все окончательно готово, слажено и расставлено по местам, – сообщил почтеннейший Назирхат. – Через три дня мое сердце омрачится скорбью, ибо вы обретете свою утраченную фамильную драгоценность, покинете мое скромное жилище (Шелла ехидно фыркнула) и наш убогий городишко (тут девушка рьяно закивала, соглашаясь)…

– Если все готово, зачем нужно тянуть еще три дня? – недовольно осведомился человек, называемый доном Кебрадо. Говорил он с непривычным Шелле акцентом, комкая окончания и точно выплевывая звонкие согласные.

– Потому, что есть обстоятельства, с существованием которых приходится мириться, и вещи, происходящие только в назначенный срок, – терпеливо и туманно растолковал уль-Вади. – Я безмерно уважаю желания вашей светлости, но я вынужден дорожить жизнями никчемных бездельников, ходящих под моей рукой. Если можно было бы совершить назначенное сегодня, я бы так и сказал: «Дети мои, начинаем и долой промедления, ибо его светлость торопится!..»

Кебрадо скривился. Видимо, разглагольствования господина Назирхата уже встали ему костью поперек горла. Уль-Вади, не обращая внимания на недовольство собеседника, продолжал:

– Вы сами должны понимать, что казна городского Совета не идет ни в какое сравнение с запертым на пару ржавых замков сундуком престарелой тетушки Байданы. Это – единственная крепость нашего городка, по праву считающаяся неприступной. Вы пожелали нанять лучших людей? Прекрасно, я разыскал их и озаботился их участием в грядущем предприятии. Однако… (Шелла будто наяву увидела, как уль-Вади разочарованно щелкает

пальцами) любые сборы требуют времени и, само собой, денег. Вдобавок вы непременно хотите видеть среди прочих мастеров своего дела определенную личность… Не имею в виду ничего дурного, просто хочу заметить, что мои грубые и простодушные мальчики, не колеблясь, признали бы в замыслах вашей светлости обычнейшее сведение счетов.

– Это никого не касается! – рыкнул дон Кебрадо.

– Не касается, – обманчиво-добродушно согласился старшина квартала Нарикано. – Но, если просочится хотя бы призрак слуха о моей причастности к странному и внезапному исчезновению взломщика Аластора, которого некоторые полагают едва ли не символом города… Такие сплетни, знаете ли, отнюдь не способствуют укреплению репутации и приобретению друзей.

За стеной Шелла едва успела подавить изумленный вскрик. Значит, Назирхат собирает шайку для налета на городскую казну? А там, как известно кое-кому из посвященных, за семью печатями и десятью дверями доселе пребывают сокровища, изъятые у вороватых гномов Чамгана… И Назирхату обязательно нужно, чтобы в деле участвовал Аластор, ибо заезжая шишка имеет какой-то серьезный зуб на их беспечного приятеля…

– Мама дорогая, – пробормотала Шелла и попятилась от отверстия в стене, точно увидела выползающую из глазка ядовитую змею. – Из огня да в полымя… Везет, как утопленнику, то есть утопленнице… Что ж творится-то в нашем тихом городке?

Не додумав, она заковыляла вниз и снова замерла, настороженно вслушиваясь в звуки большого дома.

Сверху, пока еще невидимый из-за изгибов спиральной лестницы, спускался человек. Грузный и, судя по звукам, старавшийся ступать как можно тише. Еще один любитель подслушивать чужие разговоры или подручный Назирхата?

Какая разница?! Надо сматываться!

Девушка торопливо поскакала вниз, приказав себе забыть о синяках, болящих ногах и тошноте. Она надеялась, что неизвестный скроется в какой-нибудь из выходящих на лестницу дверей, однако тот упорно шел вслед за ней. Неужели услышал? Или тоже хочет уйти незамеченным?

Лестница уткнулась в обшитую железом дверцу. Шелла едва не взвыла от досады, когда поняла, что дверь не открывается, но спустя миг облегченно перевела дух – ей преграждал путь всего лишь задвинутый засов. Аккуратно вытащить его из пазов, приоткрыть створку, убедиться, что поблизости никого нет…

– Стой! Ты что здесь делаешь?

Шелла бросила один-единственный взгляд через плечо, убедительно доказавший, что сегодня не ее день и она не в чести у покровителя крадущих, подслушивающих и вынюхивающих. Нарочно не придумаешь – по лестнице за ней, оказывается, шел не кто иной, как Кодо. С того времени, как они виделись (то есть с утра) настроение Ночного Кошмара стало еще хуже.

Девушка не стала задерживаться для выяснения отношений, а опрометью рванула по усыпанной мелким коричневатым песком дорожке внутреннего садика. Уже на бегу она смекнула, что перебраться через утыканную железными остриями стену не сможет (разве что срочно отрастить крылья и научиться летать). Значит, надо пробираться к ведущим на улицу воротам. Для этого требуется обогнуть сад и повернуть во-он под ту низкую арку. Тогда она окажется в обширном дворе, где в любой час дня и ночи полно скучающих дармоедов из числа преданных собачек Назирхата.

Славный выдался денек, ничего не скажешь…

– Ловите девку! – громогласно взывал отстававший шагов на пять Кодо. – Эй, обормоты, хватайте ее!

Беглянка неожиданно повернула и сиганула через нежно журчащий фонтан. Кости простестующе взвыли. Кодо не удалось повторить ее воздушный полет – до Шеллы донесся громкий плеск, сопровождаемый красочным фейерверком ругательств. Из-за кустов вынырнул охранник – девушка удачно проскочила у него под рукой, на последнем издыхании пробежала под аркой и влетела во двор.

Ей незаслуженно повезло. Внушительного вида ворота стояли открытыми, в них медленно вползала тяжело груженая повозка, а из сторожей присутствовало от силы десяток человек, всецело занятых перебранкой с возчиком. Помня, что главное при побеге – не останавливаться, Шелла с разбегу ввинтилась в крохотный зазор между опорой ворот и бортом повозки, безжалостно обдираясь о камни и щепки, прорвалась наружу и порысила вниз по улице.

Раздавшиеся позади громкие разноголосые вопли, должно быть, означали, что Кодо выбрался из фонтана и погоня неизбежна.

* * *

Держалась она только на упрямстве и мысли о том, что с ней произойдет, если развеселым ребяткам Кодо удастся ее схватить. Неважно, слышала она что-нибудь или нет, утащила из владений Назирхата какую-нибудь ценную безделушку или нет. Она убегала – ее ловили. Таков неизбежный и вечный порядок вещей в славном городе Шадизаре.

Часть преследователей упустила Шеллу в паутине переулков возле Каменного рынка. Остальные – человек пять или шесть – оказались упрямыми и знающими головоломный лабиринт проходов между лавками и складами не хуже нее. Вдобавок девушка задыхалась и едва не падала. Она пыталась затаиться, взобраться на крышу, прыгнуть в едущую мимо повозку или юркнуть в какой-нибудь незаметный проулок, но ей не давали остановиться. Вскоре она догадалась, что ее гонят к тупику подле кожевенных лавок. Там – свалка выброшенных шкур, злые, плешивые бродячие собаки и облака жужжащих мух. Оттуда не выбраться. Остается только задрать лапки вверх и сказать «Ваша взяла»…

Да никогда в жизни!

Последним усилием Шелла вскарабкалась на жиденький заборчик из неструганных жердей, перевалилась на другую сторону, едва не плюхнувшись в навозную кучу, и, хромая, побежала к близкой желтовато-оранжевой громаде Каменного Рынка. Если она сумеет добраться туда, то остается шанс скрыться среди тысячи лавок и лавчонок, раствориться в многоликой толпе и обмануть погоню.

Какое-то мгновение ей казалось, что она спасена. Погоня отстала, впереди виднелась одна из торговых улиц, ведущих к рынку, а на ней – желанное столпотворение. Затем Шелла заметила торчащего на углу верзилу, настороженно озирающего подходы к улице, признала в нем охранника из дома Назирхата уль-Вади и едва не расплакалась. Она больше не могла убегать, но твердо знала – сдаваться нельзя и заметалась в поисках пути к спасению.

– Помоги же мне! – этот безмолвный крик души девушка обратила к украшавшему вывеску расположенной по соседству хлебной лавки знакомому символу: пять ключей на кольце и голова ухмыляющегося бычка. Бел – божество не только воров, но и торговцев, потому купцы частенько цепляли изображение его талисманов над входом в дом. – Пропадаю! Как есть пропадаю!

Она бросила быстрый взгляд по сторонам – далеко ли погоня? – и оторопело застыла.

Шагах в десяти от нее, под навесом оружейной лавки преспокойно стояли, перебирая разложенные кинжалы и обсуждая их недостатки, Аластор, Медвежонок и незнакомая девица. Как Шелла не заметила их раньше – уму непостижимо.

– Боги есть, – заплетающимся языком пробормотала Шелла. – С меня десять империалов в храм на Кривоколенном. И кладу столько же… нет, в три… в пять раз больше сверху, если мне вернут нормальный облик… Альс! Альс, спаси меня!

Она птицей пролетела через улицу и, споткнувшись, растянулась как раз под ногами у приятелей. Караульный на перекрестке заметил ее и целеустремленно направился к лавке, жизнерадостно помахивая рукой возникшим из переулка остальным участникам погони. Шелла отстраненно пересчитала их, глядя снизу вверх (три человека), и ощутила сильнейшее желание упасть в обморок.

– Разве мы знакомы? – взломщик наклонился, удивленно-вопросительно смотря на растрепанную черноволосую девчонку в драном платье, свалившуюся на него почти что с неба. – Милочка, ты кто такая и что хотят от тебя эти симпатичные ребята? Малыш, – добавил он вполголоса, – будь добр, не устраивай драку прежде времени.

Просьба оказалась к месту – мальчишка-варвар, вроде бы только что стоявший спокойно, подобрался, исподлобья настороженно изучая приближающуюся компанию. Незнакомка тихонько ойкнула и незаметно позаимствовала с прилавка короткий нож. Торговец на всякий случай тоже потянулся за оружием.

– Я не… – с трудом выговорила Шелла. – Я… В общем, я – Ши. Не спрашивай, что случилось, я сам не понимаю. Это – люди Назирхата. Не отдавай меня им, а то мне конец! Альс, *я действительно не девчонка*! Я Ши!

На сидевшую в пыли и тихо подвывающую Шеллу уставились три пары донельзя изумленных зрачков: агатово-черные, принадлежавшие Аластору, светло-синие – Малыша, фиолетовые – неизвестной девицы.

– Врет? – кратко осведомился Конан.

Шелла отчетливо поняла, что нужно немедля доказать свои слова чем-то, что известно только компании из «Уютной норы». Иначе…

– Золотой жезл с аметистом, – на одном дыхании выпалила девушка. – Кто его оживил? Что началось потом? Нужник, синие скорпионы в зеленую полоску, говорящая часовня из черного камня! Зеркальце в оправе из кораллов – кому ты его подарил? – она лихорадочно соображала, припоминая: – Сапог на подушке третьего дня, неужели не помнишь?

– Погоди тарахтеть, – Аластор двумя пальцами подцепил Шеллу за подбородок, заставив поднять голову и посмотреть себе в глаза. На краткий удар сердца ей почудилось, будто она падает в озеро непроглядно-черной воды, затем Альс отпустил ее и растерянно присвистнул: – Малыш, мы наблюдаем дивную вещь, именуемую мудрым словом «парадокс». Внешне сия особа – непорочная девица, но внутри нее, провалиться мне на этом месте, пребывает наш общий знакомый Ши Шелам!

– Такого не может быть, – робко заметила незнакомка.

– Диери, давно пора запомнить – в этом спятившем городке бывает и не такое, – хмыкнул внезапно развеселившийся Аластор и протянул Шелле руку, помогая встать: – Ши, какому колдуну ты умудрился наступить на хвост? И при чем тут Назирхатовы сорвиголовы?

Четверо преследователей неспешным шагом добрались до оружейной лавки. Шелла сглотнула и укрылась за спиной Конана.

– Привет-привет, – невозмутимо обратился к мрачной компании Аластор. – За кем гоняемся? Случаем не за такой тощенькой нахальной девчонкой? Она прячется позади моего приятеля. Предупреждаю заранее: у него оч-чень скверный характер. Он почему-то терпеть не может, когда обижают женщин. Наверное, в силу пресловутых варварских традиций. Эта красотка у вас что-то увела?

Шелла сомневалась, что громилы поняли хотя бы одно слово из трех, произнесенных Аластором, но зато они неплохо знали самого взломщика и то обстоятельство, что связываться с ним опасно. Вдобавок рядом торчал Малыш, также производивший впечатление серьезного противника.

– Кодо велел ее поймать и привести обратно, – изрек один из загонщиков.

– И вы очень старались, но вот досада – девчонка забежала в Сахиль и спряталась в какой-то крысиной норе, – подхватил взломщик. – Ведь так?

– Ну… Кодо, если узнает, всыплет всем…

– Если узнает, – Аластор сделал ударение на «если». – Только как он сможет узнать, раз его не поставят в известность? – в его ладони как по волшебству возник новенький серебряный дебен. Ладонь сжалась, открылась – к монете присоединилась ее товарка, затем еще одна и еще… – Значит, девчонка скрылась?

– В случае чего будешь разбираться с Кодо сам, – решил предводитель. Серебро перешло из рук в руки. Шелла, не веря своему счастью, медленно перевела дух и обессилено привалилась к шершавому прилавку.

– Наконец-то выяснилась твоя истинная цена, моя прелесть: ровно восемь шемских дебенов, – как ни в чем не бывало сообщил Аластор и хихикнул. – Вернешь при случае. Да, в этой суматохе я забыл вас познакомить. Диери Эйтола.

Незнакомка чинно (хотя не без плохо скрываемого удивления) кивнула. Теперь Шелла смогла толком ее разглядеть: остренькое смышленое лицо, падающие на плечи гладкие, подстриженные в виде шлема волосы бронзового цвета, искусно удлиненные с помощью кхитайской туши глазки редкого оттенка цветущих ирисов, лиловая туника, перехваченная в талии золотой цепочкой… Погодите, никак она и есть загадочная подружка Малыша? Это несправедливо! Почему какому-то деревенщине, не умеющему толком двух слов связать, достаются самые лакомые кусочки?!

– Еще вчера я бы сказал – Диери, перед тобой мой хороший знакомый Ши Шелам, – вовсю резвился Аластор. – Но сегодня, как видно, жизнь круто переменилась. Ты теперь кто, дружок?

– Шелла, – обреченно представился Ши. – Пойдемте домой, а? Нет у меня больше сил шарахаться от каждой тени.

* * *

Спутница Конана оказалась сообразительной не только на вид. Любопытство сгрызало ее яростнее хорька, закусывающего свежезадушенной курицей, и все же Диери сумела обуздать свои чувства. На следующем же перекрестке она остановилась:

– Надо полагать, сейчас начнется обмен добытыми секретами? Чего не знаешь, того не выдашь, посему разрешите вас покинуть. Рассыпаться в извинениях необязательно – я знаю правила здешней игры. Спасибо за компанию. Надеюсь, завтра увидимся? – последняя фраза предназначалась одному только Малышу и сопровождалась улыбкой, способной растопить тысячелетний ледник, отвлечь закоснелого праведника от молитвы или заставить нелюдимого мальчишку из варварского народа смутиться и забормотать что-то невнятное.

Шелла не сумела как следует насладиться редкой сценой: Аластор, кивнув Диери на прощание, молча сгреб Шеллу за плечо и оттащил подальше от расстававшейся парочки. Конан вскоре нагнал их. Ему удалось сохранить привычное, сдержанно-настороженное выражение физиономии, однако кончики ушей отчетливо наливались багровым. Прощание с очаровательной Диери, надо полагать, вышло не слишком церемонным.

– Где ты ее отыскал? – в Шелле незамедлительно воскрес Ши с его стремлением узнавать все о своих друзьях и знакомых. – Кто она такая? Учти, я тоже хочу с ней познакомиться! Незачем столь хорошенькой крошке тратить лучшие годы на возню с такой вечно хмурой орясиной, как ты! Открой тайну – как ты принудил ее выдерживать твое общество?

– Дорогуша, – ядовито-ласково вмешался Аластор, перебив разглагольствования Ши-Шеллы, – нам будет куда интереснее послушать про твои похождения. Например, почему за тобой гоняются бойкие мальчики уль-Вади? Отчего ты выглядишь так, будто пыталась отбиваться от своры бешеных псов? Подозреваю, в образе милой девушки тебе пришлось пережить самые яркие моменты в твоей краткой жизни? А, Шелла? Поделись новыми впечатлениями с верными друзьями!

Конан, на удивление быстро смекнувший, что к чему, смерил Шеллу откровенно презрительным взглядом и изрек, как припечатал:

– Муж женовидный стоит презрения.

– На себя посмотри!.. – взвилась оскорбленная Шелла. – Медвежуть волосатая!

– Тихо, тихо, – Аластору пришлось снова ловить девушку в охапку. – Вы еще подеритесь…

– Пусть он не обзывается! – потребовала Шелла.

– Малыш, между прочим, сказал истинную правду, – вполголоса заметил Аластор. – Так кому ты перебежал дорожку? Вернее, перебежала?

– Да не знаю я, – Шелле внезапно расхотелось кричать и ссориться. Спрятавшееся было отчаяние радостно высунуло склизкую морду из потаенного уголка души, глумливо ухмыляясь. Шелла мысленно влепила ему между глаз увесистым мешком с камнями. Отчаяние увернулось и юркнуло в свое убежище. – Альс, погоди про меня! Скажи, ты никогда не встречал человека по имени Кебрадо? Он наверняка с Полуденного Побережья. Его еще называют Ларгоньо, причем всегда добавляют обращение «ваша светлость».

– Дон Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоньо, родом из Зингары. Обладатель громкой родословной постарше королевской, владелец парочки внушительного размера поместий, крупной доли в доходах процветающего торгового дома «Офирский венец», и прочая, и прочая… – после краткого раздумья озадаченно произнес Аластор и нахмурился. –

Полностью имя звучит вот так. Да, я его знаю. Его светлость давно числит меня среди избранных личных врагов… Признаться, для этого имеются веские причины. При чем здесь?..

– Он в городе, – отчетливо произнесла Шелла, стараясь ничего не забыть и не перепутать. – Живет у Назирхата уль-Вади. По его настоянию Назирхат собирает умельцев и намерен через два или три дня почистить городскую казну. Вдобавок благороднейший дон желает, чтобы в компанию обязательно входил ты. Похоже, он здорово на тебя разозлился. Сам догадаешься, почему. Еще его светлость хочет возвратить какое-то украденное сокровище, которое тоже спрятано в здании казны. Я был… была в доме Назирхата и случайно услышала его разговор с этим самым Кебрадо. Меня заметил Кодо, который, по-моему, тоже тайком запихивал ухо под дверь, и натравил своих головорубов. Остальное вы видели.

– Полагаю, сокровище, о котором шла речь – часть добычи гнома Альбриха и его лихих дружков, – поначалу Аластор казался изрядно удивленным, затем стал чрезвычайно задумчивым и даже зашагал медленнее. – Вот в чем дело…

Шелла с Конаном переглянулись, безмолвно заключили временное перемирие и стали нетерпеливо ждать объяснений.

– Городская казна сейчас полна под завязку, – наконец заговорил взломщик. – Не сегодня-завтра Совет должен начать отправлять караваны в Немедию, Туран, Офир, Хорайю и прочие страны, которые либо считают Замору своей провинцией и требуют выплаты налогов, либо ждут расплаты с долгами. Если Назирхату удастся проделать задуманный трюк, опустошив кубышку, это будет попахивать отлично выполненной кражей сфинкса…

– Неужели? – охнула Шелла, зажмурившись и попытавшись сосчитать, какая же сумма окажется в кармане предприимчивого уль-Вади. «Сфинкс» равен тысяче талантов, в таланте, громадном золотом слитке с клеймом офирского королевского казначейства, насчитывается сто полновесных золотых денариев, за один денарий по нынешним временам менялы дают два туранских империала… Безнадежно запутавшись и ослепнув от сияния золота, Шелла предположила: – Тогда месьор Назирхат может смело удаляться из нашего городка. Скажем, в Аграпур, ко двору владыки Илдиза. Или на Полуденное Побережье. Или в тот же Офир.

– А вокруг оставшегося пустым теплого места немедля вспыхнет грызня, – блеснул умением делать выводы Малыш.

– Отголоски которой прокатятся по всему Шадизару, – девушка наподдала валявшийся на дороге камешек. – Как-то мне не верится, что милейшему уль-Вади позволят запросто покинуть родные края. Нас всех ждут плохие дни, помяните мое слово…

– Вот что я вам скажу, мальчики и девочки, – Аластор озабоченно поскреб горбатую переносицу. – Три дня назад в «Нору» приходил Кодо, интересовался, не занят ли я чем-нибудь на ближайшую седмицу. Надо полагать, хотел пригласить меня к общему веселью возле казны. Я не собираюсь отказываться. Ши, мы с тобой непременно придем. Поглядим, чья сторона возьмет верх.

– И как, скажи на милость, я смогу пойти в таком виде? – Шелла выразительно провела ладонями по бедрам, одергивая потрепанную тунику.

– Это другой вопрос, – троица поднималась по рассохшимся ступенькам Старой Лестницы. – Похоже, мы имеем дело с очень сильным и редким колдовством. Кто-то здорово тебя невзлюбил. Нужно просто догадаться, кто и за что.

– Но я никому ничего не сделала! – искренне возопила девушка. – Говорю же – вечером

заснул у Элаты, все было в порядке, утром проснулся – вот…

– Бедная Элата, – посочувствовал Аластор. – Она, как я понял, вообще забыла, что знакома с типом по имени Ши Шелам?

– Но ты-то меня узнал! – напомнила Шелла.

– Я – другое дело, – покачал головой взломщик. – В этом облике тебя могла бы признать Феруза… больше никто. Честно говоря, я представления не имею, как превратить тебя обратно.

– Обрадовал, – буркнула девушка.

Сломанные ворота «Уютной норы» так и стояли прислоненными к забору. На месте разрушенного фонтана Лорна надумала соорудить колодец, но приглашенные мастеровые пока возвели только основу для сруба, выкопали яму глубиной в пять-шесть локтей, вытоптали мирно росший бурьян и учинили во дворе изрядный разгром.

В таверне царили обычные для самого жаркого времени дня тишина и безлюдье. Возле камина сидела, странно опустив голову и сцепив перед собой руки, Лорна. Рядом стояла Феруза, которая, завидев входящих в таверну посетителей, сначала крикнула: «Закрыто!», потом, приглядевшись и узнав своих, заспешила к ним навстречу.

– Что-то стряслось, – ни к кому не обращаясь, тихо произнес Малыш.

Спустя миг Феруза схватила его и Аластора за руки, оттащила к стойке и торопливо проговорила:

– Альс, у нас беда… Что за девочку вы привели? Если погадать, то мне некогда. Пусть зайдет вечером.

– Это не девочка, это Ши, – невозмутимо поправил Аластор. Феруза изумленно вытаращилась на Шеллу. – Что у вас произошло?

– Лорна говорит – сегодня утром пропал Джай, а Райгарх сошел с ума, – слегка запнувшись, доложила туранка. Аластор присвистнул, Шелла, вспомнив свои догадки, внутренне похолодела, Конан промолчал и, верный своей натуре, направился к Лорне – выяснять подробности у очевидца и свидетеля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Кошки-мышки в темноте

Третий день кряду Хисс и Кэрли рыскали по городу в поисках книги в черном кожаном перелете.

Заброшенные сети не принесли никакого улова, тщательные расспросы не дали ни единой зацепки. Дотошно описанного Леуком тома словно не существовало в природе. Или в Шадизаре, что равнозначно. Если вещь нельзя добыть, купить или украсть в Городе Воров – ее просто нет на свете.

Двое охотников за пергаментным сокровищем сидели в «Цветке папируса» и вдумчиво соображали. Казалось бы, не такое сложное дело – разыскать книгу. Книгу, а не драгоценность, не артефакт былых времен и не сундучок, доверху набитый желтыми опалами! Собрания, находящиеся в частных руках, можно пересчитать по пальцам. Хисс и Кэрли потратили день, с рассвета до заката, поочередно навещая каждое из них. Шептались с библиотекарями и знакомыми из числа слуг, расплачивались за ответы старинными офирскими двуденариями, но повсюду слышали малоутешительные новости: в течение последних трех-четырех лун никто не видел и не приобретал массивного фолианта в черной обложке с бронзовыми застежками.

– Ладно, – бодро заявил Хисс, когда стало очевидно, что поиски в личных библиотеках потерпели крушение. – Возьмемся за Ишлаз.

Компаньонам пришлось разделиться, дабы старательно обшарить лавки Пергаментной Аллеи, переговорить с торговцами и посредниками, а также по возможности заглянуть в скудные городские книгохранилища и архивы. Они вдоволь нанюхались едкой пыли и начихались, повидали по меньшей мере три десятка книг, подходивших на роль искомой, потратили на взятки и подношения треть задатка, но ничего не достигли. Книга как сквозь землю провалилась.

– Есть две идеи, – сообщила Кэрли, уныло ощипывая виноградную гроздь. – Первая: Леук ошибся. Книгу давно увезли на другой конец света. Вторая: мы ищем не там, где нужно. Я хочу сказать, роемся в местах, где заведомо положено быть книгам.

– Сокровища прячут под алтарем, драконы живут в пещерах, за похищенной девственницей отправляйся к колдуну, менестреля ищи в кабаке, – с невеселым смешком перечислил Хисс. – Я понял. Допустим, Книга осталась в городе. Куда ее могли деть? Мы побывали почти у всех, кто интересуется рукописями и скупает их. Даже если нам соврали и фолиант благополучно припрятан у кого-то из книгочеев, его завистники обязательно бы насплетничали. В надежде, что мы раздобудем эту редкость и перепродадим. В мире любителей пергаментной мудрости законы, как в нордхеймскому лесу – каждый желает заполучить больше добычи, чем изловил сосед.

– Отчего любители книг рано или поздно слегка трогаются умом? – словно невзначай вопросила девушка. – Хочешь винограду?

– Хочу. Слушай и не перебивай. Сие – отрывок из старинного трактата, – Хисс поднял палец и с наисерьезнейшим видом начал цитировать: – «Когда находишься среди людей, творящих книги, читающих и хранящих книги, живущих книгами, среди книг и ради книг, приходится иной раз видеть, как книга перерастает самое себя. Постигая то, чему нужно

отыскаться в книге, ищи следы искомого текста в проявлениях деятельности этих людей…»

– Господин, пожалейте мою бедную голову! – искренне взмолилась Кэрли. – Я простая, темная, неученая шемская девчонка, умею лишь торговать рыбой да сидеть за прялкой!

– Куда бы нам еще сунуться, неразумное дитя? – Хисс вытащил короткий нож с поперечной рукоятью и принялся вертеть его между пальцами. Он утверждал, будто созерцание быстро мелькающего лезвия помогает сосредоточиться. Кэрли отшвырнула ободранную виноградную веточку и принялась за следующую. – Или бросить к демонам всю затею, как думаешь?

– Репутация, – грустно вздохнула верная напарница. – И выручку упускать жалко… Слушай! – она вдруг широко распахнула карие глазища и приподнялась на скамье. – Если попробовать наведаться к магикам? Они ведь тоже собирают книги, так?

– Хм, – Хисс загнал кинжал в стол. – Волшебники… Ты молодец. Это мне как-то в голову не приходило. Вдобавок мы забыли о городских святилищах. У митрианцев есть кой-какие запасы пергаментов, у храма Иштар на Пыльном холме… Тамошние настоятели вполне могли приобрести редкую книгу, особенно если в ней повествуется о жизни их святых… Что с колдовским племенем?

– Грызутся, ровно тарантулы в яме, – скривилась Кэрли. – Нынче верховодит Аммерати из Шема, прирожденный мошенник и интриган. Половина его артефактов, якобы уцелевших со времен Валузии, состряпана нашими умелыми ручками. Другую половину он по дешевке скупил на Ишлазе. Библиотека, по слухам, у него имеется, только маленькая – томов десять-пятнадцать. Достойный Аммерати больше напирает на хрустальные шары, прорицающие черепа и заклятые талисманы. Второй по значимости – Ханнам Туранец. Поискать, так в городе найдется с десяток ему подобных. Жулики через одного. Знаешь, мысль порыскать в их закромах вроде неплоха, только…

– Только ты им ничуть не веришь и думаешь, что они не станут покупать действительно серьезную книгу, – догадался Хисс. Помолчал, что-то обдумывая, и небрежно осведомился: – Как насчет Рилеранса?

Кэрли чуть заметно вздрогнула:

– Туда без крайней нужды никто не приходит. Он… Болтают, он – настоящий. Подлинный колдун, из Хоршемишской Гильдии.

– И достоверно известно, что у него имеется обширная коллекция книг, – вкрадчиво заметил ее приятель.

– Да, но… – заикнулась девушка.

– У тебя есть кто-нибудь среди его прислуги или домочадцев? – перебил Хисс.

– Спроси лучше, где у меня нет верных людей, – с гордостью заявила Кэрли, но тут же сникла, признавшись: – Я не из тех, кто гордится своими врагами. И меньше всего хотелось, чтобы меня или тебя невзлюбил Рилеранс.

– Мы только разузнаем, не попадала ли к нему наша Книга, – заверил напарницу молодой человек. – Пара вежливых вопросов, пара ответов, ничего сверх того. Согласись, это не преступление.

* * *

Обитель чародея, расположенная в Ламламе, квартале зажиточного купечества, напоминала одновременно маленькую крепость со множеством башенок и загородную усадьбу с висячим садом. Дела месьора Рилеранса, надо полагать, шли очень даже бойко, ибо содержание такого обширного хозяйства вылетало в кругленькую сумму. Компаньоны, изучавшие окрестности, прикидываясь не то праздношатающимися зеваками, не то разбогатевшей парочкой, приглядывавшей жилье, убедились в этом собственными глазами. С полудня до третьего дневного колокола у входа в дом не иссякала незаметная, но оживленная череда посетителей. Сначала пожаловала в закрытом паланкине закутанная в черную вуаль ужасно таинственная дама, безошибочно опознанная Хиссом и Кэрли как дорогая куртизанка Меддия. За ней прибыла троица чрезвычайно обеспокоенных молодых людей благородного вида, следом появился туранский купец, его сменила престарелая матрона с шумливой свитой и голосистой собачонкой… Надолго никто не задерживался. Уходившие просители выглядели крайне озадаченными и ничуть не успокоенными.

Налюбовавшись на усадьбу, приятели удалились под гостеприимный кров ближайшей таверны. Кэрли отловила мальчишку-прислужника, всучила ему приобретенный тут же кувшин дорогой «Мечты Пуантена» и отправила прогуляться к дому мага: передать наилучшие пожелания некоему господину Шевди от любящей племянницы.

– Будем ждать, – объявила девушка, когда малолетний гонец убежал, выклянчив задаток в три медных кафара. – Впечатления?

– С размахом живут мерзкие колдуны, – завистливо высказался Хисс. – Я приметил по крайней мере четверых обвешанных различными железяками караульных в дворе, на воротах и у входа, и двух скучающих на цепях кофийских бойцовых псов. Неудивительно, что никто из Ночного Братства не решился сунуться сюда… Твой дружок Шевди – он кто?

– Младший помощник домоправителя, – Кэрли бросила взгляд в распахнутую настежь дверь таверны и поправила чуть растрепавшуюся прическу. – Вечно жалуется на бедность, но надуть меня или забраться под юбку пока не пытался. Вон он идет.

Шевди оказался местным уроженцем, то есть заморийцем лет тридцати, склонным к преждевременному облысению и честнейшими, как и подобает доверенному лицу управляющего, глазками темно-серого цвета.

– Моя маленькая Линна! – радостно вострубил он, завидев сидевшую в углу девушку. Добравшись до стола и поняв, что Кэрли пришла не одна, укоризненно покачала головой: – Ай-ай, крошка, нельзя же менять друзей каждые три дня! Куда подевался милейший юноша, который приходил с тобой в прошлый раз?

– Счел, что мои скромные расходы слишком велики для его доходов, – безмятежно отозвалась Кэрли, а Хисс вопросительно поднял бровь. – Как поживаем, дражайший дядюшка?

– Не так хорошо, как хотелось бы, – Шевди состроил донельзя скорбную физиономию. – Позволь узнать, дитя мое, какие заботы привели тебя в эти края?

– Внезапно пробудившаяся тяга к знаниям, – и Кэрли быстрым полушепотом изложила «дядюшке» краткую историю поисков загадочной рукописи в переплете из черной кожи. Помощник домоправителя внимательно, почти не переспрашивая, выслушал и обескуражено развел руками:

– Вряд ли я могу тебе чем-то помочь, Линна. В книгах я вообще не разбираюсь. Знаю, что за прошлую луну хозяин раскошелился на парочку каких-то рукописей, смахивающих на

вашу – здоровенных, в темных обложках, но…

На выскобленных досках стола мелькнул и пропал украшенный завитками туранской вязи полуимпериал, стремительно поменявший владельца.

– Да, пожалуй, он привозил из города две или три похожих книги, – бодро подтвердил Шевди. – Только вот в чем беда – месьор Рилеранс носится со своей драгоценной библиотекой, ровно скупец с наполненной кубышкой.

– У него состоит человек на должности хранителя рукописей? – уточнил Хисс.

– Не-а. Есть парочка учеников, которым доверяют сметать пыль с полок. Тонких намеков они по молодости лет не понимают, и легких денег тоже не берут. Дорожат, извольте видеть, добрым мнением наставника. И вдобавок…

Он многозначительно замолчал. Блеснула и скрылась вторая монета.

– Книги хранятся в башне под зеленой черепицей, что торчит во внутреннем дворе. Попасть туда можно через специальную галерею. Она начинается в доме, рядом с покоями хозяина, – Шевди словно и не прерывал рассказа. – Только не рассчитывайте, что вас запросто пригласят в гости и разрешат полюбоваться на пергаментные сокровища его всемогущества Рилеранса…

– А если без приглашения? – шелковым голоском проворковала Кэрли.

Шевди ответил уклончиво:

– Коли хватает нахальства и сообразительности, то и приглашения не надобно…

Из дальнейших опасливо-вдумчивых расспросов выяснилось, что по ночам дом и прилегающий сад тщательно охраняются. Однако младшему помощнику управляющему известна парочка лазеек, где ловкий человек может проскочить незамеченным. Дальше у незваного пришельца начнутся заботы посерьезнее: окна в башне с книгами слишком малы и забраны решетками. Значит, нужно пробираться через дом, рискуя попасться на глаза чрезмерно бдительным слугам или потревожить наложенные господином магом охранные заклятья, открывать дверь галереи, проникать в библиотеку, а там – как повезет…

– Положим, россказни насчет ужасных заклинаний на дверях внутри дома – это болтовня для легковерных, – посмеиваясь, открыл тайну Шевди. – Но библиотека… Рилеранс переживет, коли воришки уволокут его любимый чернильный прибор, который, замечу, отлит из высокопробного золота, но взбесится, обнаружив пропажу хоть одного листка пергамента. Потому хранилище мудрости просто начинено ловушками и секретами. Моя милая девочка, признайся честно – ты со своими приятелем или приятелями сможешь обойтись без шума?

– Да, – решительно заявила Кэрли. Хисс ограничился коротким согласным кивком.

– Семьдесят полновесных туранских империалов сейчас, – чуть дрогнувшим голосом назвал цену Шевди. – Третья доля с продажи.

– И что взамен, дядюшка? – ехидно поинтересовалась девушка.

– Как пробраться в сад. Как незаметно пройти сквозь дом. Открытая дверь в башню и вовремя отвлекшиеся сторожа.

– Немного, – задумчиво протянул Хисс, мысленно подсчитывая остаток полученного от Леука задатка и их собственные с Кэрли денежные запасы. Выходило маловато – около сотни на круг. А еще необходимо срочно купить или взять в долг кое-какие полезные приспособления… Почему-то Хисс внезапно уверился: разыскиваемая книга таится именно здесь, в собрании кофийского волшебника. – Тридцать, – тоном, не принимающим возражений, сказал он.

Шевди очень искренне изобразил праведное возмущение:

– Линна, что себе позволяет… э-э… этот самоуверенный юнец? Неужели ты позволишь, чтобы твоего любящего дядюшку грабили средь бела дня? Шестьдесят, ни кафаром меньше!

– Сорок, – предложила Кэрли, наверняка повторив в голове расчеты напарника и придя к схожим выводам.

– Пятьдесят пять. Или я вас знать не знаю, выкручивайтесь сами!

– Сорок пять, – слегка уступил Хисс.

– Пятьдесят, – упрямо возразил Шевди.

– Дядюшка, не жадничайте, – вмешалась Кэрли. – Сорок пять.

– Это еще надо посмотреть, кто жадничает… Пятьдесят, я сказал, молодые люди. У вас со слухом плохо?

– Сорок восемь. Мы ведь вполне можем обойтись и без вашей помощи, почтеннейший, имейте в виду…

– Вот тогда я полюбуюсь, как господин Рилеранс будет вас поджаривать на медленном огне!.. Ладно, уговорили. Сорок восемь.

Расплата с осведомителем съела последнюю наличность компаньонов. Когда довольный провернутой сделкой Шевди ушел, распрощавшись с «племянницей» и ее дружком до наступления ночи, Кэрли невесело хмыкнула:

– Между прочим, мы ведь не домушники. И второе: что, если мы с огромными трудами проникнем в библиотеку, а нужной книги там нет?

– Прихватим десяток других да продадим для успокоения души и заради возмещения совершенных трат, – удивился вопросу Хисс. – Домушники, не домушники – какая разница? Главное – внимательно смотреть по сторонам, не спотыкаться и не громыхать уроненными стульями среди ночи.

– Думаю, если бы мы пригласили Ши, Джая или Аластора, они бы не отказались и не потребовали половинного дележа, – отважилась заикнуться Кэрли. Напарник пренебрежительно отмахнулся:

– Сами управимся. Проще, чем отнять леденец у младенца.

Выйдя из таверны, они, не сговариваясь, вернулись к дому Рилеранса и обошли его по кругу, выискивая нужную башню. Сложенная из желтоватых гранитных блоков и имевшая в разрезе форму пятиугольника, она стояла почти впритык с одним из жилых зданий, поднимая над деревьями и крышами свою изжелта-зеленую макушку на высоту двадцати или тридцати локтей. Башня не казалась высокой или неприступной, скорее, дремлющей, приплюснутой и слегка покосившейся на один бок. Под самой черепицей виднелись узкие щелки окон и прилепившиеся над ними гнезда ласточек.

* * *

Младший помощник домоправителя Шевди честно отработал полученную мзду. Двое новоиспеченных грабителей (тщательно перенимавших у более опытных друзей основные приемы сложного воровского ремесла и использовавших сегодня весь свой небольшой опыт этого промысла) благополучно одолели внешнюю стену, миновали сад, добрались до черного

хода и, повозившись, сумели без особенного шума справиться с засовами.

Через дом они крались на цыпочках, замирая от каждого шороха, поскрипывания половиц или мягкого топотка лап охотящейся на мышей кошки. Кэрли беспричинно развеселилась. Она даже задумываться не хотела над тем, что их авантюра может закончиться весьма плачевно. Ночной грабеж оборачивался захватывающим приключением, и пока все развивалось на редкость благополучно.

Дверь в башню, хранившую драгоценное собрание книг мага, стояла, как и было уговорено, слегка приоткрытой. Кое-какие признаки позволяли догадаться, что при двери должна неотлучно находиться стража, однако караульные вопиюще отсутствовали. Должно быть, Шевди сумел выманить их в другую часть дома.

Хисс и Кэрли протиснулись в узкую щель между косяком и тяжелой, обитой полосами железа и бронзы створкой, миновали короткую галерею, открыли еще одну дверь – незапертую, беспрепятственно вошли внутрь и зачарованно огляделись.

Изнутри башня делилась на три этажа, разбитые на маленькие комнатки и соединенные между собой натыканными в произвольном порядке лестницами – где деревянными, где отлитыми из железа, где каменными, лепившимися к стенам. Притушенный свет потайных фонарей выхватывал из темноты, пропитанной запахом слежавшейся пыли и гниющего потихоньку пергамента, неясные очертания низких арок и грузных шкафов, набитых разномастными рукописями: толстыми и тонкими, в переплетах и в шкатулках, в медных и деревянных тубусах, и разрозненные, лохматящиеся по краям листы.

Девушка, вдохнув застоявшийся воздух библиотеки, закашлялась и торопливо прикрыла рот рукой.

– Сколько ж тут всего! – со смесью восхищения и трепета прошептала она. – Нам понадобится лет десять, не меньше, чтобы перекопать эту груду исписанных телячьих шкурок!

– К сожалению, у нас есть только одна ночь, – Хисс повел лучом прикрытой войлоком и потихоньку нагревавшейся масляной лампы вдоль нависавшей у них над головами лестницы. – Да и книг, говоря по правде, не очень много, от силы тысячи две. Поднимемся наверх и начнем оттуда, заглядывая в каждый шкаф. Всякие папирусы, карты и книги малого размера нас не интересуют. Ищем только большой фолиант в черной коже. Бери любой, какой отыщешь, потом выясним, тот или нет. Ясно?

– А вдруг попадется что-нибудь в дорогом переплете? – язвительно спросила Кэрли, ослабляя завязки низко натянутого капюшона. Парочка снарядилась в ночной поход согласно давним традициям Города Воров – не стесняющая движений одежда темных тонов (девушка, подчиняясь вынужденной необходимости, крайне нехотя натянула узкие туранские шаровары и заплела обычно распущенные волосы в тугую косу), веревки с крючьями, короткие ножи, мешки на поясах, содержавшие кое-какие неприятные сюрпризы.

– Попадется – так хватай, – огрызнулся Хисс. – Идем.

Деревянная лестница, источенная жучками, угрожающе покачивалась и еле слышно поскрипывала при каждом шаге. Самодеятельные грабители испытали легкое облегчение, выяснив, что третий этаж башни владелец отвел под свои магические изыскания. Одну из стен целиком занимала огромная кирпичная печь с несколькими устьями, сейчас закрытыми железными дверцами. Также имелись многочисленные полки, уставленные дутыми колбами, флаконами, склянками, коробками и бутылями, колыхались пучки засушенных растений, а в углу громоздилась внушительных размеров клетка. Внутри, почуяв незваных гостей,

закопошились и завозились какие-то живые существа. Хисс посветил через решетку и доложил:

– Семейка крыс.

Кэрли, недолюбливавшая грызунов, отшатнулась и скривилась.

…Издалека приплыл неспешный, надтреснутый раскат колокола на единственных городских курантах – сперва один, потом второй. Самое сердце ночи. Книжные воры бродили среди шкафов, торопливо и по возможности тщательно изучая содержимое полок. Кое-что уже перекочевало в просторные холщовые мешки. Кэрли, например, обнаружила аж целых четыре здоровенных книги в переплетах старой черной кожи, перехваченных бронзовыми застежками. Заодно прихватила сочинение, щеголявшее обложкой из золотых крученых нитей и россыпью граненых синих камешков. Грабеж, ей, в сущности, пришелся по душе. Она недоумевала – отчего Джай или Ши всегда с жаром повествуют об испытанных трудностях? Всего-то хлопот – провести лучом вдоль разномастного книжного строя, выискивая, не блеснет ли заманчивый узор из самоцветов или тусклая позеленевшая бронза. Поначалу было страшновато – из-за темноты и еле слышных поскрипываний-шелестений вокруг, но, если привыкнуть, таинственные звуки дремлющей библиотеки переставали пугать. Может, это просто книги шептались между собой, обсуждая незваных пришельцев или делясь воспоминаниями о прошлом. Главное – не пропустить нужный фолиант.

Кэрли добралась до конца тесного прохода между шкафами, поставила лампу на пол, вытерла начавшие потихоньку слезиться глаза. Отыскала второй блуждающий огонек – Хисс методично рыскал слева от нее.

Следующее хранилище книг оказалось запертым. Кэрли как-то не сразу сообразила, отчего шкаф кажется таким темным, но перемещающееся световое пятно загуляло по сероватым от старости и перетянутым для надежности латунными полосами дверцам, запертым на хитрые врезные замочки. Девушка потянула за качающуюся ручку-кольцо – дверцы не шелохнулись.

«Раз заперто – значит, внутри что-нибудь ценное или важное, – предположила она. – Как бы открыть? Взломать? Нашумим…»

Решив посоветоваться с компаньоном, она сделала шажок в сторону. Нога в мягком замшевом сапожке угодила в крохотную выемку между половицами, раздался тихий хруст и скрежет. Кэрли едва не выронила фонарь, увидев, как накрепко запертые створки качнулись и медленно разъехались в стороны, словно отодвигаемые оконные шторы.

– Хисс! – свистящим шепотом окликнула она. – Хисс, быстро сюда!

Напарник не замедлил примчаться на зов. Оглядел шкаф (Кэрли убрала ногу с управлявшей механизмом потайной пружины и дверцы опять сомкнулись). Дотронулся до бронзовой ручки, убедившись, что створки надежно заперты. Вопросительно уставился на состроившую загадочное лицо приятельницу. Кэрли приложила палец к губам и горделиво продемонстрировала, каким образом разгадала секрет.

– Не давай ему закрыться, – Хисс поднял фонарь повыше, направляя тонкий луч в недра шкафа.

– Что там спрятано? – Кэрли вытянула шею и заглянула через плечо Хисса. Четыре широкие полки, занятые высокими стопками прошитых через край пергаментных листов – записи или дневники. Отдельно покоится внушительных размеров фолиант, бережно закутанный в отрез пыльного красного бархата. От волнения девушка переступила на месте, перестав давить на рычаг. Створки, разумеется, немедля с тихим шорохом захлопнулись,

заставив Хисса отпрянуть. – Я не нарочно!

– Пусти, сам подержу, – молодой человек отодвинул подружку в сторону и со всей силы наступил на выемку в полу. Шкаф послушно распахнулся. На всякий случай Хисс придержал разошедшиеся створки руками. – Вынимай книгу!

– Ту, которая в красной тряпке? – уточнила Кэрли, не решаясь проникнуть внутрь пыльных и темных недр книгохранилища. Отчего-то шкаф показался ей похожим на распахнувшее пасть чудовище, поджидающее глупого, самоуверенного охотника.

– Само собой! – недовольно прошипел Хисс. – Да шевелись же! Надеюсь, ты не собираешься возиться до утра?

Девушка старательно напомнила себе, что перед ней обычный шкаф, сколоченный из дубовых плашек, и боязливо потянулась за добычей.

В следующий миг одновременно произошло три вещи.

Обострившимся нюхом или шестым чувством Кэрли уловила, что зацепила нечто легкое, неосязаемое, вроде тончайшей паутины, и потревожила настороженную ловушку. Она рывком отдернула кисть, издав слабый сдавленный звук, и понимая, что не успевает.

Краем уха Хисс различил почти беззвучный щелчок. Даже не успев толком понять, что делает, отпустил створки, выхватил из соседнего шкафа увесистый том и сунул его поверх вытянутой руки Кэрли.

Спрятанные в полках и стенах шкафа железные полосы, утыканные острыми штырями, с размаху воткнулись в подставленный фолиант, частично проткнули его и напряженно замерли, побуждаемые силой тяжести двигаться дальше, но не в состоянии быстро одолеть толстый пергамент.

Дремавшая в лаборатории на третьем этаже башни клепсидра уронила очередную звонкую каплю. Оцепеневшее время резво понеслось дальше. Кэрли проглотила не родившийся визг, дико глянула на стальные зубцы и трясущимися руками поспешно выволокла наружу загадочный том. Челюсти капкана наконец справились с преградой и с тошнотворным стуком захлопнулись, пронзив мешавшую им книгу и частично скомкав ее.

Хисс схватил девушку за плечи и силой отволок подальше от коварного шкафа, закрывшегося и ничем не отличимого от своих собратьев.

– У-уг! – неразборчиво выдохнула Кэрли, крепко прижимая к себе обретенное сокровище. – Ы-ымп! Кх-х!.. К-как я напугалась!.. Оно мне чуть руку не оттяпало!

– «Чуть» не считается, – Хисс мягко, но настойчиво извлек фолиант из судорожно сжатых рук напарницы, развернул красный лоскут и удовлетворенно кивнул. На обложку книги пошла плотная черная кожа, от давности покрывшаяся темно-зелеными пятнами и чуток растрескавшаяся. Края украшали бронзовые накладки с изображением скрещенных топориков и мечей на фоне ромбических щитов-дуаратов. Обрез еще хранил следы былой позолоты.

– Это она? – с любопытством спросила Кэрли, переведя дыхание. – С виду так очень похожа.

– Сейчас узнаем, – Хисс не без натуги откинул верхнюю массивную застежку книги, отлитую в форме приготовившегося к прыжку леопарда, и собирался повторить это действо со вторым зажимом, но замер, не донеся руки. Медленно повернул голову влево-вправо. – Ты ничего не слышишь?

– Нет… – начала Кэрли и прикусила язык. Она не услышала никаких подозрительных звуков, зато увидела – перемещающийся, неясный оранжевый отсвет, смутно мерцающий в

проемах лестничных спусков. Внизу кто-то ходил, причем этому «кому-то» не требовалось скрываться. Либо у хозяина случился приступ бессонницы и он решил заглянуть в башню за любимой книгой, либо припожаловала охрана, в чью обязанность входит регулярно обходить дом. Шевди не заикался о такой традиции, но мало ли что могло произойти…

В любом случае грабителям надо исчезнуть.

Хисс сунул добытую с такими трудностями, но так и не раскрытую книгу девушке, отобрал у нее лампу и, наклонив набок, залил крохотный фитилек маслом. Он поступил также и со своим фонарем, схватил похолодевшую Кэрли за руку и торопливо поволок за собой – в глубины библиотеки, в путаницу узких переходов и рассыпающихся книжных пирамид, в полумрак и шелест ехидно перешептывающихся страниц, тысячами глаз наблюдавшими за метаниями людей.

* * *

Сначала в библиотеку вошли трое – видимо, почуявшие неладное охранники. Вскоре к ним присоединилось еще пятеро стражей, и Хисс всерьез заподозрил, что выпотрошенный ими шкаф с ловушкой имел связь с покоями владельца дома, оповещая, когда кто-нибудь пытался без разрешения заглянуть внутрь.

Караульные обшаривали первый этаж башни, негромко переговариваясь и светя факелами по углам. Притаившиеся воришки сидели в закутке, образованном огромным шкафом и выступом придвинутого к стене сундука. У Кэрли мелко и тихо постукивали зубы. Она больше не считала кражу простым и увлекательным занятием. Ей хотелось верить, что напарник придумает какой-нибудь способ вызволить их отсюда.

– Вроде никого, – донесся разочарованный голос какого-то из охранников. – Может, крысы шкодят?

– У крыс не хватит ни ума, ни силенок, чтобы открывать двери и таскать книги из шкафов, дубина, – приглушенно откликнулся начальственный бас. – Кто-то забрался в башню, пока вы, высунув языки, бегали Нергал знает где!

– Но, господин Цефат, у выхода в сад шумели, – упрямо возразил другой голос. – Мы должны были пойти и…

– Пока вы ходили да проверяли, – отрезал неведомый и пока невидимый Цефат, – в библиотеку наползла уйма хитрых гаденышей, – он заговорил громче, вроде бы обращаясь к подчиненным, но здраво предполагая, что будет услышан и грабителями. – Скажите спасибо, остолопы, что хозяин пока не знает, что среди его книг шарятся чужаки. Молитесь, чтобы он не узнал раньше, чем мы изловим мерзавцев и притащим ему. Иначе… – не договорив, старший охранник принялся деловито распоряжаться: – Ты, ты и вот ты! Встаете около дверей. Можете ложиться костьми, но отсюда никто не выходит и ничего не выносит. Ты – ноги в руки и марш за остальными бездельниками! Вы трое – за мной!

Лестница пронзительно заскрипела, выгибаясь под четырьмя поднимающимися на второй этаж стражами. Кэрли еле слышно заскулила, пытаясь вжаться в стену. Хисс быстро заглянул в просвет между шкафами и сердито тряхнул напарницу за плечо.

– Соберись! Нам придется сыграть с ними в прятки. Трое караулят дверь, один побежал

за подмогой, четверо намерены обыскать этаж. Мы их проведем, нужно только действовать быстрее. Держись рядом, – с этими словами молодой человек довольно резво пополз на четвереньках вдоль ряда шкафов. Кэрли раздраженно запихала тяжелую и угловатую книгу в мешок, затянула ремешки, перекинула ремень сумки через плечо и неловко двинулась следом, цепляясь своей ношей за края полок.

Они доковыляли до конца прохода. Как оказалось, вовремя – мимо их покинутого убежища прошел охранник, державший ярко горящий фонарь со слюдяными окошками и ревностно озиравшийся по сторонам.

– Этот будет первым, – решил Хисс. – Сиди и не двигайся!

Не давая подружке возможности возразить, он преспокойно своротил с полки десяток книг, обрушившихся с шелестом падающих листьев, и юркнул за шкаф. Стражник обрадованно гикнул, зовя приятелей, и бросился на подозрительный звук. Кэрли даже успела разглядеть торжествующую ухмылку на его физиономии, когда он заметил прижавшуюся к полкам фигуру в черном.

– Попался!.. – рявкнул караульный, еще не догадываясь, что попался-то как раз он. Из тени за его спиной с тихим свистом вылетела плотно набитая мокрым песком тряпочная колбаска, прицельно тюкнув слишком рьяного блюстителя по затылку. Он нырнул вперед, Хисс и Кэрли еле успели подхватить падающее тело и по возможности тихо опустить на пол.

– Тяжеленький, – пробормотал Хисс. – Теперь – быстро вперед!

Пригибаясь и хоронясь за полками, воришки перебрались в соседнюю комнатушку. Спрятались, отдышались, прислушались.

– Господин Цефат! – нерешительно звал кто-то, бродя между высокими шкафами и тихо поругиваясь всякий раз, когда спотыкался о неровности пола. – Господин Цефат! Нейриз! Матаки! Господин Цефат, кажется, я заблудился! Матаки, псина шелудивая, где ты?

– Я тут! – ответный возглас долетел непонятно откуда, сопроводившись надсадным чиханием и кашлем. – Дараб, куда идти? Я ничего не вижу!

– Перестаньте галдеть! – голос Цефата раздался совсем рядом с вздрогнувшими от неожиданности Хиссом и Кэрли. Старшина охранников пребывал где-то поблизости, едва ли не в соседней комнате. Такое соседство грозило плачевным окончанием всей авантюры. – Ваши вопли расслышит даже глухой! Идите сюда!

– Пробирайся к лестнице, я попытаюсь их отвлечь – Хисс с силой толкнул оцепеневшую Кэрли под ребра. – Залезь в какую-нибудь нору поблизости и жди меня. И ради всех богов, не попадись на глаза тем, кто сторожит дверь. Пошла!

– Но как же мы выйдем отсюда?.. – жалобно заикнулась Кэрли, получила второй тычок, от которого охнула, и беспрекословно двинулась вдоль стены к ближайшему лестничному проему.

Хисс проводил ее быстрым взглядом и вернулся к более насущному делу. Он собирался развернуть маленькую победоносную войну, которой предстояло завершиться полнейшим поражением обманутого и как следует одураченного противника.

Для начала требовалось определить, кто где находится. Распоряжающийся и, к сожалению, наделенный некоторой толикой мозгов Цефат обосновался в комнате по левую руку, один стражник выведен из игры, двое рыщут среди шкафов, пытаясь одновременно отыскать сослуживцев и вспугнуть воришек. А выход из башни, к сожалению, только один.

Что ж, следующей жертвой предстоит стать чрезмерно деловитому и самоуверенному господину Цефату.

Молодой человек сунул руку в мешок на поясе, на ощупь перебрал хранящиеся в нем предметы и достал нечто вроде сложенного во много раз черного лоскута ткани. Аккуратно развернул. Передвигаясь на корточках, подкрался к арке и быстро выглянул, тут же убрав голову.

Цефат оказался долговязым, выбритым наголо туранцем с желчной и злорадной физиономией. По крайней мере, такой она выглядела в колеблющемся свете стоящего на крышке сундука фонаря. Стражник нетерпеливо притоптывал ногой и время от времени посвистывал, обозначая свое присутствие для остальных. Судя по приближающемуся звуку шагов, его подчиненные достаточно успешно прокладывали путь через книжный лабиринт. Хисс постарался запомнить характерные интонации посвиста месьора Цефата – это могло пригодиться. Положил черную тряпку на пол, тщательно вытер ладони о штаны, и пару раз глубоко и медленно вдохнул-выдохнул, чтобы успокоиться. Нельзя упустить такую замечательную возможность внезапно напасть и бесследно исчезнуть. И, само собой, Цефат не должен его схватить – Хисс никогда не переоценивал своих возможностей в драке. Туранец выше его, тяжелее и наверняка сильнее. Скрутит, как пить дать, а пока они будут возиться, прибегут остальные. Трое головорезов против одного беззащитного воришки – благодарю покорно!

Остается бить исподтишка. Цефат как раз повернулся к арочному проему спиной, прислушиваясь к голосам своих дружков. Два прыжка – на преодоление разделяющих охотника и добычу расстояния, тряпка превращается в мешок с растянутой горловиной, один прыжок – взобраться на сундук. Туранец все-таки успел обернуться и наискось отмахнуть перед собой свинцовым шариком на цепочке. Уклониться, накрыть лысый череп мешком, резко дернуть завязки…

Цефат выпустил свое оружие, издал пару нечленораздельных звуков, пьяно качнулся, врезавшись в угол шкафа, и на удивление мягко сначала переломился в коленях, а затем вытянулся на деревянном полу. Еще с пяток ударов сердца он слабо дергал ногами и бессмысленно хватался за мешковину растопыренными пальцами, пытаясь стянуть тряпку с головы. Хисс за это время успел подобрать и сунуть за пазуху цепь с шаром.

Смесь, лежавшая на дне мешка, называлась «Отрыжка демона». Готовится просто: щепотка измельченного туранского желтого лотоса, две горсти красноватого порошка, используемого в кальянах, добавить по вкусу одну истолченную палочку иранистанских благовоний. Действует замечательно – вдохнувший на два-три колокола напрочь перестает интересоваться бурным кипением жизни. Недостаток – потом целый день слезятся глаза и разбирают внезапные приступы чихания.

Убедившись, что Цефат в точности уподобился бесчувственному бревну, Хисс торопливо ухватил его за щиколотки и рывками поволок к заранее присмотренному месту – стенной нише, загороженной сундуком. Затащил, прикрыл кстати подвернувшейся под руку холстиной. Пусть теперь подчиненные ломают головы над тем, куда подевался их командир. Фонарь, как ни жаль, придется оставить. Для создания правдоподобной картины – мол, бдительный господин Цефат где-то что-то услышал или увидел, и отправился выслеживать мерзкого грабителя.

Убедившись, что все в порядке, Хисс, мысленно ухмыляясь, высвистел короткую мелодию-сигнал. Почти сразу долетел обрадованный отклик:

– Господин Цефат, я уже иду!

Второй блюститель где-то заплутал. Хисс не стал его дожидаться, боком-боком

засеменил вдоль полок, с трудом различая в сероватой пыльной темноте очертания шкафов и шаря в воздухе левой рукой в поисках препятствий. Благополучно добрался до лестницы, по которой удрала Кэрли (или до другой, очень на нее похожей – в сумраке все равно не разобрать). Снизу не доносилось ни звука, сзади же раздалось ожидаемое:

– Господин Цефат? Цефат, ты где? Дараб? Эй, кто-нибудь!

Последний выкрик прозвучал совсем отчаянно. Похоже, стражники побаивались библиотеки, особенно библиотеки ночью, считая ее едва ли не самым жутким местом в доме.

Воришка на всякий случай посвистел еще, беззвучно хихикнул и скатился вниз по ступеням – бронзовым, а потому ответившим мягким гулом. Остановился, соображая, куда бежать и как справиться с часовыми на входе. Мысль пробираться через забитые шкафами и фолиантами комнатушки на ощупь не прельщала. К тому же стражники, заметившие свет, для начала решат, что это мелькает лампа в руках какого-нибудь из их приятелей. Значит, можно зажечь фонарь. Главное – успеть покинуть книгохранилище до того, как сюда ворвется орава вызванных на подмогу караульных.

Повозившись с кресалом, Хисс зажег свою лампу, дававшую узкий луч света, поводил светлым пятом по потолку и негромко позвал:

– Линна? Выбирайся, это я.

Из-под лестницы вывернулась невысокая тень. Хисс запоздало сообразил, что для Кэрли тень имеет слишком грубоватые очертания и слишком размашистые движения. Не говоря худого слова, неизвестный – предусмотрительно решивший устроить засаду охранник – вполне умело сделал в сторону грабителя выпад длинным, слегка изогнутым у острия кинжалом. Хисс успел отпрыгнуть, но врезался спиной в шкаф. Деревянная махина тяжеловесно покачнулась, с верхней полки, хлопая страницами, слетел пяток книг.

– Он здесь! – громогласно сообщил стражник. – Цефат, Матаки! Он внизу! Я его поймал!

– Еще нет, – огрызнулся Хисс, замахиваясь на блюстителя лампой, болтавшейся на трех длинных цепочках. Тот отступил и жизнерадостно гоготнул:

– Значит, поймаю! Кончай скакать, все равно бежать некуда! Много успел насобирать, а? Грамотный небось? Вот и будет о чем с хозяином побеседовать. Он страсть как уважает таких молодых да ранних…

Болтовня ничуть не мешала стражнику гонять вора по тесному пределу маленькой комнатки, отжимая его от выходов в угол между шкафами. Хисс хотел потушить лампу, но вовремя понял, что без источника света будет еще хуже. Поэтому он увертывался от быстрых, похожих на движения змеиной головы, кинжальных ударов, швырял в преследователя подвернувшимися под руку рукописями и отчаянно стремился выбраться к арке. Наверху послышалась шумная возня и громкие голоса – должно быть, отыскали невезучего Цефата.

Обманный рывок влево, выпад справа. Долго так продолжаться не может. Неудобный мешок с добычей (Хисс нашел три больших фолианта в черных переплетах, присовокупив к ним вдобавок парочку редких философских трудов, за которые рассчитывал выручить у знатоков изрядную сумму в золоте, и десяток книг, отделанных золотом либо самоцветами) бил по ногам, всячески мешался и цеплялся за полки. Цепочки лампы перепутались, огонек в любой момент угрожал погаснуть. На втором этаже кто-то рвался к лестнице, грохоча сапогами и выкрикивая неразборчивые угрозы. Ситуация становилась напряженной, а Хиссу никак не приходило в голову ничего подходящего. К тому же от волнения он совершил ошибку и оказался в тупике между двумя огромными шкафами.

Позади довольного собой охранника обозначилось некое быстрое движение. Хисс краем глаза заметил причудливо изогнувшийся силуэт, а в следующий миг незаметно подкравшаяся Кэрли с размаху ударила стражника в висок толстой книгой в золотом окладе. Тот коротко охнул, выронил кинжал и свалился.

– Сокрушительная сила знания, – сипло пробормотал Хисс. – Ты откуда взялась?

– Бежим! – взвизгнула в ответ девушка. – Вытащи меня отсюда!

* * *

Судя по воплям и противоречивым приказам, на первом этаже башни собрались все, способные вести погоню. К счастью беглецов, охранники потеряли толкового командира, и теперь просто носились между шкафов, надеясь наткнуться на грабителей или выгнать их из укрытия. Хисс и Кэрли метались по комнатам, в полумраке похожим одна на другую, как две капли воды, в поисках входной двери. Усугубляя общую сумятицу, Кэрли с разбегу налетела на низкий шкафчик и опрокинула его. Падая, шкаф зацепил соседний, и тот угрожающе закачался. С нарастающим зловещим шорохом набирающей скорость лавины застучали по полу падающие книги. Хисс споткнулся о пергаментный завал и едва не потерял равновесие.

– Сюда, сюда! – пронзительно, не беспокоясь, что ее услышат, верещала Кэрли. – Быстрее, быстрее-е!..

Из трех стражников, которым надлежало стеречь дверь, на посту пребывал только один. Прочие, должно быть, старательно ловили злоумышленников, скрывавшихся в библиотеке. Исполнительному служаке повезло – хотя удиравшие воры шваркнули его о стену и сбили с ног, но добивать не стали. Слишком торопились.

Вылетев в галерею, соединявшую башню-библиотеку с жилыми покоями, Хисс на мгновение задержался, сбрасывая засов и запирая дверь снаружи. Удиравшие беглецы как раз одолели коридор, когда изнутри послышались яростные удары и приглушенная толстыми досками живописная брань. Кэрли нервно рассмеялась.

Дом встретил их дремлющей тишиной, но это внешнее спокойствие оказалось фальшивым – издалека уже доносился слитый топот бегущих на подмогу охранников.

– Не меньше двух десятков, – искушенным тоном заявил Хисс, заставив напарницу сбиться с шага, побледнеть и испуганно ойкнуть. – Предложения?

– Э-э… – окончательно растерялась Кэрли.

– Ясно, никаких. Стой! – рыжий мошенник вытащил взятый с боем трофей, серый свинцовый шарик на цепочке, раскрутил его и запустил в узкое, высокое окно, украшенное россыпью синих, желтых и алых стекол. Витраж осыпался с оглушительно звонким треском. В глубинах дома послышался тревожный возглас, где-то зашлась истошным лаем собака. Хисс сгреб наполовину потерявшую способность здраво размышлять Кэрли и буквально вытолкал ее в оскалившийся осколками оконный проем. Выбрался сам, схватил девушку за руку и, сломя голову, понесся вдоль стены, рассчитывая проскочить через сад и добраться до ограды. На случай встречи с кофийскими бойцовыми псами, заслуженно считавшимися самыми злыми на всем Материке, в сумке имелись заранее приготовленные кусочки ткани, пропитанные невероятно жгучим составом, делающим из любого разъяренного пса

дрожащую, чихающую и кашляющую тварь.

Переполох рос и ширился, перетекая из комнаты в комнату, с этажа на этаж. Вспыхивали окна, кто-то, надрываясь, требовал запереть все двери, обыскать сад, усилить стражу у ворот и достать треклятых ворюг хоть из-под земли.

Собачий лай приблизился, и Хисс швырнул за землю пригоршню отравленных лоскутков. Вбежал под спасительные деревья, волоча за собой задыхавшуюся Кэрли. Повинуясь непонятному предчувствию, оглянулся на охваченный всеобщей суматохой дом. Взгляд уцепился за видневшиеся в окне второго этажа очертания неподвижной человеческой фигуры. Стрельчатый оконный проем заполнял темно-красный свет горевшего в комнате светильника, и силуэт отчетливо выделялся на мрачном фоне.

«Рилеранс, – внезапно догадался Хисс и поежился. – Маг Рилеранс, очень не любящий, когда без спроса заглядывают в его библиотеку. С завтрашнего утра он начнет разыскивать воров и похищенную собственность. Надо поскорее отделаться от книг, а то обретем мы кучу неприятностей вместо заслуженного дохода».

Обносившая поместье стена вынырнула из начинавшего редеть предутреннего сумрака так неожиданно, что беглецы едва не врезались в нее. Хисс подсадил начавшую приходить в себя Кэрли, убедился, что девушка успешно перебралась на другую сторону, подтянулся и заполз сам.

Сидя на гребне каменной ограды, он зачем-то еще раз посмотрел назад, хотя знал: смотреть на место, которое покинул и куда не собираешься впредь возвращаться считается дурной приметой.

Ему показалось, что Рилеранс по-прежнему стоит у окна, глядя в ночь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Песчаная скрижаль

– Осталась последняя, – сказала Кэрли. Голос у нее внезапно осип, и слова прозвучали неразборчиво. Девушка откашлялась и повторила четче: – Последняя. Будешь открывать?

Хисс провел пальцами по заскорузлой обложке книги, при дневном свете приобретшей зеленоватый оттенок, и ничего не ответил. Кэрли терпеливо ждала, понимая, что в таком деле торопить приятеля не следует.

Они сидели в крохотном садике на задворках «Уютной норы», перед ними на столике из бамбуковых жердин красовалась разложенная сегодняшняя добыча, и настроение у обоих было прескверным.

Из семи книг – больших фолиантов в черных кожаных обложках – ни одна не подходила под описание разыскиваемой Леуком рукописи. Хиссу и Кэрли достались созданный полторы сотни лет назад редчайший список второго тома «Психургической некромантии и обрядовой символики» стигийского мага Аззорета, «Иероглифика мистерий Ктеис» кого-то из учеников или последователей Скелоса, считавшиеся безнадежно утерянными лет тридцать тому «Начала ономастики» Харконна Кофийского, два отлично выполненных бестиария кхитайской работы, потрепанные записки какого-то неведомого исследователя Черных Королевств и еще много иных пергаментных раритетов, кои по достоинству оценит высокомудрое и предприимчивое общество книгочеев с улицы Ишлаз.

Однако трактат на старокофийском под названием «Россыпь сочтенных песчинок» просочился у компаньонов сквозь пальцы.

У Кэрли еще оставалась робкая надежда, что заполученный с такими сложностями том из шкафа с ловушками не обманет их ожиданий. Он так внушительно выглядел, так поблескивал стертой бронзой по углам накладок! Он просто обязан оказаться чем-нибудь потрясающим, иначе все их ночные мучения и последующая беготня с прятками по рассветным улицам Шадизара идут псу под хвост.

Побегать им пришлось изрядно. Рилеранс не собирался так запросто расставаться с наглецами, сунувшимися в его библиотеку, и пустил по их следам целую маленькую армию из стражников вкупе с кофийскими бойцовыми псами. От собак молодые люди отделались возле дома старшины цеха мясников Пайгута – на его дворе обитало с три десятка жутких тварей, больше смахивающих на голодную волчью стаю, чем на мирных четвероногих друзей человека. Заслышав крики и лай, Пайгутова свора вылетела из ворот и радостно набросилась на противника, не различая правых и виноватых, преследователей и убегающих.

Хисс и Кэрли вовремя взобрались на крышу соседнего дома, с чувством выполненного долга полюбовались на вспыхнувшее побоище и отправились восвояси – к одной неприметной таверне, стоящей в Третьем Обманном переулке квартала Нарикано. Туда они добрались без приключений, убедились, что большая часть слуг и постояльцев еще спит, кое-кто отсутствует, развлекаясь в городе, и обосновались в садовой беседке. Местечко тихое, прохладное, наполненное сухим шелестом выгоревших листьев. Драгоценный белый шиповник Лорны отцвел с луну назад, тавернщица дотошно собрала в мешок все лепестки до единого, утверждая, будто знает рецепт особой бритунийской настойки – глотнешь и умрешь счастливым. Компания на всякий случай не поверила и с нетерпением ждала, когда хозяйка

выполнит свое обещание.

Загадочная книга лежала поверх зеленовато-кремовых ребристых стеблей кхитайского деревца и, как положено рукописи, хранила упорное молчание. Хисс пристально смотрел на нее, словно пытался силой взгляда преодолеть толстую кожу обложки и добраться до строчек на желтоватых листах пергамента. Кэрли не выдержала и легонько толкнула его локтем – открывай, не томи!

На свет появился короткий нож с рукоятью черного дерева. Слегка изогнутое лезвие во второй раз подцепило верхнюю бронзовую застежку, изображавшую леопарда в прыжке, и откинуло ее в сторону. Раздался еле слышный щелчок. Хисс справился с нижним зажимом, приподнял тяжелую обложку (Кэрли затаила дыхание, прикусив кончик языка)… и вдруг выпустил ее из рук.

– Открывай ты, – молодой человек резко повернулся к напарнице. – Мне… как-то не по себе.

– А… я тоже боюсь, – робко заикнулась девушка, но любопытство пересилило. Она аккуратно распахнула книгу (оковка переплета глухо стукнула по дереву) и с жадным нетерпением уставилась на первый лист, где обычно переписчики разноцветными буквами выводили заглавие.

Листа не существовало. Кто-то яростно выдрал его из книги, оставив разлохмаченную кромку. Пропал и первый десяток страниц, тоже оторванных, что называется, «с мясом».

– Кхм, – Кэрли озадаченно наклонила голову и покрутила спускавшийся с виска каштановый локон. – Кто-то настолько не любил чтение? Или ему не понравилось содержание?

– Листай дальше, – здраво решил Хисс.

Девушка послушно переложила справа налево несколько пустых листов и обрадованно зацокала языком, наткнувшись на выведенные быстрым косым почерком строки. Писавший явно торопился, потому что буквы налезали друг на друга, текст перекашивался то влево, то вправо, украшался кляксами, разводами и жирными зачеркиваниями. На полях кое-где скалились размашисто нарисованные морды хищных зверей и черепа.

– Чьи-то личные записи, – уверенно заявила Кэрли и, прищурившись, внимательно вгляделась в строчки. – Немедийский язык, только самую каплю устаревший. Так, наверно, писали и выражались лет с полсотни назад. Может, это и есть, что нам нужно?

– «Удивительный случай, – медленно проговорил Хисс, разбирая хитросплетения незнакомого почерка. – Девчонка, помещенная в сухой колодец, продолжает оставаться в живых. Видно, сыграло роль низкое происхождение, дарующее поразительную выносливость. Девчонка не кричит – неужели умудрилась ничего не сломать при падении? Распорядился спустить ей еды и воды. Посмотрим, нельзя ли обернуть сие досадное происшествие на пользу. Допустим, определить степень живучести этой особы…»

– Чего? – оторопела Кэрли, выслушав. – Хисс, я ничего не понимаю!

Ее приятель торопливо пролистнул с пяток страниц, остановился на проведенной вдоль среза листа волнистой черте и вполголоса прочел:

– «…Такая досада – пришлось расстаться с Эскель! Она была самой хорошенькой, продолжая оставаться миловидной посейчас, спустя три дня. Своеобразно миловидной, ибо хранение тела на леднике ненадолго спасает его от прикосновения смерти. Придется немедленно начать бальзамирование. Ее очаровательная головка займет достойное место в сокровищнице. Да, чуть не забыл! Девчонка из колодца (ее, как выяснилось, зовут Мирна)

пыталась сбежать, выбравшись по скинутой кем-то веревке. Поймана на Закатном холме и приведена обратно. Новая головная боль – выяснять, кто был сообщником. Мирну до выяснения обстоятельств – в нижний подвал вместе с животными. Там ей самое место. Маленькая, хитрая, грязная тварь…»

Кэрли неожиданно протянула руку, распахнув книгу почти на середине, наклонилась и очень спокойным голосом произнесла попавшийся ей на глаза отрывок:

– «…Оддир (на вид – десяти лет, сам точно не знает) и Тала по прозвищу Козочка (двенадцати лет, для своего возраста на удивление хорошо развита и сообразительна). Мальчишка похож на мышонка – пищит, хнычет, просится домой, пугается темноты и громких звуков. После поселения в клетку впал в непрекращающуюся истерику. Годится только на кухню, к празднеству начала осенней охоты.

Тала испробована в качестве прислужницы. Первые два раза много кричала, выказывала сопротивление, прикидывалась безумной и хотела повеситься на шнуре от балдахина. После надлежащего внушения успокоилась и начала относиться к своим обязанностям с подобающим рвением. К началу зимы вполне сможет заменить столь неудачно потерянную незабвенную Эскель…» – Кэрли поперхнулась и растерянно спросила: – Кому это принадлежало, Хисс? Кто это писал? Зачем? О чем? Это вымысел? Страшная сказка, бредни выжившего из ума писаки?

– Именно что выжившего, – Хисс захлопнул книгу и брезгливо оттолкнул ее подальше, словно фолиант мог его укусить. – Пока ты читала, я вспомнил и сообразил. Эта история случилась лет за двадцать до того, как нас с тобой угораздило появиться на свет. Ты наверняка слышала это имя – Рюцциль из Айгена. Да слышала, слышала, о нем до сих пор говорят шепотом!

– Рюцциль Людоед, – Кэрли заерзала, отодвигаясь подальше от мирно лежащей рукописи. – Рюцциль Немедиец, глава дворянства в графстве Айген. Рюцциль фон Шилале, считавшийся образчиком немедийского рыцарского духа. Рюцциль – убийца детей, чернокнижник, алхимик и кто он там еще…. Помнится, когда открылась правда о том, чем занимается в подвалах своего имения месьор Рюцциль, тогдашний король Немедии даже не решился собирать суд Высшей Палаты и выносить это дело на общее обсуждение. Замок Шилале окружила королевская гвардия, его взяли штурмом за одну ночь и сожгли всех, кто там находился – владельца, его родственников, друзей, стражей, слуг и даже тех, кто оставался в подвалах. Чтобы ни одна живая душа не разнесла слухов по стране. Народу и дворянству объявили, будто в замке началась чума. Шилале потом срыли до основания, место перепахали и засыпали солью. Король Вюртель, как я слышала, до конца жизни обвинял себя в том, что допустил резню в Айгене, но, мол, иного выхода не существовало. Получается… – Кэрли дотронулась до края обложки, тут же отдернув палец, словно обожглась, – у нас тут нечто вроде дневника Рюцциля? Как он мог уцелеть?

– Подделка? – Хисс неохотно потер между пальцами края листов, всмотрелся в слегка выцветшие чернила и решил: – Не исключено. Однако подделка, сработанная во времена жизни Рюцциля, возможно, сразу после его смерти. Пергамент старой выделки, и начертания букв тоже не нынешние.

– Интересно, что сталось с мальчиком Оддиром? – вполголоса, обращаясь к самой себе, поинтересовалась Кэрли.

– Съели его на пиру в честь начала охотничьего сезона, – огрызнулся Хисс. – Под видом молочного поросенка с яблоками или годовалого ягненка в винном соусе. Что еще с ним

могло случиться? Рюцциль, если верить легендам, любил подавать ничего не подозревающим гостям такие блюда. Потом, когда Шилале уничтожили, многие из бывших друзей месьора Рюцциля давали зарок до конца жизни не есть мяса или, вспомнив его изысканные обеды, незамысловато лезли в петлю головой.

– Тьфу на тебя! – девушка быстро отвернулась, прижала руку ко рту и сдавленно закашляла. Отдышавшись, спросила: – И что предлагаешь делать… с этим? Продать поскорее?

– Продавать мы ее не станем, – после некоторого тягостного размышления проговорил молодой человек. – Конечно, мы могли бы выручить за нее оч-чень даже кругленькую сумму, только… Зря мы ее утащили. Есть вещи, которым лучше лежать спокойно за семью замками.

– Тогда сжечь! – азартно предложила Кэрли. – Гикол наверняка уже растопил большой очаг, сунем в пламя – и дело с концом!

Хисс посмотрел на коварную книгу, уделил внимание небу, постепенно заполнявшемуся вылинявшей голубизной, и окрестным кустам. Кэрли, скрывая нетерпение, выкопала каблуками сандалий под столом две глубоких борозды.

– Мы ее спрячем, – твердо сказал Хисс. – Когда суматоха уляжется, сядем еще разок и как следует подумаем. Ты будешь смеяться, но мне начинает казаться, будто самое лучшее – подбросить книгу обратно к дому Рилеранса. Пусть подавится, коли ему так нравится перечитывать на сон грядущий всяческие ужасы.

Кэрли нахмурилась, решая. Предложение компаньона выглядело разумным. Сейчас не до дневников сумасшедшего убийцы, жившего с полвека назад.

– Хорошо, – согласилась она. – Где будем прятать? К нашим услугам тайник на чердаке, два – в саду, три или четыре укромных местечка в таверне, и еще с десяток захоронок во владениях наших разнообразных знакомых, вряд ли подозревающих об этом. Кстати, как полагаешь, мы должны рассказать о нашем сомнительном сокровище Джаю… или Аластору?

– Вообще-то не помешало… – задумчиво протянул Хисс, но договорить не сумел. Над головами компаньонов хлопнуло открывающееся окно, из него появилась взъерошенная голова Джая и сердито осведомилась:

– Где вас демоны носили целую ночь? И, если приспичило секретничать, говорили бы тише. Вопли разносятся на полгорода! С кем вас угораздило сцепиться? Хотя погодите, я сейчас спущусь. Вина принести?

– И раздобудь поесть чего-нибудь, – попросила Кэрли.

– Угу, – Джай кивнул и скрылся в темном проеме, занавешенном туранским ковриком с вышитыми на нем птицами крайне беспечного вида.

* * *

До Хисса и Кэрли долетели поскрипывание половиц под тяжестью шагов, обыденная возня поспешно собирающегося человека и стук захлопывающейся двери. Приятели ждали. Хисс, поборов отвращение, дотянулся до книги в черном переплете и неприязненно переворошил страницы, остановившись где-то на середине. Наткнувшись на картинку,

наглядно показывавшую способы расчленения человеческого трупа, он скривился и захлопнул фолиант.

– Я бы успела добежать до Карпашских ворот и вернуться обратно, пока Джай изволит спускаться по лестнице, – недовольно бросила Кэрли. Приятели подождали еще немного, но предводитель шайки из таверны «Уютная нора» не показывался. Хисс недоуменно пожал плечами и встал:

– Наверное, зацепился языками с Лорной. Расскажем ему попозже. Пошли, я придумал, где укрыть книгу. Потом прогуляемся в город, послушаем, что носится в воздухе. Заодно перекусим и навестим Ишлаз.

Тайник, выбранный Хиссом, около года назад соорудили Ши, он сам и Кэрли. Он представлял из себя небольшой деревянный сундучок, пропитанный для лучшей сохранности купленным в гномском квартале особым составом из смолы, растертых в порошок камней и настоев каких-то трав. Сундучок вкопали в землю под корнями особенно густо разросшегося барбарисового куста, изо всех сил стараясь не повредить растение. На крышке уложили пласт дерна, поросший мелкими цветами камнеломки. Знающему человеку достаточно потянуть укрытую в определенном месте тонкую цепь, чтобы крохотный кусок лужайки приподнялся и сдвинулся в сторону, открывая доступ к сундуку.

К нынешнему дню в нем хранились резная вендийская шкатулка (к сожалению, пустая) и набор фальшивых печатей гильдии оружейников Бельверуса. К ним присоединилась завернутая в лоскут вытершегося красного бархата толстая книга. Остальные фолианты Хисс и Кэрли схоронили в другом секрете, прятавшемся рядом с вечно полуразвалившейся поленницей и надежно замаскированном россыпями опилок. Две книги, кхитайский сборник с изображениями диковинных животных и «Начала ономастики», Хисс прихватил с собой, намереваясь сегодня же продать ее кому-нибудь из торговцев рукописями с Ишлаза, дабы возместить расходы компаньонов.

Джай не появился. Для очистки совести компаньоны заглянули в таверну, где наткнулись на Ферузу и громогласно распоряжавшуюся в кухне Лорну.

– Ты Проныру не видела? – вопрос Хисса отвлек гадалку от ежеутреннего колдовства над чашками, кувшином горячей воды и лакированной коробочкой, наполненной мелко нарезанными лепестками ярко-красных цветов. Феруза готовила из них старинный туранский напиток, пить который могли немногие, в том числе она сама, Джай и, как ни странно, Райгарх.

– Вечером был здесь, – предсказательница по-кошачьи зевнула, вежливо прикрыв рот широким рукавом халата. – Разве не его голос только что доносился сверху?

– Его, – подтвердил Хисс. – Он обещал спуститься, но застрял по дороге.

– Проще сходить и глянуть, где он прохлаждается, – вмешалась Кэрли и, превращая слова в дела, взбежала на второй этаж постоялого двора.

Феруза принялась заливать сложенные в глиняную чашку лепестки тонкой струйкой кипятка, и по обеденной зале таверны поплыл горьковато-острый запах летней степи. Хисс принюхался и звонко чихнул. Гадалка тихонько рассмеялась, тряхнув распущенными рыже-золотистыми локонами.

– Его нету, – свесилась через перила лепившейся к стенам большого зала галереи Кэрли. Озадаченно развела руками и добавила: – Комната стоит нараспашку, а Джай точно испарился.

– Наверное, спустился по другой лестнице, – предположила туранка. Глянула на слегка

обеспокоенных Хисса с Кэрли и поинтересовалась: – Вам срочно нужно куда-то убежать? Хотите, я передам ему, что вы торопились и не смогли дождаться?

– Идет, – согласилась Кэрли. – Пусть в следующий раз пошевеливается.

Компаньоны исчезли быстрее, чем гадалка успела сделать первый глоток из своей чашки. Феруза неспешно пила сладковатый настой, размышляя над тем, куда могло занести не ночевавшего сегодня в «Норе» Малыша. Мальчик из варварской страны как-то подозрительно быстро усваивал неписаные городские законы. Ши (или Джай?) сплетничал, будто Малыш уже обзавелся симпатичной приятельницей, и Феруза от души надеялась, что незнакомка не навлечет на лохматую и не слишком осмотрительную голову Медвежонка каких-нибудь неприятностей.

Потихоньку гадалка радовалась, что тогда, почти две луны назад, не ошиблась в выборе и сумела настоять на своем. Компания из «Норы» – лучшее среди худшего, что мог подбросить мальчику суматошный, яркий и обманчивый Шадизар. Малыш скоро научится его порядкам и… Любопытно, что ждет его потом? Феруза как-то пыталась спросить у тарока о дальнейшей судьбе Конана, но получила те же символы, что и в первые дни знакомства. Меч, перечеркнутый двумя молниями. Уходящая за горизонт дорога. Протянутые друг к другу ладони. Сверкающая чаша в женской руке. Замок на скале. Рассыпанные монеты. Войны, вечное странствие за недостижимой целью, друзья, приключения, женщины, утекающее сквозь пальцы золото. Тарок прав – мальчишка рожден для чего угодно, кроме мирной жизни и пребывания на одном месте.

От Малыша мысли Ферузы плавно перешли на принесенного им на постоялый двор диковинного зверя пекудо в желтоватой чешуе. Зверек, освоившись, начал вести себя непринужденно и нахально – подкапывался под стены, кусал за ноги гостей и прислугу, не успевших вовремя убраться с его пути, задушил одного из Лорниных цыплят, но, ко всеобщему восторгу, ловко ловил мышей и крыс. Добычу пекудо не ел, а рядком выкладывал возле крыльца. Лорна, видя с утра эдакие подношения, только вздыхала.

Гадалка наведалась на кухню, где хозяйка обнаружила недостачу трех телячьих окороков и вовсю препиралась со слугами – отыскала чистую миску, в которую незамедлительно полетели кусочки мяса, разбитое яйцо и остатки зелени. Вернувшись в зал, Феруза присела в углу, тихо постукивая согнутым пальцем по краю миски и зовя: «Пушок, Пушок, ты где?»

Зверек выкатился откуда-то из-под лестницы, сунулся в миску вытянутой мордой, фыркнул и с аппетитом зачавкал, разбрызгивая вокруг белые капли. Феруза нерешительно погладила его по закованной в броню спине, гадая, куда мог подеваться Джай. Ему давно пора объявиться в таверне и потребовать завтрака…

Вместо Проныры в зал спустился проснувшийся Аластор, и Феруза очень быстро напрочь позабыла о своих тревогах. К тому же она собиралась сегодня нанести визит к одной не слишком знатной, но богатой даме, желавшей наилучшим способом устроить свое будущее, а идти туда надо на другой конце города, и туранка совершенно не собиралась проделывать долгий путь в одиночестве.

* * *

Забдар, владелец книжной лавки в начале улицы Ишлаз, оценил принесенный Хиссом и Кэрли фолиант кхитайской работы в восемьдесят империалов. После ожесточенной торговли цена выросла до ста двадцати, но, выйдя из лавки, Хисс продолжал ворчать, призывая в свидетели всех богов и утверждая, будто продешевил и за книгу вполне можно было выручить сто пятьдесят замечательных золотых кругляшков, украшенных хитросплетениями туранской вязи и изображением трех слегка изогнутых сабель. Кэрли вполголоса обозвала приятеля Верховным Жабопоклонником. Это подействовало – Хисс опомнился, пробормотав: «О чем бишь я?..»

Торговца Забдара наверняка интересовало происхождение расписанного золотом и кроваво-красной киноварью бестиария, однако он смог удержаться от расспросов, ехидно бросив на прощание: «Никак дряхлая бабушка оставила в наследство?». «Бабушкиным», «теткиным» или «дедушкиным наследством» именовали любую ценную вещь, происхождение которой владелец предпочитал держать в тайне.

– Куда теперь? – безнадежно вопросила Кэрли, когда парочка компаньонов выбралась на Ишлаз и зашагала вниз по склону холма. – Столько бегали, высунув язык, а книги не нашли.

– Займемся библиотеками при храмах, – как можно увереннее ответил компаньон.

– Так нас туда и пустили, – недоверчиво фыркнула девушка. – Жрецы, как и колдуны, слишком дорожат своими секретами и книгохранилищами, чтобы распахивать их для каких-то уличных проходимцев.

– Допустим, не проходимцев, – оскорбился Хисс. – Я знаю кое-кого из служителей при храме Митры, которые ценят золото не меньше нас, грешных…

– Опять копаться в пыльных архивах? – Кэрли подхватила юбки и нарочито потрясла ими, словно выбивая из складок упомянутую пыль, долженствующую заклубиться вокруг нее серым облаком.

– Предложи что-нибудь другое, – раздраженно откликнулся ее спутник. – Нет, коли тебе надоела возня с книгами, мы можем пойти в «Цветок папируса», отыскать этого Леука и заявить, что работа нам не по силам. Само собой, придется вернуть задаток, а уж какие слухи о нас пойдут – сама сообразишь!..

– Я просто имела в виду, что мы поразительно смахиваем на книжных червей или двух злых библиотечных крыс, – примирительно сказала девушка. – Вместо того, чтобы напрасно кричать друг на друга, пойдем где-нибудь перекусим. Мы наверняка что-нибудь придумаем и отыщем эту треклятую книжку, только я есть хочу. А когда я хочу есть – я ничего толком не соображаю.

– Согласен, – кивнул Хисс. – Выбирай, какую таверну осчастливим нашим присутствием?

Компаньоны огляделись по сторонам. Им не повезло – в этот ранний час на глаза не попалось ни одной гостеприимно распахнутой двери. Только на перекрестке возился около тележки, перебирая свежеиспеченный товар, торговец лепешками.

– Самая свежая крольчатина! – Кэрли заунывно передразнила обычные выкрики уличных торговцев, и ехидно добавила: – Только вчера мяукала. Возьмем на пробу, авось, не отравимся?

Пирожки, согласно шадизарским традициям, обильно начиненные мясом, кусочками сыра и колбасы, щедро пересыпанные горстями пряностей и залитые соусом, иногда вызывали рвоту не только у непривычных гостей Города Воров, но и его коренных обитателей, способных съесть что угодно и в каком угодно виде. Хиссу и Кэрли повезло. Их

покупка казалась на вид вполне приемлемой для желудка и даже – о чудо из чудес! – была завернута в кулек, лихо свернутый торговцем из извлеченного из-под прилавка небрежно оторванного листа пергамента.

– Хорошие манеры проникают даже в наш пропащий городишко, – высокопарно изрекла Кэрли, облизывая пальцы и указывая на пергаментный кулек. – Интересно только, какой несчастный труд завершил свою жизнь, став вместилищем для презренной пищи?

– Это просто пустой листок, – Хисс развернул хрустящий сверток, заляпанный пятнами жира, и показал его с обеих сторон напарнице. – На нем ничего не написано. Кэрли Бар-Азарак, поделись тайной – где ты научилась столь изысканно выражаться? «Презренная пища», надо же!

– Ой, – сдавленно пискнула девушка и, наклонив голову, подозрительно вгляделась в желтоватый обрывок телячьей шкурки.

– Что «ой»? – не понял Хисс.

– Мне показалось… – растерянно начала Кэрли и перебила сама себя: – Нет, не показалось! Смотри!

Выхватив лист, она торжествующе ткнула в проглядывающие сквозь масляные лужицы строчки.

– Этого только что не было! А потом появилось!

– Да? – Хисс наклонил лист так, чтобы на него падало побольше солнечного света. Верная боевая подруга не ошиблась: кое-где на пергаменте (видимо, под воздействием солнца) проступил текст, выполненный безукоризненной рукой опытного писца. Для записи использовались буквы общепринятого на Полуденном Побережье шемского алфавита, похожие на россыпь хитро выполненных крючков, закорючек и петель.

Приятели озадаченно переглянулись и нагнулись над листом.

Ближе к верхнему срезу страницы, там, где обычно размещается название новой главы, красовалась размашисто выполненная желтой и оранжевой красками надпись: «Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак».

– Эй, это ведь мое полное имя! – ошарашено пробормотала Кэрли.

Дальше шли разрозненные обрывки строк и отдельные слова: «На Полуденном Побережье в году Белой Собаки», «так хотела стать чем-то большим», «мир за пределами крохотной деревни Кемиаль, где самым значительным событием в году полагали…» и отчетливо различимая длинная фраза: «Теперь она уверена, что прошлое никогда не вернется и ее надежды рано или поздно сбудутся. Во всяком случае, она собирается приложить для этого все возможные усилия».

– Кемиаль – это где? – чуть заплетающимся языком спросил Хисс. Его приятельница, выглядевшая почему-то слегка испуганной и съежившейся, судорожно дернула плечом, прежде чем ответить:

– Обычная рыбацкая деревушка, от Асгалуна тридцать лиг вдоль побережья Закатного Океана к полуночи. Провинция и глухомань, где меня угораздило появиться на свет. Когда мне стукнуло четырнадцать лет, я сбежала оттуда и отправилась поискать счастья в столице… – она тряхнула головой, приходя в себя, вцепилась в листок пергамента и яростно прошипела: – Откуда кому-то может быть известна моя жизнь?

– Тихо, тихо, – Хисс осторожно забрал у явно потерявшей голову девушки драгоценный лист, а саму Кэрли втолкнул в образованный стенами высокого забора закуток, дабы ее крики не привлекли постороннего внимания. – Для начала постарайся успокоится. Ты заметила,

что сперва листок был совершенно чистым? Слова появились только после того, как я назвал тебя вслух. Что случится, если произнести еще чье-нибудь имя? Например…

– …Лорна! – выпалила Кэрли и жадно уставилась на потрепанный кусочек пергамента.

Шемские буквы словно подернулись тонким налетом серо-золотистого песка. Он засыпал предыдущий текст, закрутился крохотными воронками, на краткое мгновение имя Кэрли сменилось иным, выведенным резкими штрихами бритунийской грамоты: «Лоркана, дочь Хедда, из семьи…», а затем лист свернулся в трубочку и рассыпался пригоршней мелкого шелестящего праха.

– Почему ты назвала Лорну? – Хисс бездумно отряхнул ладони.

– В голову пришло, – Кэрли чуть расширенными глазами, в которых мелькали искорки рассеянного безумия, следила за тем, как крохотный холмик песка разлетается по улице под порывами легкого ветра.

– Стой здесь! – распорядился Хисс и, прячась за выступами стен, устремился к ничего не подозревающему торговцу пирожками, расхваливающему свой товар. Возник у него за спиной, присмотрелся к чему-то и вернулся обратно, доложив:

– В повозке спрятан здоровенный том. Наш приятель выдирает из него листы и вертит из них кульки.

– Мы должны его увидеть! – непререкаемым тоном заявила Кэрли и попыталась выбраться из своего убежища. Хисс мягко запихал ее обратно.

– Ты что, намерена подойти и сказать: «Почтенный, дай-ка мне ту книжечку, что лежит у тебя под прилавком?» – язвительно вопросил он. – А потом закричишь: «Даю сто золотых, только продай ее мне!». Тут и скорбный рассудком догадается, что книга, за которую с легкостью отдают сотню империалов, вполне может стоить и сто пятьдесят, и пятьсот, и сколько угодно.

– Тогда как нам быть? – Кэрли преданно взглянула на напарника, зная, с какой легкостью в его изобретательной голове рождаются замыслы обведения ближних своих вокруг пальца.

– Причешись. Выпрямись. Поправь юбку, – распорядился Хисс. – Ты… – он задумался, потом размашисто кивнул. – Ты Юнра Тавилау, дочка Аземы Тавилау, главы книготорговой гильдии Шадизара, запомнила? Старого Азему знают все, хотя бы понаслышке.

– Юнра Тавилау, – послушно повторила Кэрли. – Дальше что?

– Дальше ты идешь к лавке, покупаешь пирожок, с отвращением грызешь его и между делом заводишь вежливый разговор о том, почему это уважаемый торговец настолько не испытывает трепета перед рукописями, что заворачивает в них свои дурно сляпанные лепешки. Заставь его показать тебе книгу, которую он прячет под прилавком. Если боится, пусть показывает, не выпуская из рук. Ты внимательно посмотришь, выразительно ахнешь и скажешь, что, возможно, это легендарный седьмой том «Исторических заметок» Фивана Герия Аквилонского, но ты не уверена. Вот если бы книгу увидел твой высокоученый папочка… Плети какую хочешь чепуху, главное – вымани его с улицы вон в тот проулок.

– И?

– И будь готова в случае чего бежать быстро и далеко.

– Уж это тонкое искусство я давно освоила, – вздохнула Кэрли.

* * *

Торговца пирожками звали Мизиль. Читать он не умел, считать – ровно до тридцати, ибо его выручка никогда не превышала этой скромной суммы, про Азему с Ишлаза слышал от своего двоюродного брата, водоноса на Каменном Рынке, и свято чтил Первый закон Шадизара – «никому не доверяй».

Впрочем, Юнра Тавилау выглядела безобидной девицей, слегка помешанной на книгах, и в своих речах была весьма убедительна. От волнения она постоянно теребила вырез блузки, без того превышающий обычные представления о скромности, и Мизиль со смешком подумал, что месьор Тавилау, должно быть, не слишком озабочен надлежащим воспитанием дочери.

Однако при своей неграмотности Мизиль не мог пожаловаться на отсутствие здравомыслия. В этой книге, которой так интересуется молодая госпожа, ровным счетом ничего не написано. Да-да, можете сами посмотреть и убедиться. Совершенно пустая книга. Где он ее взял? Странная такая история приключилась. Хотите пирожок? С черносливом? Или лучше с изюмом?

Так вот, книгу эту Мизиль честно купил ровно за пять серебряных талеров у свояка, что служит в таможенной охране на Карпашских воротах. К свояку же книжка угодила вовсе диковинным промыслом. Слышали, недавно задержали гномский караван, под завязку наполненный краденым людским добром? Свояк как раз в карауле стоял, когда это все происходило. Пока то, пока се, господин верховный дознаватель бегает, распоряжается, гномы вопят, кого-то ловят, фургоны досматривают, стражники, не будь дураки, прихватили себе кое-чего по мелочи. Свояк вот сцапал вазочку чеканного серебра, кинжал кривой, с бирюзовыми накладками, и вот эту книгу. Думал продать кому-нибудь на Ишлазе. Глянь – в книге-то одни пустые странички. Кто такую возьмет? Разве что Мизиль, пирожки заворачивать. Жалко, конечно, хорошую вещь не надлежащим образом использовать. Обложка наверняка старинная – кожа черная, потрескавшаяся, и замочки бронзовые позеленели. Но кульки из страниц накручиваются замечательно – пергамент хороший, плотный…

Поскольку Мизиль напрочь не желал покидать уютное место за тачкой с пирожками, в действие вступил план, условно называемый «Помогите заблудшему».

Кто-то хлопнул увлеченно рассуждавшего торговца по плечу. Некий житель славного города Шадизара заплутал в квартале Сахиль и желал бы узнать, где находится Кривоколенный переулок. Мизиль и Кэрли, перебивая друг друга, принялись объяснять. К ним немедля присоединились проходивший мимо медник, старьевщик с полной корзиной тряпья, мальчишка-посыльный и торговка яблоками. Когда же шумный спор завершился и его участники разошлись, Юнра Тавилау ушла своей дорогой, искавший дорогу незнакомец – своей. Мизиль покатил тележку дальше, но, намереваясь обслужить очередного покупателя, внезапно обнаружил, что толстая книга в черном переплете претерпела чудесные изменения. Теперь ее от начала до конца заполнял текст, перемежаемый непонятными картинками, изображениями пентаграмм и диковинных созданий. Мизиль поскреб в затылке, без труда догадавшись, что книгу подменили. Только зачем? Почему просто не украли?

Не найдя ответа, он следующим же вечером продал книгу с пентаграммами в книжную

лавку на Ишлазе, выбрав ту, что казалась побогаче.

Книга стоила ровно сто золотых империалов. Мизиль никогда не видел и не держал в руках такой суммы, но распорядился ею вполне разумно – приобрел хлебную лавку, с намерением стать из презираемого уличного торговца достойным купцом.

Спустя пять лет он добился желаемого.

* * *

Застежки книги имели вид сомкнутых человеческих рук, и открывались без всяких усилий. Хисс пролистал книгу от начала до конца, убедившись, что торговец сказал чистую правду – на чуть шершавых страницах не имелось ни одной буквы, ни единой строчки. Только еле заметный мелкий песок, забившийся в переплет да порой слетающий с переворачиваемых страниц.

– Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак, – отчетливо произнесла Кэрли, смотревшая через плечо приятеля.

Книга, лежавшая в развернутом виде на коленях у Хисса, зашелестела – еле различимый шорох пробегающего по выгоревшей сухой траве ветра. Страницы трепетали, медленно поднимаясь, изгибаясь и перекладываясь на другую сторону. Фолиант листал сам себя – от середины к концу, пока не остановился на нужном месте. Золотистые песчинки заплясали по изначально пустой странице, начавшей постепенно заполняться словами, словно кто-то невидимый старательно выписывал букву за буквой, фразу за фразой.

Компаньоны заворожено читали:

«Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак. Родилась в третий день второй летней луны в шемской деревне Кемиаль на Полуденном Побережье в году Белой Собаки, по аквилонскому же счету – в 1244. Рожденная в большой и не слишком процветающей семье, ненавидела две вещи – нужду и безвестность, однако именно они неотступно преследовали ее в первые годы жизни. Ее ждала судьба всех деревенских девочек: хлопоты по дому, торговля на рыбном рынке, замужество с человеком, выбранным семьей, рождение детей, воспитание потомства и скорая смерть под грузом обыденных забот. Однако маленькая Кэтерлин-Нирена хотела стать чем-то большим, нежели ее приятельницы. Ее тянул к себе огромный мир за пределами крохотной деревни Кемиаль, где самым значительным событием полагали ежегодную ярмарку в Дни Осеннего Прилива или поездку к родственникам в близлежащий городок Тариат.

В четырнадцать лет Кэтерлин-Нирена бежала из дома вместе с проезжим караваном, направлявшимся в Асгалун. Она сумела расположить к себе жену старшего караванщика и нанялась к ней служанкой. До пятнадцати лет Кэтерлин-Нирена (взявшая себе имя Нира) прожила в Асгалуне, учась всему, что положено знать благовоспитанной девице и надеясь обрести свое счастье в замужестве с состоятельным человеком. Так Нира познакомилась с Аборланом Бар-Иццком, приказчиком богатой торговой артели «Гамилькар», убедившим ее помочь в изготовлении поддельных заемных писем артели. Обманом заполучив сумму в двести сорок пять золотых шемских сиклей, Нира рассталась со своим поклонником, сменила имя, став девицей Линной, и в начале 1260 года по основанию Аквилонии открыла

собственное дело…»

– Лавку по торговле тканями, – Кэрли протянула руку, звякнув медными браслетами и перелистав несколько страниц, – я продержалась ровно три луны, потом мой промысел прогорел. Я продала лавку и занялась поисками своего места в мире. Была содержанкой, нянькой у детей одной весьма милой дамы, шлюхой в портовой таверне, создательницей фальшивых векселей, подружкой аргосского корабельщика – он увез меня из Асгалуна в Мессантию – актрисой в уличном театре, воровкой… Сумела вместе с дружком пристроиться служанкой во дворец Дожей, откуда мы стянули местную достопримечательность, сапфир «Морская Дева», продали его зингарскому перекупщику, едва не попались и разбежались по разным странам…

Кэрли говорила все быстрее и быстрее, и Хисс понял, что сейчас его напарница либо закатит истерику, либо ударится в горькие слезы по своей нескладной судьбе.

– Кому сейчас легко? – философски вопросил он, прервав неожиданную исповедь девушки. – В конце концов, ты отчасти добилась своего. Ты не бедствуешь, тебя знают и уважают, у тебя даже есть друзья – чего еще желать?

– Ну… наверное, – растерянно согласилась Кэрли и опасливо покосилась на книгу.

– Не наверно, а точно! – убежденно заявил Хисс. – Поэтому не вздумай хныкать. Давай лучше посмотрим, что за чудо нам досталось.

Он распахнул фолиант на титульном листе – нетронутом, бледно-желтоватом – озадаченно почесал кончик носа и нерешительно спросил:

– А как зовут тебя? Именно тебя, книгу? Кто тебя написал?

По пергаменту с шорохом пронеслась неразличимая человеческим глазом волна, оставив после себя три броских слова, начерченных алыми и золотыми буквами: «Россыпь сочтенных песчинок». В нижней трети страницы возник искусно выполненный тонкими линиями рисунок – круг солнечных часов, стрелка в виде устремленного к небу меча, отбрасываемая ею золотая тень почти достигла полудня.

Кэрли шумно сглотнула.

– Я сплю, – шепотом произнесла она.

– И тебе снится кошмар, – поддержал Хисс. – Причем этот кошмар вижу и я. Хватит смелости спросить еще про кого-нибудь?

– Малыш, – брякнула девушка.

Книга осталась неподвижной.

– Не работает! – искренне огорчилась Кэрли.

– Может, ей нужно не прозвище, а настоящее имя? – предположил Хисс. – Как на самом деле зовут Малыша? Он говорил, какое-то короткое варварское имечко…

– Конан, – вспомнила девушка.

Страницы ожили, поспешно сменяя одна другую. Фолиант добрался по последней трети и замер. Невидимая рука густо обмакнула кисть в темно-синюю краску, выведя в начале листа буквы, похожие на нордхеймский рунический алфавит, напоминавший набор прямых линий, перечеркнутых направленными в разные стороны ветвями. Из букв сложилось требуемое имя, «Конан Канах», затем заструился текст, написанный на аквилонском:

«Он родился в 1249 году в горах Киммерии, во время зимнего новолуния, в маленьком, затерянном среди ущелий и долин селении Гленнах, в семье кузнеца. Его воспитателями были и остаются непогода, кулак и меч, а силой, толкающей вперед – собственное любопытство. Он стремится получить от мира все и готов платить за знание всем, что у него

есть. Пройденная им дорога пока коротка, однако на ней уже нашлось место и смертям, и потерям, и победам, и поражениям. Сейчас он обитает в Шадизаре, и этот город станет для него местом начала новой жизни – яркой, как вспышка далекого костра в ночи».

– Коротко и емко, – заметил Хисс. – Значит, Малышу действительно всего пятнадцать от роду. Однако тут почему-то не сказано, с какой радости он покинул свои родные горы и что с ним происходило, пока он не добрался до Шадизара.

– Значит, имелась веская причина, – отмахнулась Кэрли, вошедшая во вкус. – Давай попробуем еще разок! Похоже, в этой книге записано все про всех! Ну-ка… Кодо!

Незамедлительно выяснилось, что подлинное имя Ночного Кошмара – Коддрак Сиверн и ему ровно тридцать пять лет. Книга описывала Кодо как человека, пытающегося никому не показывать своей внутренней сущности и старающегося казаться намного хуже, чем он есть. Перечислялись вершины, взятые Кодо по пути «наверх»: предводитель уличной шайки подростков, вышибала в таверне «Красный бык», охранник лавок на Каменном рынке, вначале приятель, затем помощник одного из людей Назирхата уль-Вади, нынче – глава маленького отряда по сбору налогов с жителей квартала Нарикано в пользу уль-Вади и правая рука старшины квартала. Также говорилось о том, что Кодо Ходячий Кошмар втайне от своего покровителя оказывает постоянную поддержку обществу «Друзья Нуждающихся» и на его средства содержится приют для брошенных детей, расположенный в квартале Сахиль, Нижний Боенский проезд, второй дом по правой стороне.

– Кодо и «Друзья Нуждающихся»? – Кэрли показалось, что ей изменило зрение. – Кодо и благотворительность? Никогда бы не подумала… Может, это он в память о бедном детстве?

– Жутковатое творение, – Хисс потянулся закрыть фолиант, но, не выдержав искушения, произнес: – Аластор!

«Аластор Кайлиени, появился на свет в 1238 году в Шеме, место рождения находится на караванной дороге между городами Шушан и Эрук. Мошенник по призванию, авантюрист по складу характера, вор – из тяги к острым ощущениям. Нынешнее место проживания – Шадизар», – неожиданно кратко отозвалась Книга. Незримый писец мгновение поразмыслил и добавил: – «Честолюбив, азартен, одинок, мечтает обзавестись семьей, привязан к своим друзьям, имеет большой круг врагов, однако не мстителен».

– Немного, – с сожалением сказал Хисс. – Я-то рассчитывал узнать, каким образом он умудрился проникнуть в недосягаемые кладовые торговых домов Ианты…

– Интересно, если назвать имя человека, живущего не в Шадизаре, каким будет ответ? – задумчиво произнесла Кэрли. – Или, допустим, спросить про кого-нибудь, кто уже умер? Ой, как думаешь, что напишет Книга, если назвать имя кого-нибудь из богов? Давай попробуем!

– Не рискуй по пустякам, – нарочито сердитым тоном проворчал Хисс, однако неугомонная подружка уже наклонилась над Книгой, проговорив:

– Иштар!

Над страницами взмыл крохотный песчаный вихрь, сложившийся в ярко-красные, трепещущие пламенем буквы, наискось перечеркнувшие лист:

– «Никогда не задавай вопрос, если не уверена, сможешь ли осмыслить ответ!»

– Получила? – ядовито спросил Хисс, когда напарница, сдавленно вскрикнув, отпрянула назад. – Совершенно правильно сказано – не лезь туда, где ничего не смыслишь.

Кэрли обиженно надулась. Ее приятель задумчиво перебирал пустые листы, на самом деле хранившие в себе жизнеописания множества людей, и вполголоса напевал обрывок неведомо как запавшей ему в память песни:

Катись, моя кибитка,
По лезвию ножа.
Холщовая накидка,
Песчаная скрижаль.
Пока еще трубит призывно рог,
Пока что живы имена и лица,
Читайте в колеях больших дорог
Скрижалей наших пыльные страницы…[1]

– Хисс, – окликнула Кэрли, – как полагаешь, этот Леук – кто он такой? Колдун? Он ищет книгу для себя или для кого-то? Не содрать ли нам с него побольше, раз он такой богатый? Хисс? Что с тобой?..

Книга встрепенулась. С шорохом опадающих осенних листьев захлопали переворачивающиеся страницы, пока не открыли коричнево-зеленую надпись и строгие линии немедийских букв:

– «Хэлкарс фон Целлиг, седьмой барон Альстейнский.

Родился в двадцать восьмой день Первой весенней луны 1240 года в Альстейне, фамильном поместье, расположенным в краю Соленых Озер Немедии. С начала 1257 года находился в Бельверусе, служа при королевском дворе оруженосцем старшего брата. После рыцарского посвящения благодаря незаурядным способностям был замечен герцогом Лавароном, главой Вертрауэна, тайной немедийской службы, и перешел под его руку, став помощником хранителя Большого архива.

Весной 1261 года был уличен в прелюбодейской связи с графиней Ориенной ди Илькар и на поединке чести убил ее законного супруга. В это же время месьор Лаварон установил, что барон фон Целлиг, обремененный игорными долгами и содержанками, перепродает тайны Пятого Департамента аквилонским лазутчикам. Опасаясь мести герцога, Целлиг бежал на Восход, укрывшись в столице Заморийского протектората, городе Шадизаре. Там его дважды (третья осенняя луна 1261 года и первая зимняя луна 1262 года) настигали посланники Вертрауэна, от которых он сумел избавиться.

Летом 1261 года Суд Высшей Палаты приговорил фон Целлига к лишению права ношения герба и удалил его имя из списков немедийского дворянства. В настоящее время Хэлкарс фон Целлиг известен как мошенник Хисс Змеиный Язык».

– Это правда? – Кэрли растерянно моргнула. – Хисс, это правда?

– Совершеннейшая, – чужим, заледеневшим голосом отозвался Хисс. Он разжал руки и тяжелая книга упала, распластавшись на теплых камнях мостовой Шадизара. – От первого до последнего слова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Храм неудачников

Во всем Шадизаре не нашлось бы человека несчастливее, чем неприметная с виду девица по имени Ильха Нираель.

Она принадлежала к тем удивительно бесталанным созданиям, которым от рождения предугадано спотыкаться на ровном месте, опаздывать на любые встречи, пытаться входить в запертые двери и с лучшими побуждениями встревать в глупейшие истории.

У нее никогда не получалось довершить начатое до конца или толково выполнить порученное. Она и жизнь-то свою не могла наладить – вечно доверялась не тем людям, теряла чужие деньги, связывалась с заведомыми мошенниками и по неосторожности выбалтывала доверенные секреты. Она отчаянно старалась быть такой, как ее двоюродные сестренки, но проходил день-другой – и сшитое ею платье расползалось по швам, а выпеченный пирог оказывался несъедобным. Ее ставили за прилавок с фруктами – и обнаруживали недостачу, ибо девчонка либо отпускала в долг, либо путалась с расчетами. Сажали вышивать бисером, но нитки в ее руках тут же превращались в клубок змей, а бусины злонамеренно раскатывались по комнатам. Доверенные ее попечению соседские дети непременно обжирались зеленых груш или убегали со двора, оказываясь под колесами проезжавшей мимо телеги.

Ильха взирала на творимые ею разрушения в детстве – с тихим отчаянием, повзрослев – со смирением. Ни она сама, ни ее знакомые не могли понять, отчего девочку преследуют разнообразные несчастья. Воспитывавшая Ильху тетка со знанием дела утверждала, что у племянницы просто-напросто руки воткнуты не тем концом и голова набекрень. В точности как у покойной матушки. Не говоря уж про папашу, славного неизменными проигрышами в любые азартные игры – от простейших «трех скорлупок» до запутанного туранского ак-чиграка.

К совершеннолетию Ильхи семейство Нираель с горечью признало: оно породило истинную неудачницу. Неудачницу во всем, от хозяйственных дел до внешности. Природа вроде бы не обделила девушку, однако не позаботилась расположить ее черты в надлежащем согласии. С первого взгляда Ильху называли «миленькой», со второго же замечали, что рот у нее крупноват, нос слишком велик, скулы остро выдаются вперед, а края глаз скошены вниз, придавая лицу навечно застывшее выражение растерянного удивления. Вдобавок девочка выросла сухопарой и напрочь лишенной женской грации.

Устав подсчитывать убытки от приносимых ею неурядиц и вконец отчаявшись спихнуть эдакое чудо замуж, семья выставила Ильху за дверь. Ради приличия девушку снабдили небольшой суммой золотых монет и устроили на работу в прачечную, рассудив, что в таком ремесле трудно что-либо испортить.

Как бы не так!

На следующий же день горевшая стремлением показать себя с наилучшей стороны Ильха опрокинула лохань с горячим настоем ивовой коры, ошпарив ноги трем оказавшимся поблизости прачкам и безнадежно испортив отданные в стирку кружевные наряды богатой куртизанки Риретты.

После надлежащего скандала Ильху, само собой, рассчитали.

Подобные истории повторялись всюду, куда бы судьба не забрасывала невезучую девицу из старинной шадизарской семьи Нираелей.

Став танцовщицей в таверне «Золотой павлин», Ильха в один из вечеров поскользнулась, потеряла равновесие и приземлилась точнехонько на стол, за которым закусывали грозный Назирхат уль-Вади и его гости. Будучи служанкой в доме процветающего ростовщика Фаракеша, разбила драгоценную вазу аргосского цветного стекла. Ее выпороли, но простили. Ильха, отчаянно пытаясь убедить хозяев в своей полезности, по недосмотру смахнула на пол серебряную монетку достоинством в один дебен – талисман Фаракеша, с которого начали складываться его богатства. Закатившуюся в щель между половицами монету искало все семейство, слуги и домочадцы, но так и не нашли. Почтенного ростовщика хватил удар. Ильха Нираель снова очутилась на улице – без денег и без маленького сундука с личными вещами.

Девица оказалась упрямой, снова и снова пытаясь совладать со своей невезучестью. Однако хрупкие предметы в ее руках продолжали ломаться, тарелки и кружки неумолимо падали на пол, вино лилось мимо чаши, отданные взаймы деньги не возвращались, края одежды неумолимо цеплялись за торчащие гвозди, а время шло.

Ильхе Неудачнице, как ее звали в глаза и за глаза, стукнуло двадцать три года. Надежды угасали, как угольки в залитом водой костре. Девица Нираель прозябала, с горем пополам занимаясь древнейшим женским ремеслом. Здесь ей тоже не везло. Более нахальные красотки отбивали клиентов, дружки-покровители отбирали выручку, которой и без того насчитывалось маловато, а сообразительные охотники до дармовщины быстро смекнули, что, коли поведать Ильхе душещипательную и трогательную историю, всегда можно рассчитывать на ее сочувствие и бесплатную ночку.

Две луны тому небеса смилостивились, решив дать Ильхе последнюю возможность проявить себя. Дружок пристроил ее в веселый дом на Ак-Сорельяне. Конечно, это был не «Алмазный водопад», всего лишь скромный приют радости в нижней части улицы Соблазнов, но Ильха воспрянула разочарованной душой и преисполнилась решимости на сей раз не ударить в грязь лицом.

Седмицу назад хозяйка заведения с грохотом распахнула дверь крохотной комнатушки, отведенной новой девице, и громогласно объявила – с нее довольно! Видит Иштар, она честно пыталась относиться к этой ошибке богов с пониманием и снисхождением. Однако человеческое терпение имеет пределы! Здесь приличный бордель, а не благотворительное общество! Она, достопочтенная Марша Хин, не намерена и впредь содержать за свой счет никчемную девчонку со сворой ее прихлебателей! Приличных посетителей в этот хлев силком не затащишь, зато всякие бездельники таскаются, как к себе домой! Нашептывают великовозрастной дурочке в уши сказочки о своей пропащей жизни, а та, окончательно ополоумев, кормит их, ссужает деньгами и обслуживает задарма!

– От тебя никакой пользы! – завершила обличающую речь госпожа Марша. Ильха понятливо вздохнула и принялась собираться.

Дружок, к которому она явилась с горестной новостью об изгнании с Ак-Сорельяны, сказал то же самое:

– Да ты, смотрю, вовсе спятила? Я бегаю, как осел со стручком перца в заднице, хлопочу, отсыпаю этой жирной сволочи Марше полный кошель империалов, чтобы тебя приняли, а ты вот как решила отблагодарить за заботы?

– Но я… – робко заикнулась Ильха.

– Сгинь! – потребовал бывший сердечный друг. – И больше мне на глаза не попадайся!

Ильха ушла – что ей оставалось делать? По здравому размышлению впереди ее ожидало тусклое существование сначала в роли дешевой уличной проститутки, затем опустившейся стареющей нищенки. Все ее земное имущество составлял кривобокий сундук с потрепанными нарядами, три серебряных талера да прикормленный за время жизни в заведении черный в рыжую полоску тощий кот, прозванный ею Тиллем. Однажды Ильха видела редкую стигийскую монету подобного наименования, где на оборотной стороне восседала надменная кошка в короне. На морде Тилля иногда появлялось схожее выражение, особенного если ему удавалось стащить у уличного разносчика кусок мяса или куриную ножку.

– Что будем делать? – спросила она у кота. Собратья по несчастью сидели на продавленной крышке сундука, а сам сундук торчал на задворках недосягаемой отныне улицы Соблазнов. Зверь, разумеется, не ответил, занятый тщательным вылизыванием ободранного в драках хвоста. Ильха почесала его за ухом, дернула себя за кончик жидковатой косы тусклого коричного оттенка, и тоскливо задумалась.

Снова становится шлюхой она не хотела. Падать в ноги родственникам? Выгонят. В лучшем случае – дадут немного денег. Идти к Каменному рынку, где устроена площадка для ищущих наемной работы, встать там и покричать: «Не нужна ли кому служанка с дырявыми руками и бестолковой головой?»

Она знала место, где, возможно, ее примут без лишних вопросов. Большая митрианская обитель на полуночной окраине города. Что ж, быть послушницей не так уж плохо. Крыша над головой, еда, а с порученной ей работой она как-нибудь справится. Огород вскапывать или, скажем, полы мыть. Иное дело, что Ильху совсем не привлекала жизнь в четырех стенах обители, черное мешковидное облачение и полное отсутствие каких-либо радостей.

– Хоть вешайся, – безрадостно поделилась с котом девица Нираель. Тилль открыл пасть, издав хрипло-согласное «Мяу!».

Идею повеситься Ильха тоже отвергла. Во-первых, ей говорили, что это очень больно. Во-вторых, она здраво предположила, что с ее удачливостью наоборот либо веревка оборвется, либо сломается ветка, к которой она привяжет эту самую веревку, либо выяснится, что она неправильно затянула узел и ей выпадет уныло барахтаться в воздухе под жизнерадостный хохот зевак.

Представив себе эту картину, Ильха вздрогнула.

– Нет, так на Пустые Равнины я добираться не стану, – заявила она коту. – Я знаю, что сделаю! Пойду и напьюсь! Вдрызг!

Втайне Ильха надеялась, что ее неудачливость тут окажется полезной. Ведь, будучи пьяной, она вполне может упасть в канаву и захлебнуться. Или ее подвернуться под руку ссорящимся ворам. Или… Мало ли что может произойти в таком городе, как Шадизар?

Правда, тут ее ждала новая трудность. Желудок Ильхи напрочь не выносил дешевых туранских и шемских вин, соглашаясь принимать лишь сладкие офирские настойки, стоившие не меньше талера за кувшин. Трех кувшинов наверняка не хватит. Поколебавшись, Ильха слезла с сундука, согнала кота и принялась рыться в тряпках. Выбрав наиболее хорошо сохранившиеся платья, небрежно связала их в узел и отправилась на поиски старьевщика. Кот вприпрыжку побежал следом. Сундук остался стоять нараспашку.

* * *

Ей приснился кошмар – она сорвалась с вершины отвесной скалы, но, вместо того, чтобы разбиться о торчавшие внизу камни, полетела вверх и упала в непрерывно вращающийся облачный водоворот. Ее мотало и швыряло из стороны в сторону, так что голова грозила вот-вот оторваться, а где-то неподалеку раскатистый голос вещал о мирах, странствующих по глади небесных сфер и пылающих вечных звездах.

– Ой, да заткнись ты! – пробормотала Ильха, просыпаясь и осознавая, что ей снова не повезло. У нее жутко болела голова, урчало в животе и, как это не печально, она оставалась в мире живых. – У человека похмелье, а всякие недоумки вопят тут над ухом…

Встав на четвереньки, она поползла куда-то и врезалась головой в некую преграду.

– Вот и звезды, – уныло признала Ильха, когда перед глазами весело замельтешили разноцветные искорки. Она села, привалясь к стене. Вокруг стояла темнота – то ли непроглядная ночь, то ли она забралась в какое-то неосвещенное помещение. – Единственные звезды, которые я видела в своей жизни. Забавно, правда? Прожить на земле двадцать с лишком лет, ни разу не задирая головы к небу. Чего там хорошего, в этом небе? Если не солнце до одурения, то солнце до ослепления. И дождей у нас не бывает. Почти не бывает.

Она не понимала, к кому обращается – к себе, к наверняка потерявшемуся Тиллю или к приснившемуся голосу. Просто ворчала вслух, тихо страдая и перебирая совершенные оплошности.

– И так всегда! Дзин-нь – и нету у старого скряги чаши ценой в сто золотых. Почему? Одна благонамеренная дурочка хотела вытереть с нее пыль. Дзин-нь – и у расфуфыренной дамочки нет лучшего наряда. Потому что кое-кто, пытаясь всего лишь пришить тесьму, ненароком уронил сей наряд в чан с помоями, представляешь? Дзин-нь – и кто-то вылетает на улицу, ибо по доброте душевной, но скорее по глупости тянет на своей шее дармоедов, которым самим лень почесаться… Чего говорить! – она в отчаянье махнула рукой. – Одно слово – пропащая неудачница. Да-да, – она попыталась выпрямиться и гордо задрать подбородок. – Я именно такая! Я, Ильха Нираель из Шадизара, самая большая неудачница в мире! Эй, где здесь выход?

Голова прояснилась. Ильха сообразила, что сидит в углу какой-то крохотной узкой каморки с необычно высоким потолком. Слева от нее виднелась неширокая стрельчатая щель, через которую просачивались косые солнечные лучи – дверца или окно. Пол помещеньица, насколько разглядела изрядно растерянная девица, складывался из чередующихся плит черного и белого камня, стены – гладкие, полированные, тоже каменные. Куда это ее занесло? На подвал непохоже, на тюремную камеру – тоже. Надо выбираться, пока никто не заметил и не выгнал. Еще окажется, что ее с пьяных глаз занесло, скажем, на Кладбище-под-Платанами, и она славно переночевала в чьем-то фамильном склепе.

Едва не застряв в проеме, Ильха вылезла наружу. Огляделась. Увидела заросший лопухами и полынью пустырь, парочку бродящих вокруг колышка коз, крыши спрятавшихся за глинобитными заборами приземистых домиков. Очертания просевшей городской стены. Окраины на полуночном восходе, задворки кварталов Нарикано или Менжди.

– Мяу! – из-под лопухового листа высунулась недовольная морда Тилля.

– Как ты сюда попал? – изумилась Ильха. – Что, так и ходил за мной? А какой сегодня день, хотелось бы знать?

Она повернулась, дабы узнать, что послужило ей приютом. Увидев, растерянно подняла брови и склонила голову набок. Недоверчиво присвистнула сквозь зубы. Осторожно потрогала пальцем холодную кладку.

Перед ней возвышалось нечто, смахивающее на часовню или маленький придорожный алтарь в честь кого-то из божеств. Сооружение высотой в два человеческих роста, вырубленное из блоков черно-синеватого с серебристыми прожилками камня. По углам – четыре витые колонны дымчато-серого хрусталя или стекла. Остроконечная черепичная крыша цвета мореного красного дерева. На самой маковке горит ослепительно блестящий тонкий шпиль. Единственный проход – тот, через который вышла Ильха – обрамлен плоскими колоннами и украшен строгим портиком. На фронтоне что-то вырублено.

Донельзя удивленная девушка подошла поближе и встала на цыпочки, чтобы рассмотреть символ. Глаз. Выпуклый, широко распахнутый глаз. Вместо зрачка вставлен граненый плоский камешек, отливающий густыми винно-красными бликами.

Тилль безмятежно почесал растопыренные усы о бордюр в нижней части колонны. Ильха несколько успокоилась. Раз животное не боится, значит, в этой диковинной штуке не заключено никаких злых сил. Но кому пришла в голову сумасбродная мысль возвести посреди пустыря капище? Да еще посвященное непонятно какому божеству из бесконечного пантеона Материка?

Из любопытства Ильха обошла часовню по кругу, наткнувшись на еще одну загадочную вещь – кое-где возле фундамента росли маки невиданного темно-фиолетового, почти черного цвета. Девушке стало жутковато. Изящное строение из черного мрамора смотрелось посреди обыденного пустыря дико и непривычно. Допустим, как если бы слоняющиеся вокруг козы начали рычать или на городскую площадь шлепнулся огнедышащий дракон.

– Спасибо за ночлег, а теперь я пойду, ладно? – нерешительно обратилась она к глазу на фронтоне и осторожно попятилась.

Каменные веки внезапно дрогнули. Верхнее резво соскользнуло вниз по выпуклому зрачку, поднялось обратно и повторило это действо несколько раз, в точности уподобясь моргающему спросонья человеку.

Ильха ойкнула и плюхнулась в жесткую траву. Ей стоило бы по-настоящему испугаться, а она ощутила невероятное облегчение. Все встало на свои места. Наконец-то ей хоть раз в жизни что-то удалось! Она напилась и у нее наступила белая горячка. Ей мерещится. Ничего страшного. Пройдет.

Поэтому девушка без всякого испуга, но даже с интересом смотрела, как глаз, изучая окружающий мир, вращается туда-сюда, как искрится драгоценный зрачок, то заслоняемый веком, то вновь открывающийся. Кот тем временем обнаружил проход внутрь часовни, старательно принюхался, но войти не решился.

Проморгавшись, темно-алый Глаз уставился на Ильху – как ей показалось, вопросительно. Та глуповато хихикнула и помахала ему рукой.

– В небытии не обретешь бытия, пребывая во мраке, не познаешь света, – внушительно изрек голос, признанный Ильхой за тот самый, что слышался ей во сне.

– Только не надо опять все сначала, – недовольно скривилась девушка. – Это я уже слышала. Ясные звездячки, небеса в огне и… – она нахмурилась, вспоминая проповедь из кошмара, – ага, про вечное сражение мрака и света тоже не стоит. Я этого не понимаю и,

честно говоря, мне наплевать на свет, тьму и ихние драки. Да! – в доказательство слов она размашисто кивнула и пожалела: – Я думала, белая горячка – это интереснее. Ладно, голос непонятно откуда и живой глаз из камня тоже сойдут. Скажи еще чего-нибудь, только не слишком заумное, а?

– Ты, дитя, полагаешь меня плодом своего воображения, возбужденного излишним потреблением горячительных напитков? – интонация Голоса сменилась с возвышенно-отрешенной на ироническую.

– Конечно! – радостно согласилась Ильха. – Часовни не разговаривают. Если же разговаривают, значит, перед нами чудо или какая-то хитрость жрецов. Чудес я не стою, да и устраивать ради меня такое представление не будут. Значит, ты мне кажешься. Или?.. – она попыталась встать, дабы получше осмотреть фундамент здания, но снова шлепнулась на землю. – Или там кто-то прячется? В подвале? Вылезай! Нечестно обманывать бедную пьяную женщину!

– Пить, между прочим, вредно, – наставительно заметил Голос.

– Без тебя знаю, – огрызнулась Ильха. – Так ты есть или тебя нет?

– Смотря что понимать под словами «есть» и «нет», – задумчиво откликнулся Голос. Глаз снова моргнул и слегка развернулся, чтобы лучше видеть собеседницу. – Я осознаю себя как разумное создание, но, скажем, затрудняюсь определить свое место в пространстве и времени. Ты, надо полагать, видишь перед собой предмет, изначально относимый твоими сородичами к разряду неодушевленным, и потому не в силах принять мысль о том, что таковой предмет способен… Погоди, как ты определяешь и называешь сама себя? Или, допустим, вон то маленькое создание, которое пребывает на грани моего видения?

– Я человек, – уверенно сказала Ильха. – Женщина. Меня зовут Ильха Нираель. А он – кот. Домашнее животное. Тилль, брысь оттудова!

– Какова разница между существами, обозначаемыми тобой «человек» и «животное»? – мгновенно подбросил новый вопрос Голос. Ильха смирилась с тем, что он – не ее выдумка, и старательно задумалась, пытаясь ответить поточнее.

– Та-ак… Я, которая человек, умею разговаривать с себе подобными, думать, воображать, придумывать то, чего на самом деле нету, заранее представлять свои поступки… э-э… что еще? Ах да! – она вспомнила подхваченную где-то фразу, показавшуюся ей чрезвычайно умной и загадочной: – У меня есть душа и разум, я могу чему-то научиться. Оно, животное, имеет только данные от рождения умения и никак их не развивает. Оно простое. Его кошачий дедушка ловил мышей, и прадедушка ловил мышей, и пра-пра-предок ловил мышей, и он будет ловить этих мышей тем же самым способом, вот! А человек может придумать мышеловку, чтобы…

Ильха остановилась перевести дыхание. Никогда раньше ей не приходилось так много и быстро соображать, причем не на простенькую тему, сколько и чего купить, да еще укладывать неподатливые мысли в слова.

Голос ничего не ответил. Глаз опять моргнул. Тилль, поняв, что хозяйка застряла тут надолго, мяукнул, сел и принялся мыть лапой морду.

– Ты чего все время моргаешь? – по-хозяйски осведомилась Ильха.

– Песок ветром заносит, – как-то растерянно отозвался Голос.

Девушка решительно сорвала лист лопуха побольше, встала, забралась на приступку колонны и, дотянувшись, старательно вытерла окружность Глаза от налипших песчинок. Рубиновый зрачок удивленно скосился на нее. Ильха присмотрелась и заметила в глубине

багрового кристалла мерцающие и плавно перемещающиеся с место на место серебристые искорки.

– Я думаю, ты какой-то дух, – заявила она, спрыгнув на землю. – Дух, загнанный либо в эту часовню, – она звонко шлепнула ладонью по холодной стене, – либо в тот камень, которым ты смотришь.

– Что такое «дух»? Нечто общее с тем, что ты называешь «душой»?

– Ну… Духи – они вроде как боги, только не такие могущественные. Ты какое-нибудь чудо можешь сотворить? Скажем, превратить вот этот лопух, – она подняла скомканный зеленый лист, – в золотой? Или сделать так, чтобы Тилль вырос до размеров тигра?

– Наверное, нет, – после долгого раздумья признал Голос. – Зачем тебе понадобилось чудо, дитя?

– Да не мне! – удивилась бестолковости обитающего в черной часовне духа Ильха. – Тебе! Ты хоть представляешь, где находишься и на что похож?

– Признаться, пока не очень…

– Ты торчишь на пустыре городка под названием Шадизар, что в стране Заморе, – терпеливо растолковала девушка, присаживаясь напротив узкой двери. – С виду ты – капище из темного мрамора. На макушке у тебя торчит шпиль, вроде как серебряный, а над входом вырублено изображение глаза. Глаз смахивает на живой. Еще откуда-то изнутри тебя доносится голос. Даже для нашего изрядно взбалмошного города ты представляешь удивительное зрелище. Если бы ты умел что-нибудь делать… – от нехватки слов она выразительно потрясла кистями, – такое, что можно увидеть или потрогать руками… Я бы могла сочинить историю и объявить тебя храмом какого-нибудь еще не принятого здесь божества. Нам бы для начала хоть самое крохотное чудо, чтобы произвести нужное впечатление. Потом слухи сами разлетятся. Вот… – она замялась. – Ну, скажем, если бы ты смог избавить меня от постоянной неудачливости…

– Такой вещи, как удача или неудача, не существует! – оглушительно громыхнул Голос. Ильха дернулась, кот смерил часовню презрительным взглядом. – Есть лишь то, что мы и окружающие нас создания внушают себе о собственных душевных качествах, достоинствах и недостатках!..

Девица Нираель замерла. Что-то в услышанном задело в ее душе еще никогда не пробуждавшуюся струну, и та зазвенела колокольчиком на шее у козы. Нет, по-иному! Как серебряный бубенец, что поет на сбруе породистой лошади или трепещет на запястье танцовщицы.

– Повтори-ка, что ты сказал, – мягко попросила она.

– Тебе понравилось? – почему-то обрадовался Голос. – Произвело, так сказать, глубокое впечатление? Ты бы в это поверила?

– Думаю, что поверила, – медленно произнесла Ильха.

– Есть такое учение, – разливался Голос. – Неудачников не бывает. Бывают существа, недостаточно верящие в собственные силы. Их просто нужно подтолкнуть, поговорить с ними, внимательно выслушать их жалобы и убедить, что они такие же, как их прочие сородичи. Тогда у них все пойдет на лад. Не сразу, конечно, постепенно…

– Ты действительно можешь это сделать? – встрепенулась Ильха. – И такое учение существует?

Голос утробно хихикнул, отчего часовня слегка вздрогнула, а Тилль возмущенно зашипел:

– Если нет, мы его придумаем.

– «Мы»? – подозрительно уточнила девушка.

– Конечно. Ты говоришь, я дух, запертый в этом сооружении? Для простоты пусть так и будет. Но какой смысл бесцельно торчать посреди, насколько я вижу, – зрачок лихо провернулся в глазнице, обозревая пустырь, – незаселенной пустоши? Ты, похоже, создание умное и сообразительное, а я, признаться, пока не слишком разобрался, кто я есть, где нахожусь и что являю собой. Ты поможешь мне, я попытаюсь помочь тебе.

– То есть я стану как бы твоя жрица? – замирая от непонятного предвкушения чего-то удивительного, выдавила Ильха.

– У вас это называется так?

– Ладно, я согласна, – девушка сочла страннейший договор заключенным и перешла к насущным делам. – У тебя имя есть? Нужно ж мне как-то к тебе обращаться. Храм Безымянного или Неведомого Бога тоже сойдет, хотя, на мой вкус, звучит как-то мрачновато.

Глаз наполовину прикрылся веком, словно бы погрузившись в задумчивость.

– Мне кажется, у меня было имя, – донеслось из часовни. – Много имен… За давностью лет я позабыл их. Если ты считаешь, что иметь имя необходимо, постараюсь вспомнить.

– Идет, – Ильха встала. – Значит, так. Сейчас мне нужно кое-куда сходить и кое-что раздобыть. Заодно пущу слушок-другой. Я ненадолго. Не скучай. Тилль останется тут. Если кто будет приставать – пугни его. Зарычи там или еще что. Жаль, что ты не можешь кидаться молниями.

– Зато я умею делать вот так! – с гордостью заявил Голос. Воздух вокруг часовни ощутимо потемнел, наполнился пронзительно-стонущим воем ветра, перемежаемого далеким и угрожающим не то перезвоном огромных цепей, не то скрежетом когтей непредставимо гигантского зверя. В дополнение ко всему прочему на шпиле вспыхнула цепочка ярких трескучих огоньков, разбежавшихся по стенам. Кот встретил появление искр пронзительным мяуканьем и на всякий случай юркнул в лопухи. Глаз налился темным пурпуром и угрожающе заблестел.

– Здорово, – искренне кивнула Ильха. – Пригодится на будущее. Обещаю, я скоро вернусь.

И она бодро зашагала через пустырь, чувствуя, как теплая земля сама подталкивает ее, заставляя идти быстрее. Возможно, к обретению вечно ускользающей удачи.

* * *

Больше всего Ильха боялась, что о маленькой часовне на пустыре прослышит кто-нибудь из служителей принятых в Шадизаре верований. Тогда в этот заброшенный уголок окраины явится храмовая стража, капище черного мрамора своротят или сожгут, а его новоявленную служительницу запросто прогонят или, что гораздо хуже, выставят прочь из города.

Однако миновало три дня, никто из жрецов их не тревожил, зато начали появляться настороженно озирающиеся по сторонам личности, шепотом интересовавшиеся, что это за черная штуковина и правду ли говорили в таверне «Пещера демона», будто…

– Смотря что вам угодно именовать правдой, – бойко отвечала натасканная Голосом

Ильха и вела приходивших знакомится с молельней. На пороге обычно возлежал обнаглевший Тилль, Глаз многозначительно искрился, непонятно откуда прилетали тягучие вздохи, похожие на океанский прибой, и доносился тоненький перезвон. Голос утверждал: так звучат колеблемые странствующим ветром звезды. Ильха соглашалась, что сравнение красивое, однако им настоятельно следует обратить взоры к земле, а не к небесам.

– Ты невообразимо практична, – грустно отвечал Голос.

– В соответствии с твоим учением, – парировала Ильха.

Она пока не выяснила, является ли проповедуемая Голосом наука о развитии духовной уверенности его собственным измышлением или сочинена каким-нибудь из древних философов Материка. Главное крылось в другом. Безумный замысел, рожденный отчаявшейся девицей Нираель и бестелесным голосом непонятного духа, действовал. Ильхе даже в голову не приходило, что в Шадизаре обитает столько неудачников, готовых что угодно отдать за возможность перестать спотыкаться на ровной дороге или научиться поддерживать обычную беседу.

Голос возражал против взимания платы с адептов. Ильха растолковала ему, что совет, полученный задарма, быстро забудется, а тот, за который выложено серебро или золото, ценится вдвойне.

Произошло даже втайне ожидаемое Ильхой маленькое чудо. Вечером второго дня на пустырь явился изрядно потрепанный и испуганный чем-то молодой человек, явно добывающий средства на жизнь ночным промыслом. Ильха, учившаяся выполнять роль посредницы, усадила его под пристроенный к часовне навес и принялась ненавязчиво расспрашивать, что да как. Выяснилось, что Уиджи, как звали парня – игрок, которому недавно не повезло. Он попался на мошенничестве с костями, разъяренные соперники его здорово поколотили, но беда заключается в том, что с тех пор он начал постоянно проигрывать. Все равно, во что, шла ли речь о ставках на скачках или о детской игре «Камень, нож, листок».

Подтверждая, он предложил Ильхе перекинуться в «три скорлупки». Заинтригованная девушка принесла три глиняные чашки, спрятала под одной лесной орех и начала перемещать опрокинутые сосуды.

Уиджи проигрывал. Ильха разозлилась, решив, что тот притворяется, ибо невозможно все время ошибаться. Рано или поздно ты ткнешь в нужную чашку, скрывающую орех. Вдобавок она не такой искусный игрок, чтобы не суметь проследить за ее движениями.

Вмешавшийся Голос остановил грозившую вспыхнуть ссору. Уиджи, возвестил он, прекрасно знает, где лежит орех. Однако не может заставить себя указать правильно. Имея возможность выиграть, он в душе боится, что его снова схватят за руку, и потому нарочно проигрывает.

При первом звуке Голоса неудачливый игрок от неожиданности опрокинул чашку и приготовился бежать. Услышав же приговор духа из часовни, расстроился, утверждая, что его жизнь как игрока закончена. Если он сам себе мешает победить, то что же делать? Идти наниматься в мусорщики?

– Где тот орех, который вы прятали? – внезапно осведомился Голос. Ильха нашла требуемое и молча показала слабо мерцающему в сумерках Глазу. – Положи-ка его у входа.

– Ты что затеял? – встрепенулась девушка, поскольку раньше Голос ничего подобного не делал.

– Внушение – великая сила, – туманно отозвался Голос. Ильха опустила легкий орех на

пол и стала ждать.

Коричневато-зеленая скорлупа неторопливо меняла цвет, светлея и превращаясь в желтоватую. Когда орех стал похож на золотую безделушку, Голос распорядился вручить его Уиджи и разразился внушительно-заумной речью о могуществе человеческой воли и том, каких вершин можно достигнуть, если верить в себя. Закончил же насквозь приземленным:

– Пять золотых за талисман и семь – за заклинание.

Уиджи, выглядевший потрясенным до глубины души, безропотно заплатил пятнадцать и ушел, слегка покачиваясь.

– Это подействует? – с любопытством спросила Ильха. – Орех на самом деле стал золотым?

– Он выглядит золотым. Этого вполне достаточно, – снисходительно хмыкнул Голос. – Действие же якобы произнесенного мною заклинания зависит от степени желания этого молодого человека вновь увеличить свое состояние и от некоторых переменных, определяемых законами природы. В общем, я думаю, ему скоро начнет везти.

Тщательно собираемые Ильхой слухи донесли, что на следующий вечер Уиджи сорвал невероятный куш. Что самое удивительное, он преуспел в «Охоте на крыс», считавшуюся простенькой забавой для детей, в которую больше десятка серебряных монет не выиграешь.

* * *

– Значит, расставляем все по порядку. Ты вроде как находишься не здесь, а где-то очень далеко, но при этом часть тебя рассыпана или распылена внутри этой часовни. Вроде как песчинки, приставшие к камням. Ты говоришь, что, болтаясь в этом своем «далеко», внезапно ощутил толчок, пинок, удар – зови как хочешь – и кусочек тебя провалился сюда, совместившись с неким предметом, обладавшим магической силой и изменчивой формой. Ты пытался справиться с силой этого предмета, дабы с ее помощью стать чем-то определенным и понятным. Тебе это удалось. Допустим. Ты начал слышать голоса окружающих тебя людей, чувствовать тепло, холод, потом заговорил сам. Только я не понимаю, чем ты говоришь. Языка у тебя нет, рта, в котором шевелился бы язык, тоже нет, да и тебя самого, если вдуматься, тоже здесь нет! Тогда с кем же я разговариваю?

Довольная своими рассуждениями Ильха воткнула иглу в натянутую на деревянной раме шелковую ткань и с интересом глянула на возвышавшуюся над ней часовню. Глаз закатился наверх, что означало – дух предается глубоким размышлениям, а также внутреннему самосозерцанию и ответит не скоро.

Девица Нираель имела причины гордиться собой. Она недурно справлялась с обязанностями начинающей жрицы и сегодняшним утром Голос доверил ей самостоятельно провести беседу с учениками. Она продолжала работать над собой и собственным характером, рискнув в этих целях взяться за дело, от которого всегда шарахалась и которое повергало ее в состояние, близкое к оцепенению. Проще говоря, Ильха вышивала.

Она в очередной раз украдкой полюбовалась на свое творение. Конечно, работа далека от совершенства, однако всякий без колебаний определит, что на куске зеленоватого шелка изображен букет черных маков. Именно маков, а не роз или лилий.

– Ты беседуешь с моей овеществившейся частью, в силу неведомых причин приобретшей материальную видимость и облик, называемый тобой «часовней из черного мрамора», – разродился Голос. – Причем из встреченных мною образчиков твоих сородичей именно твое мышление оказалось наиболее гибким, чтобы суметь воспринять идею о возможности бытия в качестве…

– Опять увлекаешься словоблудием, – заметила Ильха, сравнивая оттенки двух нитей. – Проще надо быть, проще! Те люди, у которых ты очнулся, невзлюбили тебя именно за длинные и непонятные умствования.

– Они пытались меня уничтожить, – пожаловался Голос.

– Потому что им надоело слушать, как ты постоянно бормочешь что-то маловразумительное про свет и тьму. Кстати… – она прислушалась к долетавшим из-за домов невнятным крикам, – что там творится?

Дремавший на солнцепеке Тилль вдруг проснулся, вскочил и распушился, словно хотел кого-то напугать. Ильха тревожно заозиралась, на всякий случай предполагая худшее – жрецы Митры или Иштар пронюхали о ее лавочке и гонят сюда маленькую армию.

– Ощущаю сильные возмущения и завихрения, происходящие на границе тварного и нетварного миров, – слегка растерянно оповестил ее Голос незримого существа, обитавшего в часовне. – Это характерно для вашего поселения?

– Наверное, колдуны поссорились, – испуганно предположила Ильха. – И травят друг друга ручными демонами…

Выходившая на пустырь сонная улица внезапно ожила. Сначала по ней галопом проскакал ослик, оравший дурным голосом и волочивший за собой опрокинутую набок тележку. За ним бежали пять или шесть горожан обоего пола, истошно причитавших и, похоже, от кого-то спасавшихся. Следом явились двое или трое типов в форме уличных стражников. За ними, постоянно оглядываясь назад, что-то выкрикивая и размахивая руками, мчалась нарядная женщина с густой копной каштановых волос.

Кот изумленно мяукнул. Глаз часто заморгал. Ильха выпустила из рук раму с вышивкой и растерянно проследила, как пестрая компания рассеивается по пустырю. Кто предпочел бежать дальше, кто спрятался в выбоинах и дождевых ямах. Перепуганные козы сорвались с привязей и, пронзительно мемекая, метались между кустов, увеличивая панику.

Красивая незнакомка влетела в куст терновника, разорвала подол юбки, совершенно не обратив на это внимания, вырвалась на свободу и завизжала: «Хисс! Хисс!»

Ильха попятилась, пока не уткнулась спиной в нагревшуюся стену капища. Голос озадаченно бормотал на непонятном ей языке. Тилль опрометью метнулся в часовню, сочтя ее самым безопасным местом.

Над улицей возникла причина всеобщего испуга. Она плыла по воздуху – у Ильхи от подобного зрелища голова пошла кругом и внезапно ослабели ноги – помогая себе раздвоенным широким хвостом и тремя парами торчавших в стороны колючих плавников. Жуткое создание по размерам не превосходило туловища лошади, а по форме напоминало непомерно раздутый бурдюк из овечьего шкуры буровато-красного цвета, щедро размалеванный зеленоватыми, коричневыми, блекло-серыми и ярко-розовыми полосами.

Там, где у обычных животных расположена голова, эта тварь обошлась огромной, идеально круглой пастью, часто утыканной треугольными желтыми зубами. Длина зубов, как отстранено прикинула готовившаяся потерять сознание Ильха, равнялась длине клинка хорошего стилета. Вокруг пасти располагалось кольцо из отталкивающего вида белесых

наростов, похожих на гроздья поганок.

Стало понятно, кого преследует летающее чудовище. Перед самой его мордой отступали, давая остальным возможность скрыться, двое: высокий человек, наглухо закутанный в коричневый драный плащ-кабу туранского кочевника, и гибкий, стремительный молодой человек, чья шевелюра вспыхивала на солнце оттенком песочной ржавчины. Высокий орудовал длинным и, судя по всему, тяжелым посохом, беспощадно лупцуя тварь по голове и стараясь ткнуть в зубы. Рыжий вертелся угрем, пытаясь короткими взмахами ножа распороть противнику скользко-блестящий бок или смахнуть пару-тройку уродливых наростов. Иногда ему это удавалось. Тогда на буроватой шкуре возникала размыто-черная полоса, и зверь разражался возмущенными стрекочущими воплями.

На руку людям играло то обстоятельство, что существо, пусть и могло летать, двигалось не слишком быстро, а тяжеловесно, словно крупная рыба в воде. Оно не поднималось высоко, опасаясь, что тогда добыча убежит и спрячется, ограничиваясь тем, что медленно гнало людей вниз по переулку в направлении пустыря.

Ильха передумала падать в обморок. Постучала кулачком по черной шершавой стене, и, запинаясь, окликнула Голос:

– Ты не знаешь, что это за дрянь?

– Твое животное издает противные звуки и испускает влагу! – возмущенно донеслось в ответ.

– Ему страшно, – вступилась за кота Ильха. – Я потом вытру. Ты от этого не умрешь, а вот той парочке приходится тяжко…

– Кажется, мне доводилось слышать о подобных созданиях, – чуть смягчившись, ответил Голос. – Их называют Пожирателями Сущности. Они обитают в пространстве между Мировыми Сферами, непрерывно поглощая материю в любых ее проявлениях. Как Пожиратель мог проникнуть в ваш мир?

– Откуда мне знать?.. Ой!

Рыжий парень, решив испытать благосклонность судьбы, перекатился под складчатым брюхом летуна, наискось чиркнув по нему ярко сверкнувшим лезвием. Буро-коричневое существо метнулось вбок и наткнулось на предусмотрительно выставленный посох человека в драном плаще. Раздался сочный треск, будто кто-то с размаху швырнул на мостовую мех с водой, а тот, разумеется, лопнул. Девица, стоя по колено в пыльных лопухах, в отчаяние схватилась за голову.

Раненый и несколько опешивший Пожиратель совершил плавный разворот вокруг собственной оси, одновременно попытавшись задеть хвостом поднимавшегося на ноги Рыжего. Тот увернулся, наградив противника хорошим пинком, и ретировался на спасительный пустырь, крича: «Кэрли! Не стой столбом, прячься! Леук! Осторожнее!»

Оставшийся один на один с зубастым созданием человек по имени Леук не собирался не отступать, ни, согласно совету, держаться осторожнее. Он поудобнее перехватил жутковатый посох с изогнутой рукоятью из бараньего рога, мельницей закрутил перед собой и шагнул в сторону противника. Существо, вопреки собственной природе, сделало попытку двигаться задом наперед, но не преуспело. Уклоняясь от сыпавшихся на него коротких, четких ударов, зверь, отчаянно работая плавниками, взлетел повыше, почти до уровня крыш окрестных домов, и завис там. Леук, не прекращая вращать посох, начал отступать в сторону пустыря.

– Он от нас не отстанет! – рыжий парень присоединился к своей приятельнице, сидевшей на корточках в яме, прикрытой бурьяном. – Нужно пробираться обратно в город,

там мы затеряемся!

– Я боюсь! – девица упрямо затрясла головой и сжалась в комочек. – Как только мы высунемся, он нас сожрет!

– Кэрли, не глупи, – парень осторожно выглянул из-за качающихся листьев. – Мы не можем всю жизнь торчать на пустыре.

– Не хочу! Боюсь! – истерически выкрикнула Кэрли. – Хисс, сделай что-нибудь! Прогони это!

– Вы где? – Леук, стоявший посреди переулка, оглянулся через плечо. Ильха заметила, что он носит тряпочную маску, почти полностью скрывающую лицо. На виду оставались только двигавшиеся в прорезях тусклые глаза да узкий, быстро шевелившийся рот. – Мы должны убраться с открытого места.

– Кэрли трусит! – зло прокричал в ответ рыжий Хисс.

– Тогда возьми ее за шкирку и волоки, – последовал хладнокровный ответ. – Приготовились…

Существо внезапно приняло решение. Лязгнуло клыками, покрылось рябью желто-красно-лиловых пятен и грузно ринулось вниз.

– Леук! Леук, берегись! – Рыжий стрелой выскочил из ямы и помчался на выручку приятелю. Тот отшатнулся назад, перекинул посох в левую руку, а правую вскинул навстречу несущейся на него туше. На концах вытянутых до предела пальцев фонтаном распустилось отчетливо видимое трепещущее светло-голубое пламя.

Ильха, Кэрли и Хисс вскрикнули одновременно. Ильхе показалось, что к ним присоединился Голос. В часовне низко и душераздирающе выл насмерть перепуганный кот.

Чудовищное создание пронеслось через кольцо голубоватого призрачного огня, словно таран сквозь ломающиеся городские ворота. Леук встретил его посохом, однако толстое дерево расщепилось в мгновенно сомкнувшихся желтоватых зубах. Тварь мотнула головой, выплевывая обломки, и, чуть изогнувшись, почти изящным движением схватила Леука поперек туловища, оторвав от земли и подкинув вверх.

«Кошка играет с мышью», – невовремя подумала Ильха и вздернула руку ко рту, вцепившись зубами в пальцы. Ей стало очень страшно.

Человек в пропыленной коричневой кабе не издал ни звука. Взлетели разлохмаченные тряпки, мелькнули нелепо торчащие и раскинутые в стороны руки-ноги.

– Книга!!! – жутким, срывающимся голосом даже не прокричала, прохрипела Кэрли. Качнулась и побрела к переулку, вытянув руки перед собой. Пальцы скрючились, как когти. Хисс вяло попытался схватить подружку за плечо, промахнулся и остался стоять, оцепенело глядя на разворачивающееся перед ним жуткое действо. – Книга-а! Брось книгу!

Похоже, что зависший над распяленной пастью существа Леук услышал ее крик. Во всяком случае, он резко дернул рукой, отшвыривая в сторону какой-то прямоугольный предмет. Вещь закрутилась и увесисто шлепнулась в лопухи неподалеку от превратившейся в каменный столб Ильхи.

Леук упал. Круглые челюсти щелкнули и закрылись. С одной их стороны остались торчать изогнутая под странным углом рука, с другой – обрубленные по колено и слабо подергивающиеся ноги. Крови почему-то не было.

Согнувшуюся вдвое Кэрли стошнило прямо на подол разорвавшейся юбки. Хисс начал пятиться, не отрывая взгляда от плавающего в воздухе существа, но споткнулся о подвернувшийся камень и неуклюже упал.

Внезапно морда зверя окуталась изжелта-зеленоватым туманом, пронизанным красными вспышками. Туман струйками вытекал из пасти животного, поднимаясь вверх и скапливаясь в маленькое кучевое облачко. Существо дернуло головой, жадно заглатывая бренные останки Леука, и, махая плавниками, попыталось выбраться из-под непонятной тучки. Та упрямо следовала за ним. Когда облачко разрослось до размеров приличного ковра, красные вспышки стали чаще и яростнее, а в спину летучего создания ударила крохотная, но очень яркая молния.

Издаваемый зверем сухой стрекот сменился непрерывными шелестящими всхлюпываниями, напоминающими треск всплывающих на поверхность болота и лопающихся гнилостных пузырей. Существо заметалось, болезненно дергаясь и колыхая скользкими на вид боками.

Зелено-алое кипящее облако разошлось в стороны, точно его разорвали изнутри. Мелькнул непроглядно-черный лоскут неба с ослепительно яркими, разноцветными звездами. Создание рванулось прочь, однако его сил не хватило и, побарахтавшись, он медленно, хвостом вперед, вплыл или был втянут в образовавшуюся прореху. Ильха могла бы поклясться, что различает наброшенную на вяло дергающийся хвост существа тончайшую сверкающую нить, и подумала, кто ее может держать. Кто-нибудь, подобный Голосу из часовни, обитающий в иной Сфере Мира?

Круглая морда Пожирателя, пересеченная горестно скривившейся пастью, откуда все еще свисал бурый клок одеяния Леука, пропала, скрытая быстро сливающимся прядями багрово-изумрудного тумана. Облачко выцветало, светлело и истончалось, пока не стало подобием колыхающейся на воздушных струях легкой кисеи оранжевого цвета с малиновой каймой. Послышался тихий звон, невесомое полотнище разорвалось на десятки почти неразличимых глазу клочков, тающих, словно лед в вине.

Один из обрывков, помахивая лохматыми розовыми краями, проплыл над пустырем, оставляя за собой бледный синеватый след. Покачался над шпилем часовни, наверняка готовясь исчезнуть, но вдруг передумал и втянулся в узкую щель входа.

Изнутри донесся полный неподдельной муки мяв. Тилль, тараща глаза и распушившись в почти круглый волосатый шар, выскочил наружу и врезался в живот пытавшегося встать Хисса. От неожиданности человек завопил благим матом и кубарем покатился через хрустящие лопухи, отдирая от себя намертво вцепившегося кота. Очнувшаяся Ильха бросилась спасать любимца, но налетела на непрерывно кашлявшую Кэрли и сбила ее с ног. Упавшие девушки с хлюпаньем приземлились на горку свежего козьего навоза.

– Ильха, где ты? Я тебя не вижу! – тревожно взывал Голос. – Что у вас происходит? Ильха, я как-то странно ощущаю себя!

– Я тоже, – сквозь зубы пробормотала Ильха.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Суд удаляется на совещание…

После третьего кувшина белого офирского Хисс согласился простить Тилля за изрядно пострадавший от кошачьих когтей жилет и украсившуюся живописными лохмотьями рубашку. Кот, смекнув, что бедствия на сегодня исчерпаны, выбрался из лопухов, тщательно вылизался от ушей до кончика хвоста, и вскарабкался на руки к Кэрли. Его мурлыканье и настойчивые требования погладить оказали на перепуганную девушку куда лучшее воздействие, чем две кружки вина, влитого в нее Ильхой, тщетно старавшейся привести новую знакомую в чувство.

Толстая книга в черном кожаном переплете, украшенном бронзовыми накладками с изображениями песочных часов и замками в виде соединенных рук, мирно лежала на предоставленном ей днище корзины из-под яблок. На всякий случай Ильха постелила под фолиант лоскут шелка с неоконченной вышивкой. Мало ли что.

Ильха уже устала удивляться и просто слушала. Болтал в основном Хисс по прозвищу Змеиный Язык. Болтал в попытках успокоиться и потому, что нашел хорошую слушательницу. Ильха, наученная Голосом, не перебивала, кивая в нужных местах и не забывая наполнять кружку рассказчика. Красивая девушка, откликавшаяся на имя Кэрли, безучастно сидела на постели Ильхи, иногда вздрагивая и слабо вскрикивая. Ей явно мерещились взлетающий к небу Леук и с чмоканьем захлопывающаяся пасть чудовища. В такие мгновения черно-рыжий кот толкал ее головой и укоризненно мяукал.

Рассказ о поисках Книги подходил к концу.

– …Появление в нашем и без того беспокойном городке вещи, где собраны жизнеописания всех возможных людей, наверняка не принесет ничего хорошего. Пусть лучше Леук забирает ее и спрячет куда-нибудь подальше. Мне с самого начала казалось, что он стремится именно к этому. С такими мыслями пошли мы в «Цветок папируса» – это такая маленькая таверна на Ишлазе, мы там частенько сидим. Леук нас как будто ждал. Глянул и сразу спрашивает: «Неужели нашли?». Нашли-то нашли, – это уже я отвечаю, – да только странноватая книжечка, господин Леук, никогда такой не встречал. Он из-под своих тряпок бурчит: «И не встретите». Кэрли заикнулась, мол, кто бы мог написать такую книгу, она точно колдовская и притом редкая. Может, вообще единственная на весь мир. Леук так на нее глянул, что она тут же прикусила язык. Тогда я говорю – нам, в общем-то, и не слишком важно, откуда взялась такая книга и как попала туда, где мы ее отыскали, но у меня есть одно требование и один вопрос. Требование – трехсот империалов за эдакое сокровище будет маловато. Вопрос – у тебя или у владельца книги никогда не случалось давних трений с двергами, сиречь горными карликами?

– И что он ответил? – Ильха подалась вперед.

– Задумался. Спросил, с какого боку тут замешаны гномы. Я объяснил – так и так, вашу реликвию утащили из гномского каравана, пытавшегося вывезти из города похищенные вещи. Он помрачнел – хотя куда уж больше, у этого Леука всегда такой вид, будто он вчера похоронил все семейство, а сегодня узнал, что ему предстоит быть повешенным – и спросил, сколько мы хотим за книгу. Кэрли возьми и брякни: «Тысячу!»

– Неужели заплатил? – девица Нираель восхищенно зажмурилась. Она уже поняла, что

судьба свела ее с представителями неистребимого и процветающего племени мошенников. Парочка ей понравилась – они хорошо выглядели, не нуждались в деньгах и им точно не требовались душеспасительные беседы с Голосом. Чего-чего, а уверенности вкупе с самоуверенностью у этих двоих – хоть отбавляй.

– Не моргнув глазом, – Хисс ласково пошлепал по спрятанному за пазухой кошелю. – И еще раз расспросил про гномов – что да как. Мы рассказали. Он подумал и говорит: «Что-то я слишком часто слышу о том, будто гномы все рьянее вмешиваются в людские дела. Я намеревался уехать сразу же, как отыщу книгу, но теперь, пожалуй, задержусь в вашем городе на пару дней». Раз он расплатился, то нам рассиживаться в «Папирусе» больше резона не было. Мы засобирались домой, а этот тип спрашивает – нельзя ли ему пройтись с нами. Хочет посмотреть на город и в особенности – на гномский квартал. Чем-то эти приплюснутые уродцы его крайне заинтересовали. Мы сводили месьора Леука к Чамгану, он постоял, поглядел на стену и ворота, прошелся с нами по окрестным лавкам. Даже купил для Кэрли вон ту побрякушку, – Хисс показал на золотой браслет в виде ящерицы, украшавший левое запястье его подружки.

Он остановился передохнуть и глотнуть вина. Кэрли пошевелилась на подстилке, ее взгляд стал осмысленнее.

– Мы уже собирались распрощаться и разойтись, как откуда-то с небес свалилось это зубастое чучело, – Хисса передернуло. – С тех пор, как я видел его в последний раз, оно вымахало втрое и отнюдь не стало привлекательнее. Зверюга пролетела над лавками, сорвала с одной вывеску и сунулась к стенам Чамгана. Гномы немедля дали по ней залп из арбалетов, отчего она сразу передумала напрашиваться к ним в гости. Леук вытаращился на эту тварь и забормотал, что произошло нарушение какого-то Большого Равновесия и нужно немедленно выгнать нашего зубастого приятеля из этого города и из этого мира. «Возьми да выгони, если думаешь, что это так просто», – говорит Кэрли. Леук молча поднимает руку и кидает в Пузыря чем-то вроде тех синеньких молний. Тварь, само собой, разворачивается, видит его, испускает боевой клич и кидается в атаку. Все вокруг начинают орать и носиться как оглашенные, мы бежим, зверь – за нами, мы – от него, и вот чем все кончается… – он скорбно вздохнул и поднял кружку, провозгласив: – Мир бренным останкам месьора Леука! Надеюсь, тварь, что его слопала, заработает несварение желудка.

– Как ты можешь? – еле слышно спросила Кэрли. – Его растерзали, а ты смеешься!

– Не плакать же, – преувеличенно беспечно отмахнулся Хисс. – Вдобавок, сдается мне, Леук был колдуном или подручным колдуна, и неплохо отомстил за свою смерть. Я даже не уверен, что он умер. Может, провалился вместе с Пузырем в это самое Запределье и благополучно там воскрес. Главное, что мы остались живы, причем сохранили и золото, и книгу. Ильха, не хочешь заглянуть, посмотреть на свое прошлое?

– Спасибо, не хочу, – не раздумывая, отказалась Ильха. Черный фолиант внушал ей безотчетный страх.

– И правильно, – поддержала ее Кэрли. – Знание о прошлом не приносит никаких радостей.

Девушка-мошенница встряхнулась, поправила безнадежно растрепавшуюся прическу и, ехидно глянув на приятеля, вкрадчиво добавила: «Вы согласны, ваша милость?»

– Не смешно! – взвился мгновенно и непонятно почему разозлившийся Хисс. Ильха от неожиданности выронила свою чашку. – Кэрли, не делай того, о чем впоследствии пожалеешь, и никогда не копайся в могилах. Умершее – мертво. Меня зовут Хисс, и давай

больше не возвращаться к этому разговору!

– Я пошутила, – оторопело пробормотала Кэрли, не ожидавшая столь яростной отповеди. – Я… Я больше не буду! Я никому не скажу, обещаю!

– Если бы твои невыполненные обещания были свиньями, мы бы разбогатели, приторговывая молочными поросятами, – остывая, проворчал Хисс и повернулся к Ильхе: – Можно посмотреть на твою часовню? Любопытно глянуть, как устроился наш беглый нужник.

Теперь Ильха полностью вызнала предысторию появления Голоса в Шадизаре – ее финал поведал сам дух капища, начало же принесли с собой двое жуликов. Ильха и Хисс безуспешно поломали головы над вопросом, чем мог оказаться непонятный золотой жезл и каким образом драгоценная безделушка позволила Голосу проникнуть в людской мир да еще воплотиться в виде мраморной башенки.

– Пошли, – Ильха встала. Хисс с готовностью поднялся за ней. Его приятельница поколебалась, не решаясь довериться так подведшим ее ногам, но любопытство победило и она тоже решила присоединиться. Тилль не двинулся с места, и Ильха вспомнила, что обещала Голосу убрать художества кота. Пришлось искать тряпку и кувшин с водой.

Выражение Глаза, с высоты фронтона багрово глянувшего на посетителей, показалось девице Нираель крайне возмущенным.

– Это Хисс и его подруга Кэрли, – торопливо представила она гостей. – Я думаю, ты их узнаешь.

– Почему я должен их знать? – внутри плоского темного рубина мелькнула крохотная серебристая молния.

– Потому что черное и белое рвутся по живому, – заунывно прогнусавил Хисс, озирая остроконечное сооружение. – Как тебе тут живется? Говорят, хорошо пристроился?

– Я помню твой голос, – Глаз с достоинством моргнул. Ильха осторожно протиснулась в узкий вход и, прищурившись, огляделась, разыскивая кошачью лужицу. Ей показалось, что внутри часовни стало гораздо светлее. Посмотрев наверх, Ильха удивленно пискнула, поняв, что служит источником света.

– С тобой все в порядке? – озабоченно прокричали снаружи. Желтый дневной свет загородила чья-то фигура, затем в дверь всунулась лохматая голова Хисса.

– Ого, – чуть потрясенно сказал рыжий мошенник. – Случаем, это не обрывок не-пойми-чего, который остался после безвременной кончины нашего пузатого и зубастого друга?

– Он самый, – Ильха с тревогой смотрела под потолок часовни. Там плавал полупрозрачный оранжево-золотистый лоскут, иногда вспыхивавший гроздьями разноцветных огоньков, похожих на светлячковый рой. – Голос, ты знаешь, что у тебя внутри… э-э… болтается такая светящаяся шутка, вроде кусочка тонкой ткани?

– Конечно, знаю, – в интонациях Голоса прозвучала отчетливая нотка высокомерной снисходительности. – Не беспокойся, она не опасна. Почему-то я уверен… – Голос стал мечтательным, – что эта вещь пригодится нам в будущем. – Дух внезапно перешел на деловой тон: – Вдобавок в часовне пребывают отходы жизнедеятельности твоего домашнего животного. Они слева от тебя, в углу. Ты не могла избавить меня от их присутствия?

– Обязательно, – пообещала Ильха, зачарованно глядя на колышущийся лоскут Чего-то, похожего на легкую вуаль, но таковой совсем не являвшегося.

* * *

– Он забрался в кладовку и разворошил мой сундук. Забрал штаны из черной кожи – новенькие, я сама их носила всего два раза! – и высокие сапоги, те, которые из серой замши с красными нашлепками. Вдобавок унес из комнаты Альса жилет – черный с серебряной вышивкой.

– Если это шутка, то мне не жалко. Но зачем?

– Понятия не имею, – горько сказала Лорна. Стоявшая рядом Феруза успокаивающе погладила хозяйку таверны по плечу. Бритунийка как-то сдавленно перевела дух и продолжила: – Пес с ним, с барахлом. Любому в этом городке доводилось откалывать выходки почище, чем всяческие переодевания. Я сама однажды вырядилась призраком, чтобы напугать задолжавшего мне мерзавца.

– И подействовало? – не удержал язык за зубами Ши. Вернее, изрядно расстроенная и сбитая с толку девушка Шелла, упрямо продолжавшая верить, что морок вот-вот развеется и Высшие Силы (или кто-нибудь не менее могущественный) изволят вернуть ей истинный облик.

– Угу, – рассеянно кивнула Лорна. – Я ж говорю – не в вещах суть…

– А в чем? – очень терпеливо спросил Аластор.

– Ну-у… – хозяйка, окончательно запутавшись, обернулась за помощью к Ферузе. Предсказательница, сама пребывавшая в тягостном недоумении, обескуражено развела руками, высказав догадку:

– Одно из двух. Райгарху требовалось учинить воистину сногсшибательный розыгрыш… или сегодня утром он сошел с ума.

– Лорна, Феруза, давайте вы просто опишите, что произошло, – в который раз повторил Аластор, чувствуя, как в голове возникает легкий шум. – Потом обдумаем, что это бы могло значить. Пока я слышал только ничем не подтвержденное предположение: Райгарх внезапно спятил.

– Но так и есть! – вспылила тавернщица. Вовремя оказавшийся у нее за спиной Малыш силой усадил бритунийку обратно на скамью, по возможности мягко попросив:

– Лорна, успокойся. Надо сперва разобраться, чего и как.

– Разобраться!.. – зло фыркнув, процедила женщина.

– Это не так-то просто, – подала голос Феруза, непрерывно теребившая в пальцах край обшитого тесьмой длинного рукава. – В общем, сегодня утром… Я сидела внизу… Пришли Хисс и Кэрли, они сначала ждали, когда спустится Джай, хотели что-то ему рассказать. Он вроде бы вышел из своей комнаты, а сюда не приходил… Потом они ушли, а я… То есть мы…

– Феруза, душа моя, ты-то вроде косноязычием никогда не страдала! – не выдержал Альс. – Причем тут Хисс и Кэрли? Мы говорим про Райгарха, который, по вашим словам, сотворил нечто ужасное и сгинул неведомо куда! Я хочу знать, что он наделал и почему вы обе решили, будто старый конь двинулся умом!

– Потому что я поднялась в свою комнату и застала Райгарха перед моим зеркалом! – истерически прокричала в ответ Феруза и с такой яростью дернула многострадальную ленточку тесьмы, что та оторвалась. – Он откупорил мои склянки с благовониями и вылил их

на себя!

– Что, все какие были? – ошарашено пробормотала Шелла. Ее, к счастью, не услышали.

– Он взял мой гребень и маленькие ножницы, и срезал свою обетную косичку, а по варварским традициям это запрещено! Спроси у Малыша, пусть подтвердит, права я или нет! Он сидел с моей кисточкой, которой женщины подкрашивают ресницы, и пытался нарисовать себе такую тень, от которой глаза кажутся больше! Я не знала, что думать, и спросила – он готовится к новой проделке? Помощь не нужна? По себе знаю – с непривычки всегда руки трясутся и получается криво. Он вскочил, как ошпаренный, перевернул столик и убежа-ал… – туранка не выдержала, но не расплакалась, а в ярости застучала кулачками по краю стола.

– На лестнице это размалеванное и выряженное как пугало чудовище налетело на меня, – бесстрастно довела до конца повествование Лорна. – Я поинтересовалась, не рановато ли для выпивки и какой кошмар посетил нынче ночью его дурную голову? Знаешь, как он на меня глянул? Примерно как монах-праведник на дешевую шлюшку! На меня! После всего, что для него сделала!..

Хозяйка таверны, не глядя, схватила первую попавшуюся под руку кружку и торопливо осушила ее, едва не поперхнувшись.

– И он ушел, – Феруза сумела взять себя в руки, ее голос почти не дрожал. – Хлопнул дверью, едва не сорвав ее с петель, и ушел. Не знаю, куда.

Аластор, Шелла и Конан вопросительно переглянулись. Шелла почувствовала, как по спине медленно проползла холодная и скользкая змейка дурного предчувствия.

– Я недавно видел… видела Райгарха в городе, – заикнулась она, немедля пожалев о своей излишней болтливости.

– И где его носило? – ледяным тоном вопросила бритунийка.

Иногда время начинает идти слишком быстро. Во всяком случае, за пару ударов сердца Шелла успела мысленно перебрать и отвергнуть как неподходящие не меньше полутора десятков возможных ответов. Подумала, не сказать ли Лорне, что обозналась. Впрочем, бритунийка все равно узнает правду – подобные сплетни разносятся с умопомрачительной скоростью. Пусть лучше ей скажут друзья, чем нашепчет какой-нибудь уличный болтун.

– На Птичнике… – пролепетав это, Шелла невольно съежилась и отвела взгляд.

Лорна окаменела. В самом прямом смысле этих слов – выпрямилась и застыла, пристально глядя перед собой. Аластор и Феруза на редкость дружно застонали, почти одинаковым жестом схватившись за головы. Малыш, ничего не понявший, открыл рот, чтобы уточнить… посмотрел на своих друзей… и передумал.

– Я его убью, – проскрежетала Лорна. Никто не усомнился в истинности намерений содержательницы таверны и не принял ее слова за обычную шутку. – Если у него хватит наглости вернуться сюда… Нет! Я отыщу его и прикончу! Сама! Немедленно! Никогда в жизни меня так не позорили!! Зарублю мерзавца!!!

– Лорна, успокойся, – Конан снова попытался заставить взбешенную бритунийку сесть на место. С равным успехом он мог взяться останавливать понесшую лошадь. Феруза растерянно огляделась, не зная, что предпринять. На какое-то ужасное мгновение ей показалось, что единственный способ угомонить Лорну – нанести хозяйке таверны хороший удар чем-нибудь тяжелым по затылку, дабы та потеряла сознание.

Столь решительных мер, к счастью, не понадобилась. Открылась дверь, впуская в общий зал Кэрли, бережно тащившую некий сверток, и ее неразлучного приятеля. Окинув взглядом

творящееся безобразие и сделав неизвестно какие выводы, Хисс присоединился к Малышу. Втроем – ибо стряхнувший краткое оцепенение Аластор тоже вмешался в потасовку – частично силой, частично дружными уговорами постояльцы убедили Лорну не кидаться на поиски вероломного Райгарха прямо сейчас.

– И пусть эта гиена, любитель цыпляток, посмеет показать свою гнусную морду в моей таверне… – бритунийка сдалась и устало опустилась на скамью. Ткнулась лицом в ладони и замолчала.

– Что случилось? – шепотом спросила Кэрли у Ферузы. Предсказательница только головой покачала и отправилась за стойку: выискивать среди винного запаса таверны напиток покрепче.

– Привет, крошка, – Хисс заметил жавшуюся в углу незнакомую и одновременно смутно узнаваемую чернявую девушку. – Случаем, не из-за тебя вышел скандал? Чем ты так огорчила нашу добрую хозяйку? И кстати… – Рыжий прищурился, – кого ты мне напоминаешь? Я – Хисс, а ты?..

– Ее зовут Шелла, – несмотря на драматичность ситуации, Альс еле слышно хихикнул. – Вчера мы знали эту особу под именем… Ладно, считай для простоты, что Шелла – сестренка Ши Шелама. Хотя на самом деле это Ши собственной персоной.

– Сестренка, – задумчиво повторил Хисс. – Думаете, я поверю вашим бредовым россказням? У меня своих хлопот выше головы. Альс, что вы затеяли? Где Ши? Кто эта девица и ради чего она так старательно пытается выдать себя за моего старого друга Умелые Ручки? Или… – он нахмурился, – Ши внезапно понадобилось влезть в шкуру женщины? Что ж, получается неплохо. Теперь сворачивайте балаган и поведайте, какой очередной выходкой расстроили Лорну?

– Шелла отнюдь не прикидывается девицей, но является таковой, – невозмутимо пояснил Аластор. Не удержавшись, добавил: – Кое-кто уже доподлинно убедился в ее женской принадлежности.

– Заткнись, – прошипела девушка.

– Правда? – подозрительно оживился Хисс. – Тогда и я хочу… убедиться. Весьма нечестно со стороны Ши скрывать от нас такую хорошенькую родственницу. А с ее стороны будет нехорошо отказывать в маленькой любезности давним друзьям своего… брата.

Он поймал не ожидавшую такого коварства Шеллу за руку и притянул к себе, бесцеремонно огладив ниже талии.

– Сестренка, ты мальчик или девочка?

– Пусти! – Шелла забилась, вырываясь, и неожиданно для себя разрыдалась. – Все вы одинаковы! Только и думаете, как бы затащить кого в угол потемнее!..

– Оставь девочку в покое, – вмешалась угрюмая Лорна.

– Так! Хватит! С меня довольно! Замолчите все!!!

Дабы придать требованию внушительности, Аластор с размаху запустил в стену глиняным кувшином. Сосуд с хрустом разбился.

– Пять кафаров, – вполголоса отметила Кэрли, отчаянно силившаяся понять, что происходит. Случай с Леуком надолго лишил ее душевного равновесия, оставив взамен тоскливое недоумение и боязнь.

Общество настороженно притихло. Шесть пар глаз выжидательно уставились на ставшего центром общего внимания Аластора.

* * *

– Давайте немножко подумаем, – Аластор прошелся взад-вперед по обеденной зале таверны. Головы присутствующих заворожено поворачивались ему вслед. – Наша жизнь идет наперекосяк. Вместе с тем я ощущаю в случившемся некую логику, странную последовательность. Ничто не стрясается просто так, на ровном месте. Мы должны сообразить, где лежат истоки Литиры… я хотел сказать, наших бедствий.

Он позаимствовал у внимательно слушавшей Ферузы ее браслет – нитку с нанизанными агатовыми шариками, и, излагая свои соображения, звонко щелкал передвигаемыми бусинами. Сухой треск отчего-то добавлял словам весомости.

– Начнем с наличия двух случаев, однозначно выходящих за границы нашего обыденного бытия. У нас есть Ши, внезапно обратившийся в девицу, и Райгарх, не менее внезапно испытавший тягу к… э-э…

– У нас в клане таких за людей не считали и побивали камнями, – задумчиво изрек Конан.

– Дай человеку сказать! – напустилась на него Лорна.

– Тихо. Малыш, я уважаю ваши варварские обычаи, но сейчас мы обсуждаем не их. Добавим пропавшего при странных обстоятельствах Джая и получим… Что?

– Слишком много странных происшествий для одного утра, – сделал вывод Хисс и покровительственно погладил по голове тихо всхлипывавшую Шеллу: – Не реви, красотка, все образуется.

– Таков краеугольный камень наших рассуждений, – Аластору явно пришлась по душе роль проницательного дознавателя. – Далее. Нельзя проснуться утром и вдруг сойти с ума. Тем более на такой… своеобразной почве. Райгарх, каким мы его всегда знали – человек здравомыслящий, отличающийся твердыми убеждениями и рассудительным нравом. Что до случая с Шеллой, то есть с Ши…

– Прости, я совсем не понял, – влез Хисс. – Это все-таки переодетый Ши, его сестра или кто?

– Как утверждает Ши, он проснулся сегодня утром и узнал, что стал Шеллой, – кратко пояснила Феруза. – С твоей стороны очень низко смеяться над ним, то есть над ней. У человека беда.

– Я просто хотел уточнить, – с невинным видом уверил предсказательницу Хисс.

– Шелла, ты в детстве никогда не мечтала стать девочкой? – серьезно поинтересовался Аластор. – Подумай, вспомни как следует… Ты случайно не брала у матушки или у сестер их одежду или побрякушки?

– Да за кого ты меня принимаешь?! – взвилась Шелла, от обиды даже забыв всхлипывать. – Стать девчонкой? Зачем?!

– Однако ты ей стал, – заметил Аластор. – Не кричи. Я пытаюсь установить истину. Вдруг ответ кроется в том, что в глубине души ты всегда хотел быть не мужчиной, а женщиной? Может, сегодня день исполнения подавленных желаний? Звезды так сошлись…

– Я не женщина! – Шелла оскорбленно вскочила, выбираясь из-за стола. Услышав тихие смешки, представила себя со стороны и удрученно поняла, насколько нелепо выглядит.

– Сядь, – короткое хмыканье вырвалось даже у хозяйки таверны. – К сожалению, сейчас

ты – девица. Ничего с этим не поделаешь. Терпи.

– Но я не хочу! – жалобно взвыла Шелла. – Хочу быть собой!

– Может, я тоже не хотела являться на свет женщиной, а пришлось, – отрезала бритунийка. – Альс, валяй дальше.

– Я вижу несомненное сходство наших, назовем их так, необъяснимых случаев, – Аластор благодарно кивнул хозяйке, вернувшей беседу в русло печальной действительности. – Не знаю, что сейчас происходит с Джаем, но бедствия Ши и Райгарха кроются в…

– В штанах, – на редкость точно определил Хисс.

– В области взаимоотношений между мужчинами и женщинами, – Аластор испепелил не в меру остроумного мошенника взглядом. – И поскольку естественными причинами объяснить случившееся никак нельзя, остается предположить наличие причин неестественных…

– Ты проще говорить можешь? – жалобно попросила Кэрли. – Я запуталась.

– …Из чего извлекается третий вывод – тут замешано колдовство! – Аластор торжествующе поднял палец. – Причем колдовство весьма своеобразное. Я бы сказал, в нем ощущается мстительная и умелая женская рука. Колдун мужского пола ограничился бы тем, что превратил ваши скромные достоинства в никуда не годные сухие веточки. Женщина заставила вас тихо сходить с ума и превратила источник ваших радостей в причину безмерной скорби, – он повернулся к внимательно слушавшей девушке, требовательно спросив: – Ши-Шелла, как там тебя, признавайся, какой колдунье вы наступили на ногу за три последних дня? Кого ограбили? Хотя нет, я предполагаю, что вы проникли не в ведьминскую библиотеку или сокровищницу, а в спальню, причем жестоко разочаровали хозяйку. Ну? Суд ждет чистосердечного признания!

– Господин судья, меня там вообще не было… – по привычке затянула Шелла, но осеклась. Подняла руку, словно намереваясь поправить волосы, растерянно остановилась на половине движения. Блестящие, как тутовые ягоды, темные глаза вытаращились, становясь все больше и больше.

– Флакончик… – выдохнула Шелла.

– Какой флакончик, откуда, зачем? – строго вопросил Аластор.

– Хрустальный. Оранжевый, – Шелла почувствовала, что ей опять становится дурно, и, не в силах остановиться, снова проговорила: – Флакончик.

– Ты не мой флакончик имеешь в виду? – встрепенулась Феруза.

– Свидетельница ат-Джебеларик, выражайтесь яснее! – потребовал Хисс, взявший на себя роль судебного писца.

– Да не путайся ты под ногами! Хрустальный флакон, похожий на апельсиновый плод! Альс, ты мне его подарил третьего дня! Я подумала, что для меня запах очень резкий, и отдала Ши. Ой-лэ, ты не про него говоришь?

– Ага, – обрадовалась внезапной поддержке Шелла. – Он самый. Я собирался… собиралась… в общем, думала подарить его Элате из «Золотого павлина». По дороге туда мне встретился один старый знакомый, и мы решили проверить, понравится ли зелье из флакончика какому-нибудь существу. Там рядом был туранский постоялый двор, и верблюды привязаны. Мы взяли и одной черной злобной твари нацедили капелек десять. Он вылакал и давай крушить все подряд. Порвал уздечку, начал скакать по улицам, добежал до «Коринфских садов», а там… Там как раз гостил уль-Вади со своей кобылой.

– Окарема вовсе не кобыла, зря ты так, – вступилась за оболганную подружку старосты квартала Кэрли. – Она, конечно, крупновата, однако очень миленькая. Что касается женщин, то у господина уль-Вади, скорпиона ему в печень, есть вкус.

– Я не про Окарему говорю! – рявкнула Шелла. – Про обычную кобылу! Лошадь женского пола! На четырех ногах и с хвостом! Буланой масти! Он ее увидел и ну брызгать пеной из пасти! А потом взял и забрался на нее!

– Кто, Назирхат? – недоверчиво уточнила Лорна.

– Которые с животными блудят, тем по древним уложениям надлежит камень на шею вешать и в озере топить, – внес ценное добавление к описанию варварских законов Конан.

– Верблюд, – холодным и твердым, как закаленная туранская сталь, голосом процедила Шелла. – Верблюд забрался на кобылу Назирхата.

– Это что-то новенькое даже для нашего городка, – с восторгом признал Хисс.

– Мы, я и мой приятель, убежали. Поблизости околачивался Кодо и подозрительно на нас косился. Не хотелось мне с ним объясняться. Мрачный он в последнее время.

– С флакончиком, надо полагать? – Аластор озадаченно пощелкал черными бусинами браслета. – Куда вы побежали? Пробовать снадобье еще на ком-нибудь? Или сами хлебнули?

– Нет, – затрясла головой Шелла. – Сами не рискнули. Решили найти какого-нибудь олуха и испытать на нем. Помните Салдуса Плешивца? Малыш, ты с ним должен быть знаком лучше всех, он тебе недавно чуть ручонку не оттяпал. После того, как Плешивца разжаловали с уважаемой должности палача, он подался в нищеброды и промышлял, оказывается, на задворках «Алмазного водопада».

– Вы поднесли ему стаканчик вашей настойки, – не вопросительно, утвердительно произнесла Лорна. – Ну и мерзавцы!

– Мы просто хотели знать, что будет, – принялась оправдываться Шелла.

– И что с ним сталось? – устало спросила бритунийка. – Надо полагать, то же самое, что с несчастным верблюдом?

– В общем да, – сокрушенно призналась Шелла. – Только ему требовались не лошади, а женщины. Он вошел в «Водопад» через черный ход и начал портить всех девиц, каких встречал по пути. Местные охранники попытались его скрутить и выкинуть, но у них ничего не вышло. Плешивец от зелья стал здоровым, как бык, и разбросал всех по углам. Мы с приятелем тоже решили вмешаться – как-никак, заварушка началась по нашей вине – но моего дружка почти сразу уложили вздремнуть, а меня едва не прибили к колонне в качестве украшения. Тут на крики примчалась тамошняя хозяйка. Решительная дама – взяла и треснула Плешивца бронзовой вазой по макушке.

– Хозяйка, – предвкушающе повторил Хисс. – Содержательница «Алмазного водопада» на Ак-Сорельяне. Говорят, такая красотка, что от одного ее взгляда любой готов расстелиться перед ней ковриком. Ши, то есть Шелла, если ты с ней познакомился и никому ничего не сказал, ты мне больше не друг. И даже не подружка.

– Что случилось потом? – напомнил Аластор.

– Да почти что ничего… – Шелла заерзала на скамье и опасливо глянула на Лорну. – Плешивец отдал концы. Не знаю, от нашего угощения или от того, что ему изрядно досталось по лысой башке. Моего приятеля оттащили в комнату по соседству и позвали к нему лекаря – он здорово расшибся о стену. Я поболтал с хозяйкой и пошел себе…

– Не ври, – строго потребовал Аластор. – Неужели хочешь до конца жизни пробегать в платьице? Тебе настолько понравились Назирхатовы мальчики? Будешь говорить правду?

– Я не могу, – девушка отчаявшимся взглядом показала на тавернщицу.

– Подумай о Райгархе, – Феруза присоединилась к увещеваниям приятеля. – Каково приходится ему? Ой-лэ, если мы не сможем найти способ вернуть все обратно, его жизни просто-напросто придет конец! Он в самом деле лишится рассудка. Он ведь не понимает, что с ним происходит! Шелла, ты должна нам помочь!

– Пусть Лорна пообещает, что не станет меня бить, – собравшись с духом, выпалила Шелла.

– Да не трону я тебя! Вот болячка вредная! – беззлобно отозвалась бритунийка. – Признавайся, чего вы там натворили.

Шелла набрала воздуху и медленно заговорила. Вокруг стало очень тихо.

– Владелица «Водопада» хотела получить флакон с напитком, которым угостили Плешивца. Не знаю, зачем он ей понадобился. Она была готова заплатить любую цену. Я намекнул, что знаю, где добыть зелье, и назвал свои условия. Ночь в «Водопаде». Для меня, Райгарха и Джая.

– Предатель, – свирепо пробормотал Хисс. – Как же я?

– Тебя в таверне тогда не случилось, а искать… Она согласилась. Мы пришли. Утром я отдал ей флакон.

– Поддельный! – внезапно ахнула Лорна, на редкость быстро выстроившая цепочку событий. – Я же своими глазами видела, как ты состряпал жидкость, один к одному похожую на ту, что булькала в твоей склянке!

– Хозяйка «Водопада» получила фальшивку, – понимающе кивнул Аластор. – После чего ваша жизнерадостная троица, довольно подхихикивая, удалилась. Вчера, надо полагать, подмену обнаружили. Мошенников настигла запоздалая, но справедливая кара. Скажи-ка, предприимчивый ты наш алхимик, как зовут госпожу, что правит «Водопадом»?

– Кэто, – Шелла обмякла на скамье и сгорбилась. – Ее имя – Кэто Сувейба. Не знаю, подлинное или нет.

Аластор рывком ухватил Шеллу за плечи, встряхнул и повернул лицом к себе.

– Кэто? Ты уверен? – неожиданно зло прорычал он. – Ей не то двадцать, не то двадцать два года? Она светловолосая с рыжиной, только не как Феруза, а с более вульгарным оттенком? Прекрасная фигура, медовый голосок, зеленые глаза?

На каждый вопрос Шелла испуганно кивала. Или у нее просто голова моталась взад-вперед от рывков.

– Ты ее знаешь? – настороженно спросила Феруза. – Кто она?

– О боги, – с этими ничего не объясняющими словами Аластор выпустил окончательно запутавшуюся и готовую снова разрыдаться Шеллу, прошел к лестнице и как-то грузно рухнул на ступеньку. Вид у него сделался средним между отсутствующим и скорбным.

– Эта Кэто – твоя знакомая, – догадалась Феруза. Аластор безучастно кивнул. – И вина за происшедшее лежит на ней?

– А еще на мне и на этом… – Аластор издал звук, похожий на тоскливое мычание, не в силах подобрать достойное определение для Ши и его поступка. – Я должен был догадаться!

– Догадаться о чем? – туранка присела рядом и бережно погладила взъерошенные черные локоны друга.

– Не имеет значения. Теперь больше не имеет, – Аластор удрученно помотал головой и скривился, словно от сильной зубной боли. – Ши, прими мои искренние соболезнования. Ты наступил на ногу весьма могущественной особе, пребывающей накоротке с магией. Судя по

всему, она в ярости. Я не знаю, чем тебе помочь. Не обессудь, – взломщик обессилено ткнулся лбом в плечо Ферузы. – Суд удаляется на совещание для вынесения окончательного, то бишь смертного приговора.

– Я навсегда останусь женщиной? – хрупким голоском спросила Шелла и поднесла ладонь к губам, заграждая путь готовому вырваться воплю отчаяния.

– Скажи спасибо, что Кэто под горячую руку не превратила тебя в жабу или в золотую статуэтку, – приглушенно донеслось в ответ.

– На эту вертихвостку Шеллу мне глубоко плевать, она-то выкрутится! Милосердное Небо, что будет с Райгархом? – Лорна поднялась из-за стола, опираясь на него обеими руками. Вид бритунийки не предвещал ничего хорошего. – Кто мне ответит, что станется с Райгархом? Альс, ты не имеешь права отходить в сторону и заявлять: «Я не могу ничего поделать!». Если ты знаешь эту ведьму, Кэто Как-бишь-ее, отведи меня к ней!

– Зачем? – недоумевающе спросил взломщик.

– Поговорить. Как женщина с женщиной. Я объясню, что произошло. Райгарх не имеет к этому пакостному розыгрышу никакого отношения! Его-то за что наказывать? И что она сделала с Джаем? Об этом кто-нибудь подумал?

– Лорна, ты не понимаешь… – начал Аластор и оборвал сам себя: – Хотя… Шелла, где настоящий флакон с зельем?

– Спрятан у меня в комнате, – сквозь подступающие слезы ответила девушка.

– И много в нем осталось?

– Да он почти полон! Мы взяли от силы десятка два капель!

– Тащи сюда, – Аластор вскочил на ноги. – Может, и в самом деле еще не все потеряно? Шелла, демоны тебя побери, сколько ты доставляешь неприятностей!

– Что нам делать? – деловито осведомился Хисс. – Идем все или кто-то остается?

– Гм, – Аластор задумался, прикидывая. – Лорна, тебе лучше побыть дома. Хисс, я могу попросить тебя и Кэрли… знаю, что прозвучит дико, но кому-то нужно сходить на Птичник и поискать там Райгарха.

– На Птичник? – вытаращилась Кэрли. – Эк его, беднягу…

– Малыш? Эй, Конан, остаешься держать оборону в таверне. Справишься?

Мальчишка-варвар коротко кивнул и оглянулся, услышав быстрый топоток ног, мчащихся по коридору черного хода.

– Хозяйка! – завизжала, вбегая в зал, молоденькая служанка Рилна. – Хозяйка, хвала Иштар, вы никуда не ушли! Скорее!

– Что стряслось? – не поняла Лорна. – Ри, чего вопишь как резаная?

– Там Райгарх… – Рилна говорила слишком быстро и закашлялась. – Он вернулся из города и вел себя как-то непонятно. Через главный вход не пошел, полез по задворкам. Вы разговаривали, а он стоял здесь, около чулана, и слушал. Когда Ши запричитал, будто все пропало, он повернулся и… Хозяйка, он на конюшню пошел и петлю ладит! Повеситься с горя вздумал, как пить дать!

– Малыш, за мной! – Лорна с грохотом пронеслась через зал, сбив невовремя оказавшуюся на дороге Кэрли и опрокинув пару скамей. – Я ему покажу, как вешаться, пню трухлявому! Я ему повешусь! Я ему так повешусь, на всю жизнь запомнит! Я его сама повешу, причем не за шею!!

Кэрли, не удержавшись на ногах, совершила оборот вокруг себя и плюхнулась на усыпанный тростниковыми циновками пол. Загадочный тяжелый предмет, обернутый в

лоскут ткани, который она держала, выпал у нее из рук и отлетел в сторону.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Восполнение утраченного

Двери «Алмазного водопада», как полагалось в середине дня, стояли закрытыми. На настойчивый стук Аластора отозвался мрачный голос, убедительно посоветовавший не тревожить обитательниц заведения и проваливать на все четыре стороны.

– Мне нужно поговорить с хозяйкой! – прокричал в ответ взломщик.

– Она не принимает, – непререкаемо отрезал бестелесный голос.

– Тогда с ее помощницей. Или с кем-нибудь, кто здесь распоряжается!

– Вечером приходи, – посоветовал невидимый охранник. – Первый день как на свет родился, порядков не знаешь, что ли?

– Я эту треклятую дверь сейчас разнесу ко всем демонам, – буркнул Аластор.

– Надо было взять с собой Малыша и попросить его постучаться, – вымученно хмыкнула Феруза и, повернувшись к дверям спиной, упрямо замолотила по ним каблучком сандалии.

– Угомониться не можете? – проревел не на шутку разозлившийся стражник. – Помочь? Сказано – катитесь отсюдова! Приспичило?

– Позови госпожу Линнету! – настойчиво потребовала туранка. – Скажи, ее хочет повидать гадалка Феруза!

За дверями задумались. Имя Ферузы и ее репутация были достаточно хорошо известны, и вряд ли предсказательница стала бы ломиться в дверь столь уважаемого заведения, как «Водопад», из-за пустяков.

– Погодите, – в голосе охранника появились нотки неуверенности. Донесся звук тяжелых удаляющихся шагов, потом – невнятный разговор. Очевидно, караульный решил посоветоваться с приятелем или старшим по званию. Спустя какое-то время, показавшееся Шелле целой вечностью, загромыхали ключи и заскрипел вытаскиваемый засов. Между створками возникла тонкая щель, сквозь которую излилась волна приторно-сладких благовоний, настолько густая, что, казалось, ее можно потрогать рукой.

– Входите, – донеслось из-за створок. – Да побыстрее!

Большой нижний зал, где по вечерам девушки из «Водопада» встречали гостей, пустовал, погруженный в сероватую полутьму, нарушаемую робким миганием двух-трех настенных светильников. Вкрадчиво журчала вода маленького фонтана, пробираясь между камнями искусно устроенного водопада, благодаря которому заведение получило свое наименование. Ближе к ночи слуги зажгут укрытые среди валунов разноцветные лампы, превращавшие прозрачные струи в поток расплавленных драгоценных камней, но пока красивая игрушка бездействовала.

– Феруза? – долетело откуда-то сверху. По широкой лестнице торопливо спускалась пухленькая женщина, закутанная в развевающееся красно-золотое одеяние. Мелкие черные кудряшки, небрежно прихваченные высоким гребнем, подпрыгивали в такт семенящим шагам. – Что случилось? Кого ты привела? У нас днем закрыто, ты же знаешь!

– Знаю, – кивнула туранка. – Линнета, это Аластор, мой друг. Ему очень надо переговорить с вашей хозяйкой. А эту девушку зовут Шеллой Шелам.

– Госпожа Кэто не желает никого видеть, – торопливо, не дослушав, перебила Линнета, и отчего-то поежилась. – Хотите закатить вечеринку или собираетесь провести ночь с

нашими девицами? Я устрою.

– Но мы хотели бы побеседовать с владелицей, – медленно повторила Феруза. – Линни, поверь, это очень важно!

– Хозяйка больна, – Линнета решительно наклонила голову, непоколебимая в своем намерении не допускать в покои занемогшей госпожи никого.

Феруза и Аластор быстро переглянулись. Туранка еле заметно пожала плечами и кивнула, уступая поле боя приятелю.

– Линнета, послушай… – Аластор быстрым, выверенным движением увлек подозрительно косившуюся на него помощницу владелицы заведения к позванивающему фонтану. Феруза потянула Шеллу за собой, к огромному, устрашающе роскошному низкому дивану в туранском стиле. Девушки опасливо присели на краешек, оглядываясь по сторонам: Феруза с искренним любопытством, Шелла – настороженно. Шелковая обивка дивана назойливо пахла не то мускусом, не то розовой настойкой. В полутьме таинственно мерцали золотые украшения на стенах и потолке.

– Если у Аластора ничего не выйдет, может, здешняя хозяйка согласится принять меня хотя бы служанкой? – тоскливо сострила Шелла, пытаясь устроиться на гладкой поверхности дивана поудобнее.

– Не будь у меня дара предсказательницы, я наверняка очутилась бы в месте, подобном этому. Мне предлагали, – Феруза криво усмехнулась, спросив: – Как считаешь, я бы имела успех?

– Конечно, – не колеблясь, подтвердила Шелла и осторожно поинтересовалась: – Каково оно, предвидеть будущее?

– Иногда мне кажется, это занятие смахивает на подглядывание в замочные скважины, – грустно отозвалась Феруза. – Мне не хочется смотреть, но я не в силах закрыть глаза или отвернуться. Не получается. Потом становится очень тоскливо, будто ты вынужденно занимаешься чем-то неприятным и не можешь улизнуть. Может, кому-то удается избежать этого уныния, но такие, с позволения сказать, гадатели – чаще всего жулики. Те, кто имеет отношение к настоящему, подлинному колдовству – они редко радуются. Им не повезло. Выпало видеть мир таким, каков он есть.

– Надо же… – разочарованно протянула Шелла и осторожно выглянула из-за высокой спинки дивана – проверить, каких успехов удалось достичь Аластору.

Взломщик и кудрявая помощница хозяйки стояли возле всхода на лестницу. Линнета, судя по дерганым жестам рук, колебалась, готовая уступить. Шелле не удалось расслышать, что именно говорил ей Аластор, однако она уловила мягко-бархатистые интонации, свидетельствовавшие, что в ход пущено безотказное средство – слегка насмешливое, спокойное обаяние уверенного в себе человека. Шелла вздрогнула. Будь она в самом деле девушкой, пары фраз, произнесенных таким вот голосом, вполне хватило, чтобы заставить ее влюбиться по уши. Она поймала себя на том, что порывается встать, подойти к Аластору, завязать беспечный, легкомысленный разговор…

«Не дури, – строго прикрикнул внутренний голос. – Помни, ты – не девчонка! Твоя цель – вернуть законный облик. Перестань думать глупости и рассуждать, как женщина!»

Линнета нерешительно начала подниматься вверх по лестнице, сопровождаемая не прекращавшим уговаривать ее Аластором. Миновав первый пролет, она безнадежно махнула рукой и, перегнувшись через резные перила, негромко позвала:

– Феруза! Посиди с подружкой здесь, ладно?

– Одно препятствие позади, осталось убедить хозяйку, – вполголоса заметила предсказательница. – На нашу долю, как всегда, выпадает терпеливое ожидание.

Линнета и взломщик скрылись. Шелла, не выдержав необходимости сидеть на одном месте, отправилась бродить по залу. Заглянула в каменную чашу, куда падал водопад, обнаружив там медленно плавающих красных и золотистых рыб с длинными радужными хвостами. Нашла спрятанные за занавесями двери, одна, судя по кисловатому аромату, вела в кухню, другая – во внутренние помещения заведения. За третьей обнаружился узкий коридорчик, освещенный единственной свечой. Возле стены лежал потрепанный тюфяк, на коем восседал Джай Проныра собственной персоной. Персона вожака шайки из «Уютной норы» выглядела донельзя уныло и обескуражено.

– Ты что здесь делаешь? – опешила девушка, забыв, что Джай не в состоянии ее узнать.

– Линни разрешила, – нехотя буркнул Джай. – До открытия.

– Да нет, я имею в виду, что ты вообще здесь делаешь… Феруза! – Шелла вспомнила о своей беде и решила прибегнуть к помощи. – Феруза, поди сюда! Быстрее!

Проныра вскинул голову, намереваясь спросить, при чем тут гадалка, но в коридорчик вбежала встревоженная Феруза. Предсказательница и Джай изумленно уставились друг на друга.

– Ты как тут очутился? – потребовала ответа туранка.

– А ты? – ответил вопросом на вопрос Джай.

– Мы расхлебываем последствия авантюры Ши… Ох! – Феруза, догадавшись, прислонилась к стене и обреченно закатила глаза. – Ты ведь приходил в «Водопад» три дня назад вместе с Ши и Райгархом, да? Значит, с тобой тоже что-то случилось?

– Если бы я еще мог понять, что именно со мной случилось… – тоскливо протянул Джай. – Как поживают эти два остолопа?

– Вот Ши, – Феруза поймала пытавшуюся скрыться девушку за пояс и вытолкнула ближе к свету. Шелла вымученно улыбнулась. Джай непроизвольно икнул. – Лорна и Малыш сейчас уговаривают Райгарха не сводить счеты с жизнью. Он… как бы это сказать… больше не ощущает влечения к женщинам.

– Кто ж ему требуется, мальчики, что ли? – устало удивился Джай. Феруза отвела взгляд и удрученно кивнула. – И эти гадости случились из-за Ши?

– Погоди, я все объясню! – Шелла едва успела увернуться от нацеленного ей в лодыжку пинка и отскочила к двери. – Я не хотела! Джай, не дерись!

Джай как будто оглох. Поднявшись на ноги, он целеустремленно двинулся на Шеллу, попутно отстранив с пути пытавшуюся вмешаться туранку. Шелла выскочила за дверь, лихорадочно озираясь в поисках укрытия. Створка за ее спиной дрогнула, распахиваясь настежь, в проеме возник Джай, за ним металась испуганная Феруза.

Проныра шагнул через порог и исчез, оставив на память о себе тоненький звон.

Девушки остолбенели. Шелла открыла рот, но не смогла вытолкнуть застрявшее между зубами слово.

Впрочем, спустя миг Джай появился. Возле двери, что вела в кухню «Алмазного водопада».

– С самого утра так, – горько пожаловался он растерянным собеседницам. – Какую дверь не открою – возвращаюсь сюда. В «Водопад». Когда я тут очутился в первый раз, утром, меня пытались выкинуть. Бесполезно. Дошел до таверны «Белый лотос», открыл дверь, захожу – и снова оказываюсь здесь. Попробовал идти за кем-нибудь или с кем-то –

другой входит, как положено… А меня запихивает в этот бордель, будь он неладен!

Шелла и Феруза непонимающе посмотрели друг на друга.

– Ему никак отсюда не выйти, – пробормотала туранка. – Он возвращается на одно и то же место… Ши, что ты натворил!

– Вот я ему… ей сейчас и растолкую подробно, что она натворила! – с этим возгласом Джай устремился к потерявшей дар речи и способность двигаться Шелле, сгребя ее за болтавшуюся косу.

* * *

– Хозяйка? – Линнета осторожно постучала согнутым пальцем в изящную деревянную створку, украшенную резьбой и цветными камешками. – Госпожа Сувейба?

Тишина.

– Госпожа, к тебе пришли!

Неразборчивая возня, кашель, надтреснутый и разъяренный женский голос:

– Убирайтесь!

– Я предупреждала, – Линнета виновато развела руками.

– Кэто, открой дверь, – подчеркнуто внятно произнес Аластор. Подумал и добавил: – Пожалуйста.

В комнате зазвенело что-то, уроненное на пол. Зашаркали неуверенные шаги, приблизились к двери и остановились по другую сторону.

– Кайлиени? – неуверенно позвали из-за створок.

– Он самый, – подтвердил взломщик. – Впусти меня, надо поговорить.

– О чем? – зло спросила хозяйка «Водопада». – О чем нам разговаривать? Зачем ты пришел? – она сорвалась на неприличный визг. – Хочешь полюбоваться, что наделали твои дружки? Это ведь твои друзья, верно? За тобой всегда таскается всяческое отребье! Подобное к подобному, да, Кайлиени? Уходи, я тебе ни слова не скажу! Линни, позови охрану, выкиньте отсюда это отродье! Проваливайте! – визг перешел в сдавленные всхлипы.

Линнета смущенно потупилась. Приятель гадалки Ферузы и, видимо, давний знакомый госпожи Кэто не казался ей ни «отребьем», ни тем более «отродьем». Линни находила, что ей редко попадались на глаза подобные образчики рода человеческого. Но приказ хозяйки есть приказ хозяйки…

– Не волнуйся, – Аластор подарил растерянной чернявой женщине проникновенную грустноватую улыбку. – Милейшая Кэто всегда отличалась резкостью характера, – он снова постучался в комнату. – Перестань валять дурака. Я не могу разговаривать через дверь, это просто глупо, в конце концов! И пожалей своих цепных мальчиков. Думаешь, они мне помешают? – он весело подмигнул Линни и угрожающе потребовал: – Кэто, не заставляй меня портить чужое имущество!

В комнате промолчали. Затем раздался севший и тихий голос Кэто:

– Линни, я сама разберусь. Ступай вниз.

– Да, госпожа, – помощница вопросительно посмотрела на странноватого гостя. Тот кивнул. Линнета отступила к лестнице, на полпути быстро обернулась через плечо и

заметила открывающуюся дверь. Настойчивый посетитель добился своего.

Существо, представшее взору Аластора, напоминало ходячий куль неопределенного пола и возраста. Узнаваемым остался только неповторимый сладкий голосок Кэто, остальное скрывалось под плотной туранской накидкой для женщин и узорчатым платком, надежно прятавшим лицо. В комнате царил вопиющий беспорядок: перевернутая скомканная постель, опрокинутый туалетный столик и в довершение – хрустящие под ногами осколки стекла. Оглядевшись, взломщик увидел вычурную пустую раму и предположил, что Кэто в припадке ярости разбила зеркало. Удивляться нечему: близкие друзья госпожи Сувейбы отлично знали, чем способна обернуться ее ярость. Хрупким предметам, оказавшимся в этот миг поблизости, грозила верная гибель.

Темный мешок, имевший смутные человеческие очертания, доковылял до края постели и неуклюже уселся. Аластор поднял валявшийся на боку табурет и по привычке оседлал его.

– В честь чего тебе понадобилось рядиться гаремной затворницей? – игриво осведомился взломщик. Ответа не последовало, и он продолжил: – Кстати, какими судьбами ты вообще здесь оказалась? Я тебя в гости вроде не звал… хотя всегда рад видеть. Ты, оказывается, владеешь неплохим заведением, – он поднял с пола за длинные ремешки серебристую сандалию, – отчего-то возненавидела моих приятелей, насылаешь злые чары направо и налево… Кэто, ты объявила мне войну? Не раскроешь секрет – за что такая немилость? Мы с тобой всегда считались задушевными друзьями и относительно верными союзниками.

– Не прикидывайся невинным ягненком, – раздраженно донеслось из-под платка. – И не старайся обмануть обманщицу. Этот паршивый городишко – последнее место на Материке, где я хотела бы оказаться.

– Ты не любишь Шадизар, но приехала сюда, – Аластор раскачивал сандалию туда-сюда, словно маятник. Каждый взмах отмечал завершение очередного краткого предложения. – Приехала одна… или вместе с нашим общим другом Забиякой? Не стремилась разыскать меня. Зато рьяно искала кое-что другое.

Он выпустил сандалию, отлетевшую в другой угол комнаты, и жестом уличного фокусника извлек из сумки на поясе ярко блеснувший хрустальный флакон, наполненный оранжевой жидкостью.

– Отдай! – взвилась Кэто, пытаясь вскочить, но наступила на подол мешковатого одеяния. – Я знала, что это твоих рук дело! Верни мне его!

Из складок накидки хищно высунулась обтянутая сухой лиловатой кожей конечность с коричневыми потрескавшимися ногтями, стараясь выхватить флакон. Кэто промахнулась. Собеседник оказался быстрее, поймав женщину за запястье. Хозяйка «Водопада» задергалась, вырываясь, но быстро обмякла.

– Что такое? – искренне поразился Аластор, растерянно глядя на скрюченную и мелко вздрагивающую кисть. – Кэто, всякий раз, как мы с тобой встречаемся, ты находишь способ безмерно меня удивить. Ну-ка вылезай из своих тряпок!

Женщина невнятно запротестовала, мотая головой. Аластор требовательно подергал за край накидки, заставляя Кэто подняться.

– Не подглядывай, – мрачно потребовала госпожа Кэто Сувейба, начиная разоблачаться. Гость послушно отвернулся, но сперва незаметно передвинул носком сапога валявшийся на ковре довольно большой осколок зеркала, чтобы в нем отражалась фигура владелицы заведения.

Накидка упала на пол. Сверху опустился пестрый лоскут платка.

– Ой-е… – только и сумел выговорить Аластор.

– Доволен? – раздраженно вопросило создание с пепельно-серой кожей, облаченное в мешковато сидевшее на нем голубое платье, яростно щуря узкие зеленые глаза. – Как, нравится?

– На мой вкус несколько… э-э… необычно, – ушел от прямого ответа взломщик.

– Не лги, – устало махнула рукой преображенная Кэто. – Скажи честно – отвратительно. Я похожа на чудовище. И все благодаря твоим дружкам! Верни флакон, добром прошу! Не буду спрашивать, как вы его заполучили, только отдай!

– Говорили же тебе: оказавшись в Шадизаре, никому не доверяй, – наставительно произнес Аластор, не выпуская, однако, драгоценную склянку. – Что мы теперь будем делать? Торговаться до хрипоты, согласно местным традициям, столь нелюбимым тобой? Условия сделки весьма просты: ты получишь свою отраву, мои друзья вернутся к обычной жизни. Можешь считать себя полностью отомщенной: трое злоумышленников сейчас вовсю завывают от горя. Один стал хорошенькой девушкой и успел сполна познать тяготы ремесла уличной красотки, другого нестерпимо тянет к созданиям собственного пола… Третьего я пока не нашел, но, думаю, ему тоже приходится несладко. Кэто, излишняя жестокость никого не украшает. Согласен, они виноваты. Мои извинения смягчат твою разгневанную душу? Ну хочешь, я пригоню эту лихую троицу сюда и они лично попросят у тебя прощения? – бархатный голос взломщика приобрел умоляющее звучание. – В конце концов, они всего лишь обычные люди! Прости их, и дело с концом.

Кэто Сувейба молчала, медленно раскачиваясь взад-вперед и крутя в высохших, как тростинки, руках массивный золотой браслет.

– Не могу, – наконец выговорила она. – В смысле, демон с тобой и твоим мерзким городком, я согласна простить, хотя это против моих правил. У меня не получается снять заклятие, как ты не понимаешь! Я уже раз десять пыталась – никак!

– Почему? – настороженно спросил Аластор.

– Я… – хозяйка «Водопада» по привычке попыталась скромно опустить взор, но при ее нынешней внешности создавалось впечатление, будто она страдает косоглазием. – Я так разозлилась… Вложила в пожелание всю Силу, которой располагала! Неужели ты всерьез полагаешь, будто я по доброй воле отсиживаюсь в этом клоповнике? Я не могу отсюда уйти, не могу вернуться домой, не могу отменить заклинание!

Взломщик прищурился, словно вглядываясь в нечто далекое, и беззвучно присвистнул.

– Редкий случай, когда ты не лжешь… Что же ты не обратилась за помощью? К Забияке или ко мне?

Женщина горько хмыкнула:

– К Забияке Кебрадо? Чтобы он меня высмеял и отправил восвояси? Ему доставило бы огромное удовольствие знать, что я привязана к этому месту! Ты же знаешь, как он ко мне относится – хуже, чем к путающейся под ногами беспородной шавке! Вы все меня ненавидите! – изумрудные глаза наполнились слезами. Вспомнив, что обычного впечатления нуждающейся в помощи красавицы ей не произвести, Кэто раздраженно вытерла лицо подвернувшимся лоскутом.

– Я очень тебя люблю, – со смешком заверил давнюю знакомую Аластор. – Причем моя любовь возрастает тем больше, чем дальше ты от меня находишься. Как прикажешь с тобой поступать? В моей власти отвести тебя… скажем, на Перекресток. Оттуда добирайся сама.

– Сперва проторчав на Перекрестке до наступления конца времен? – сварливо осведомилась Кэто. – Спасибо, не нужно! И к тебе в гости я тоже не пойду. Буду сидеть здесь и ждать, пока не накоплю достаточно Силы! И можешь держать свое якобы искреннее сочувствие при себе! Не приходи сюда больше! Видеть не могу твою гнусную ухмылку!

– Возьми свое сокровище, – взломщик бережно опустил хрустальный флакон на пол. – Знаешь, я всегда считал, что ты излишне подозрительна, но сегодня ты перестаралась с обвинениями.

Былая красавица презрительно фыркнула. Аластор вышел в коридор, аккуратно притворив за собой дверь, и озадаченно нахмурился. Дело принимало крайне скверный оборот. Злящаяся госпожа Сувейба с легкостью творила самые невероятные мрачные чудеса, однако расхлебывание последствий охотно предоставляла кому-нибудь другому. Долго сидеть взаперти она не сможет. Надо что-то предпринять…

– Новая обуза на мою голову, – раздраженно буркнул взломщик, сбегая по лестнице в большой зал «Алмазного водопада», откуда доносились чьи-то яростные вопли вперемешку с женским плачем и негодующими восклицаниями.

Хныкала, как немедля выяснилось, Шелла. Она съежилась на диване – растрепанная и жалкая. Ее короткое сине-красное платье больше напоминало разрозненные лоскутья. Феруза обнимала новоявленную приятельницу за плечи и утешающе ворковала. Мрачный охранник заведения удерживал некую личность, упрямо старавшуюся вырваться и совершить убийство незадачливой девицы Шелам. В разъяренной личности Аластор с легким удивлением признал Джая Проныру. Рядом с охранником причитала, взмахивая руками и звеня украшениями, Линнета. Увидев Аластора, компания мгновенно замолчала и трепетом в глазах уставилась на взломщика.

– Ничего не получилось, – разочарованно признался Аластор. – Джай, какими лихими ветрами тебя сюда принесло?

– Сквозняками, – ответила за Проныру туранка. – Его тоже заколдовали. Он не может уйти: любая дверь приводит его на Ак-Сорельяну.

– А Шелла почему рыдает?

– Джай ее побил, – Феруза встала и потянула Шеллу за собой. – Пойдем, страдалица. Линни, благодарю, что разрешила нам поговорить с твоей госпожой. Ты не против, если Джай останется у вас?

– Куда ж его девать? – понимающе кивнула Линнета. – Дармоедничать не будет, подыщем ему занятие. Двери гостям открывать, что ли…

* * *

На улице обе девушки немедленно вцепились в Аластора, дружным хором требуя рассказать о встрече с госпожой Кэто Сувейбой.

– Кэто представляет собой нередкий случай: бестолковую и злую колдунью, – раздраженно проговорил взломщик. – Стремясь отомстить, она создала настолько могущественное заклинание, что теперь у нее не хватает силенок его отменить. Шелла, признавайся: какой дряни ты намешала в зелье, которое преподнесла дражайшей Кэто?

Госпожа хозяйка от него пошла чешуей и облысела!

Шелла вытаращила глаза, ойкнула и сдавленно захихикала.

– Ничего смешного! – зло рявкнул Аластор. – Кэто – изрядная мерзавка, не спорю, но сердить ее никому не советую!

– Тихо, тихо, – рассудительный голос Ферузы мигом заставил взломщика умолкнуть. – Значит, госпожа Кэто не в силах одолеть свое заклинание. Может ли это сделать кто-нибудь другой? Скажем, – туранка задумчиво накрутила на палец золотисто-рыжий локон, – скажем, Клелия Кассиана, которая обладает несомненным талантом к волшбе?

В предложении гадалки крылся несомненный здравый смысл, но, поразмыслив, Аластор разочарованно покачал головой:

– Она не согласится. Наверняка сочтет, что Кэто получила по заслугам. Кроме того, волшебство Клелии несколько… э-э… своеобразного рода и она не слишком умелая магичка.

– Но мы должны что-то сделать! – полным отчаяния голосом возопила Шелла Шелам так, что случайные прохожие недоуменно оглянулись. – Лучше умереть, чем оставаться девчонкой!

– Может, спустя луну-другую ты привыкнешь, – не слишком уверенно предположил взломщик.

– Понравится ли мне сидеть на раскаленной сковороде, если я посижу подольше? – огрызнулась Шелла.

– Что, если попробовать прибегнуть не к колдовским силам, но к божественным? – подала новую мысль Феруза.

– Выпотрошить наши денежные запасы, явиться в капище Бела, пасть на колени и взмолиться: «Окажи милость, помоги!»? – недоверчиво уточнила Шелла. – Сдается мне, что нашему покровителю подобная шутка очень бы понравилась. Он не станет ничего менять, предоставив нам отличную возможность пошевелить мозгами и самостоятельно отыскать выход.

– Я имела в виду не храм Бела, – уточнила туранка. – А Обитель Возвышенного Просветления, которая на полуночной окраине.

– Митрианцы? – Шелла презрительно сморщила нос. – Нас выгонят оттуда поганой метлой. По их мнению, жители прекрасного Шадизара неблагочинны, жадны, склонны к чрезмерному винопитию, чревоугодию и распутству, и совершенно не желают избавляться от своих грехов.

– Я слышала, – Феруза приняла серьезный вид, – что на Обитель снизошла благодать их покровителя. Якобы дня три назад тамошние монахи обрели какой-то талисман, способный творить чудеса и излечивать любую болезнь. То, что случилось с Райгархом, Ши и Джаем, тоже ведь можно назвать болезнью?

– Слово «обрели» означает: купили по дешевке на Ишлазе, – съязвила Шелла.

– Мы ничего не теряем, если сходим и узнаем, что и как, – настаивала гадалка. – Или ты можешь предложить что-нибудь получше?

– Феруза права, – согласился Аластор. – Прихватим Райгарха и наведаемся в гости к почтенным служителям Митры. В конце концов, это их прямая обязанность – помогать страждущим! Если откажутся, пригрозим, что пожертвуем им Шеллу.

* * *

Обитель Возвышенного Просветления возвели с полсотни лет назад, и она выглядела, как подобные ей митрианские храмы в любых странах Восхода и Заката: высокая часовня красного кирпича с бронзовым колоколом, зал для проведения церемоний с вырубленной из мрамора статуей Подателя Жизни, помещения для трех десятков монахов, маленькая библиотека, хозяйственные постройки, дом настоятеля и пристроенный в позапрошлом году двухэтажный домик для гостей. К Обители примыкал обширный пустырь, некогда заросший бурьяном, а теперь превращенный в недурной огород, и чахлый фруктовый садик, каждое лето страдавший от засухи.

Монастырь не бедствовал, но процветающим тоже не слыл – шадизарцы не собирались изменять своему лукавому и хитроумному Обманщику ради божества, последователи которого призывали к честному труду и умеренности. Потому нынешнее безмерное оживление, царившее вокруг Обители и прилегающих к ней кварталов, выглядело крайне удивительным и настораживающим.

Казалось, здесь собрались разнообразные увечные, калечные, расслабленные и страждущие со всего города, к которым присоединились обитатели приютов для скорбных разумом и гильдия нищебродов Шадизара в полном составе, не считая родственников, друзей, зевак и кучки совершенно растерянных городских стражников. Мелькали коричневые и черные рясы: монахи отчаянно старались призвать разношерстное шумное сборище к порядку. Их усилиями желающих приобщиться милости Светозарного выстроили в гигантскую очередь, змеей вившуюся по близлежащим улицам и переулками, и затем ручейком вливавшуюся в распахнутые ворота Обители. У ворот бдели два десятка стражников, а задерганные монахи наскоро выясняли, какими недугами снедаем проситель и собирали мзду – по медному немедийскому талеру с человека. Судя по числу ожидающих, обитатели монастыря к вечеру могли набрать сумму, достаточную для полного обновления часовни, постройки нового хлева и изрядного расширения библиотеки.

– До вечера промаемся, – тоскливо заныла Шелла, когда Аластору, Райгарху и ей удалось с величайшим трудом разыскать окончание очереди и заполучить чаемое место, выдержав перед тем бурную словесную перепалку с обширным семейством, волочившим паланкин с беспрерывно капризничавшей старухой. – Это бесполезно! Ничего у нас не выйдет!

– Шелла, сделай одолжение, заткнись, – Аластор подумал, что совершенно правильно поступил, уговорив остальную часть Компании дожидаться исхода предприятия в таверне. Ему вполне хватало общества окончательно потерявшей надежду Шеллы и впавшего в мрачную угрюмость Райгарха. На вышибалу «Уютной норы» недоуменно косились даже здесь, посреди сонма личностей, обладавших самыми разнообразными телесными пороками. По настоятельному требованию Лорны (подкрепленному выплеснутым на голову Райгарха ведром воды) асир избавился от неумело нанесенного на лицо слоя краски, но убедить его сменить наряд или сделать что-то с исходившим от него приторным ароматом благовоний Ферузы не сумел никто. Аластор отчетливо слышал смешки и самые дикие предположения соседей по несчастью, касающиеся Райгарха, и обреченно прикидывал, что делать, если терпение вышибалы лопнет. Ведь изменения коснулись и характера Райгарха –

он стал истеричным и донельзя обидчивым. Пока он держал себя в руках, но стояние на одном месте, толкучка и духота кого угодно доведут до белого каления…

Очередь медленно продвигалась к видневшимся над крышами окрестных домов зубчатым стенам Обители. Над толпой кружили сплетни: митрианский Талисман вернул разум впавшему в детство старому ростовщику и тот немедля лишил наследства свору племянников и племянниц; слепая девушка прозрела, огляделась по сторонам и теперь желает повеситься, ибо увиденный мир ее разочаровал; известный всему городу побирушка Гатти Ползун получил возможность снова встать на собственные ноги и внезапно сообразил, что лишился надежного источника подаяний… Последняя новость заставила некоторых нищих задуматься и украдкой покинуть людскую цепь.

– Эта штука похожа на солнечный диск, отлитый из чистого золота, – бегавшая к уличному торговцу за очередным кувшином тепловатой воды Шелла заодно вызнала кое-какие подробности о загадочном сокровище митрианцев. – На ней выбита надпись на староаквилонском «Восполняя утраченное, задумайся о божественном могуществе» или какая-то возвышенная чушь в подобном духе. Она не дает богатства, не исполняет никаких желаний, только исцеляет, причем по своему выбору. Некоторым она помогать не стала. Монахи сказали – эти люди солгали или недостаточно верили. Тамошний настоятель, достопочтенный Габерия, каждый колокол читает для посетителей проповедь, надеясь обратить кого-нибудь в свою веру, аж охрип, бедняга…

Впереди раздались негодующие вопли. Кого-то уличили в попытке тишком примкнуть к очереди и теперь с позором изгоняли. Неудачливый жулик, сопровождаемый градом сыпавшихся на его лысоватую голову проклятий, сгорбившись, юркнул в приоткрытую калитку первого попавшегося на глаза дома и спустя миг вылетел оттуда, сопровождаемый злобным собачьем лаем. На вид сему предприимчивому типу стукнуло лет пятьдесят, и он производил впечатление разбогатевшего мелкого торговца на покое – эдакий добродушно-въедливый старичок, изрядно потрепанный жизнью, но не утративший бодрости. Шелла, завидев беглеца, задумалась, припоминая, где могла его видеть, и дернула Аластора за рукав:

– Смотри, вон мечется месьор Эпиналь, знакомый твоей несравненной Клелии Кассианы. Его-то какая нужда сюда пригнала?

– Где Эпиналь? – насторожился взломщик, озираясь. Увидев сутулую фигурку, озадаченно хмыкнул, и к удивлению девицы Шелам, отступил на пару шагов, укрывшись за кожаными занавесками паланкина.

Месьор Эпиналь меж тем повторил попытку избежать всеобщей участи долгого стояния в очереди. На сей раз он пристроился к почтенной матроне, опекавшей слабоумного отпрыска, и завел с ней душеспасительную беседу. Почтенная горожанка дружелюбно кивала, пока не заподозрила нечто неладное и не загромыхала, честя престарелых любителей дармовщинки, якобы страдающих отсутствием памяти.

– Не стоял ты здесь! – вопияла грузная дама. – Духу твоего тут не было! Сгинь, кочерыжка гнилая!

Матрону охотно поддержали – какое-никакое, а развлечение. Посрамленный Эпиналь спешно удалился и с ужасно разочарованным видом побрел вдоль бесконечной людской цепочки, вполголоса порицая распущенные городские нравы. Громче он говорить не решался, опасаясь вызвать неудовольствие шадизарцев.

Пронырливый старикан резво трусил мимо троицы из «Уютной норы», когда Аластор окликнул его по имени. Эпиналь замер, как вкопанный, и судорожно завертел головой по

сторонам. Увидев взломщика, кинулся к нему, как к давно потерянному и вновь обретенному родственнику.

– Кайлиени! Вот не чаял, что так повезет! Душечка Клелия говорила, будто видела тебя, но не обшаривать же мне все таверны и бордели, ища, где ты прячешься! Староват я уже для таких прогулок, ой, староват…

Взломщика, похоже, несколько ошеломила подобная горячность встречи. Эпиналь, не давая собеседнику опомниться, настойчиво выволок его из толпы и увлек к стене дома, продолжая говорить:

– Кайлиени, ты должен мне помочь! И не возражай! Я прощаю твои прошлые выходки, все до единой – Клелия тебе передала? Ты видишь, что творится? Это безобразие нужно остановить – немедленно, как можно скорее! Я никак не могу пробраться внутрь – уже дважды выстаивал эту распроклятую очередь, но добирался до ворот только к вечеру. После девятого послеполуденного колокола они закрываются и я всякий раз остаюсь ни с чем! Аластор, ты ведь можешь что-нибудь предпринять! Это твое ремесло!

– Презренное и недостойное, – голосом, очень похожим на старческий фальцет Эпиналя, произнес Аластор. – Человек, тратящий свои дни на похищение чужого имущества, не имеет права являться в приличное общество и рассчитывать на сохранение доброго имени… Твои слова, почтеннейший?

– Приношу нижайшие извинения, – быстро пробормотал месьор Эпиналь. – Альс, к чему вспоминать старые обиды? Пожалуйста, очень тебя прошу – забери Диск у этих проходимцев! Они превратили обладание истинным сокровищем в балаган и торжище!

– Монахам тоже нужно золото, – равнодушно пожал плечами взломщик. – Кроме того, исцеляя болящих, разве они не совершают дело, угодное Митре и тебе, его верному цепному псу?

Старик тяжко вздохнул им закатил бесцветные глазки, собираясь пуститься в долгие разъяснения, но ему не дали – Шелла Шелам взволнованно крикнула, что очередь наконец слегка переместилась.

– Ладно, считай, ты меня уговорил, – сдался Аластор. – Идем.

Семейство, цепко державшееся за свое место позади Компании, начало яростно возражать против явления нового человека. Прибодрившийся духом Эпиналь немедля затеял спор и к тому моменту, когда людской поток приблизился к гостеприимно распахнутым воротам, сумел настолько убедить невольных слушателей в превосходстве митрианства над прочими верованиями Материка, что глава семьи заявил о своем решении пожертвовать на нужды Обители крупную сумму – при условии, что пресловутые чары Талисмана окажутся действенными.

– С чем пришли, почтенные? – осведомился совершенно затурканный монах, сидевший подле входа и ведавший переписью наведывавшихся страдальцев.

– Девица желает вернуть утраченную по ошибке девственность, громила – потерянную мужественность, – буркнул Альс. – Что до меня, то я напрочь лишился веры в человечество. Старикан – просто слабоумный.

Заранее подученный Эпиналь с величайшей неохотой затряс головой, издал подобие блеяния и с отвращением пустил на бороденку струйку слюны. Митрианец подозрительно глянул на компанию, хмуро возразив:

– Утрата веры – болезнь души, а не тела. Вряд ли Дар Митры пожелает оказывать помощь в таком случае. Может, тебе стоит обратиться к…

Альс скроил зверскую гримасу, наклонился к уху монаха и раздраженно прошипел:

– Нужно крикнуть на весь город, что я подцепил дурную болезнь от девицы, выглядевшей, как невинный весенний цветочек, и заверявшей, будто она не имела никаких дел с мужчинами?

– А-а, – понимающе закивал обстриженной в круг головой монах. – Медный талер с человека и проходите быстрее, остальных задерживаете. Ступайте туда, – он указал на высокие бронзовые двери зала для церемоний, возле которых собралась небольшая толпа жаждущих исцеления, нетерпеливо ожидающих разрешения войти.

* * *

В иное время Шелла Шелам с интересом бы глазела по сторонам – ей редко приходилось бывать в митрианских святилищах. Она запомнила только узкие окна с цветными витражами, из которых падал рассеянный дневной свет, выцветшие фрески на стенах, изображавшие деяния божества Милосердия и его наиболее известных последователей, вроде блаженного Эпимитриуса Аквилонского и святой девы Алийяны из Офира, а также казавшуюся слегка желтоватой статую в три человеческих роста, снисходительно взиравшую на людское копошение у себя под ногами.

Талисман, вызвавший в городе такое оживление интереса к митрианцам, висел, слегка покачиваясь, на серебряной подставке вроде той, на которую в богатых домах вешают гонги для вызова слуг. Слухи не лгали – реликвия в самом деле имела вид отчеканенного из тускло блестевшего золота солнечного диска с множеством слегка изогнутых лучей. В центре Диска различались чуть стершаяся за давностью времен надпись, а размерами он не превышал глиняной тарелочки для маслин, то есть вполне умещался на двух сложенных ладонях. Сокровище бдительно охраняли трое сменявшихся монахов, с десяток стражников топтался вдоль стен, приглядывая за надлежащим смиренным поведением посетителей храма.

Распоряжавшийся церемонией настоятель Габерия надрывным шепотом растолковывал правила: один за другим просители будут подходить к возвышению, где стоит Талисман, преклонять колени и, взывая в душе своей к безграничному снисхождению Лучезарного, с положенным трепетом и смирением прикасаться к реликвии. Прикасаться, не лапать грязными ручищами, поняли? Ответ Небес последует либо сразу же, либо по выходе из зала. Выходить следует вон там, где в дальнем углу, слева от статуи Подателя Жизни виднеется низкая дверца. Не толкаться, не шуметь, не лезть без очереди! Кто первый? Ты? Иди!

– Какой позор! – еле различимо проскрипел месьор Эпиналь, обращаясь не то к Аластору, не то к самому себе. – Какое чудовищное надругательство над священным символом!

– А по-моему, здешние монахи проявляют к этой безделушке незаслуженное благоговение, – поддел раздраженного старца взломщик. Шелла их почти не слышала. Впервые в жизни Ши Шелам пытался искренне воззвать к обитателю Высших Сфер. Конечно, Ши частенько обращался за поддержкой к Белу-Обманщику, но это совершенно другое дело! Бел – неотъемлемая частица Шадизара, многие считают, что Хитрец обитает в своем любимом городе, незримо или в виде человека. Что же до Митры, то Ши пугала

торжественность и строгость обрядов, посвященных Светозарному богу. Ши отлично знал, что монахи-митрианцы могут страдать теми же пороками, что и любой житель Шадизара, однако их покровитель представал каким-то безмерно недоступным и порицающим мелкие людские слабости.

«Там, наверху, должны видеть, что я не виноват в том, что случилось! – упрямо твердил про себя Ши. – Да, признаю, я обманул госпожу Кэто. Без всякого злого умысла, просто в этом городе принято так поступать! Я предположить не мог, что зелье так плохо на нее подействует! Я не хотел, честное слово! Верните меня обратно! И… и помогите Райгарху, если вам нетрудно, а? Он вообще тут не при чем…»

Шелла уступила свое место вышибале из «Норы», втайне надеясь узнать – подействует могущество Диска или нет. Если Райгарх станет прежним, значит, и ей, Шелле Шелам, некогда звавшейся уличным воришкой Ши Шеламом, может повезти. Она изо всех сил вглядывалась в асира и ощутила острый приступ разочарования, когда он опасливо дотронулся до одного из лучей золотого солнца: Райгарх ничуть не изменился, по крайней мере внешне. Девушка напомнила себе, что боги не обязаны торопиться с выполнением желаний смертных, но, вставая на колени перед мраморным возвышением, она не чувствовала никакого трепета или благоговения. Только опустошение и горькое сознание того, что остаток жизни она проведет в облике женщины.

На Диск попал солнечный луч, он весело блеснул. Шелла вытянула указательный палец, коснулась чуть теплого металла и внезапно расслышала – или ей показалось? – тихий добродушный смешок. В следующий миг красно-синее легкомысленное платьице стало несколько узковато в плечах.

Только сознание того, что он находится в храме и вокруг топчется с полсотни свидетелей остановило Ши от намерения заглянуть под подол одежки и собственными глазами удостовериться в милости Небес.

Зато от радостного вопля его не удержало ничего. Ши неразборчиво заорал, заставив монахов и стражников возмущенно уставиться на возмутителя спокойствия. Настоятель, шаркая плетеными сандалиями по каменному полу, спешил лично разобраться в причине столь неблагочинных криков. Ши самозабвенно голосил, не замечая устроенной суеты и не видя, как державшийся позади него Аластор проскользнул к возвышению и одним быстрым, кошачьим движением снял золотой Диск с цепочек, на которых тот покачивался.

– Грабят! – счастливые повизгивания Ши Шелама заглушил яростный вопль не потерявшего бдительности стражника. – Талисман! Эй, где Талисман?! Хватайте всех! Обыскать, найти! Месьор Габерия, Диск стянули!

Почтенный Габерия беззвучно открыл и закрыл рот, пялясь вытаращенными глазами на опустевшую подставку, затем гулко икнул и неуклюже повалился на спину. Монахи бросились к своему настоятелю, которого, похоже, хватил сердечный удар. В суматохе кто-то толкнул растерянно топтавшегося на месте Эпиналя. Из-под выцветшей синеватой хламиды почтенного старца выпало золотое солнце, с отчетливым звяканьем покатившееся по полу.

В храме наступила зловещая тишина, не предвещавшая ничего хорошего.

– Я-а… – севшим голосом пискнул Эпиналь, судорожно дергая головой. – Погодите, добрые люди! Я тут совершенно не при чем!

– И ничуть они не добрые, – Аластор сгреб по-прежнему стоявшего на коленях Ши за воротник и поволок за собой. – Шевелись, моя красотка! Райгарх, уходим!

Трое посетителей, на которых в возникшей сумятице никто не обратил внимания,

бочком отступили к низкой двери и выскочили наружу. Вслед им летела совершенно неуместная в митрианском храме площадная брань и жалобные причитания месьора Эпиналя, которому вряд ли удалось избежать побиения разгневанными горожанами и монахами.

Оказавшись снаружи, Райгарх оглянулся, подобрал валявшуюся у стены лопату и деловито подпер ей дверь. Ши разобрал истерический хохот, оборвавшийся после полученной от взломщика затрещины.

– Бегом, бегом, – Аластор подпихнул своих приятелей, но направились они не к воротам монастыря, а к конюшне, крыша которой находилась чуть ниже каменной стены, окружавшей Обитель. Троица спрыгнула на улицу, вызвав легкое изумление терпеливо дожидавшихся своей очереди страдальцев и поспешно удалилась.

Оказавшись как можно дальше от Обители Возвышенного Просветления, Аластор наконец остановился, привалился к стене и безостановочно захихикал. Не переставая смеяться, он вытянул из сумки на поясе сверкнувший древним червонным золотом Диск и предъявил изумленно присвистнувшим Ши и Райгарху.

– Сочувствую почтенному Эпиналю, – с трудом выговорил взломщик. – Впрочем, он заслужил легкую трепку. Нечего было распускать всякие мерзкие сплетни и морочить головы моим подружкам! Старый ханжа!

– Но я сам видел, как он выронил эту штуку, – Райгарх взял Талисман и недоверчиво покрутил, разглядывая мелкие насечки на солнечных лучах.

– Видел, – охотно подтвердил взломщик. – Причем не только ты. Жаль, мы пропустим любопытное зрелище: почтенные монахи ищут свое сокровище и убеждаются в его бесследном исчезновении. Это наваждение. Маленькое такое, легкое наваждение, – Аластор состроил невинную физиономию. – Эпиналю, конечно, изрядно достанется, но убить его не убьют. Тем временем мы навестим бедолагу Джая и страдающую от утраты своей красоты Кэто Сувейбу, перед которой мы в большом долгу. Потом посмотрим, что делать с Диском. Может, вернем его Обители – за определенный выкуп, разумеется.

– Я хочу переодеться, – решительно заявил Ши. – Немедленно. В таком виде я на улицу не выйду!

– Мне казалось, ты решил остаться девочкой, – фыркнул Аластор.

– Я с вами не пойду, – насупился Райгарх. – Только до ближайшей лавки с одеждой. Мне перед Лорной теперь извиняться под конца жизни!

– Думаю, гораздо меньше, – заметил взломщик. – Лорна – женщина мудрая и не склонная придавать значения пустякам. В конце концов, это не твоя вина.

– А Птичник? – скорбно напомнил асир. – А благовония Ферузы? А это? – он подергал себя за жалкий огрызок былой обетной косицы, срезанной под корень. – Малыш, должно быть, считает меня безумцем либо человеком, не стоящим даже презрения!

– С Малышом я побеседую и растолкую, что к чему, – пообещал Аластор. – Пошли искать лавку и восполнять утраченное. Если мне кто-нибудь предложит распить кувшин-другой розового шемского я, наверное, не откажусь… А, Райгарх? – вкрадчиво предложил он. – Угостишь хорошего парня?

Асир смерил ухмыляющихся приятелей мрачным взглядом, но промолчал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
Ястреб Пустыни

– Опять вы? – устало удивилась Линнета, когда на пороге «Алмазного водопада» предстали Аластор и едва ли не подпрыгивающий от восторга Ши. – Хотя погодите, днем это чудо вроде бы разгуливало в женском платье?

– Дорогая Линни, ты ошиблась, – медовым голосом проворковал Ши. – Нас всегда путают – меня и мою сестренку Шеллу. Мы с ней близнецы, так уж получилось.

Линетта вопросительно скосилась на Аластора. Взломщик закивал и осведомился:

– Как поживает хозяйка?

– Скверно, – Линнета широким жестом обвела пустующий зал, освещенный тускло горящими лампами. Даже искусственный водопад, казалось, стал журчать глуше и тоскливее. – Постоянных клиентов, конечно, обслуживаем – репутация заведения требует, но без госпожи Кэто былого огонька уже не зажечь. Девицы хандрят, поставщик фруктов без зазрения совести обсчитал на десять империалов, охранники весь день дуются в кости и маются от безделья… Что вы на этот раз затеяли?

– Добыли отличный подарок для госпожи Сувейбы, – похвастался Ши, вызвав у помощницы хозяйки недоверчивое хмыканье. Однако Линнета не стала спорить и сама проводила незваных гостей к покоям владелицы «Водопада».

– Нет-нет, ты останешься здесь, – Аластор вовремя отодвинул в сторону Ши, вознамерившегося проскользнуть в комнату. – Если ляпнешь новую глупость, я тебя выручать не буду. Пойди, разыщи Джая и скажи ему, что спасение грядет. Линнета, полагаю, тебе тоже не стоит не входить.

– Ладно, – покладисто согласилась Линни и удалилась, надменно потряхивая черными кудряшками. Ши потащился за ней, как привязанный, непрерывно треща и рассыпая комплименты. Воришке до сих пор не верилось в благополучное разрешение обрушившихся на него бед и он стремился удостоверится в том, что является самим собой – парнем девятнадцати лет от роду по имени Ши Шелам.

– Я же сказала: не приходи сюда больше! – раздраженно прошипела Кэто, отпирая дверь и оказываясь лицом к лицу с давним знакомым.

– Никогда не торопись кричать «нет», – наставительно посоветовал взломщик, извлекая из поясной сумки нечто, тщательно завернутое в отрез шелковой ткани. – Я рисковал жизнью и рассудком, дабы преподнести тебе бесценное сокровище, а ты сразу пытаешься выгнать меня прочь. С твоей стороны это несправедливо и неразумно.

Из-под плотной черной ткани, надежно скрывавшей облик госпожи Сувейбы, донесся презрительный смешок. Не обращая внимания на столь явственное недоверие, Аластор уложил свое подношение на покосившийся туалетный столик и аккуратно развернул. Торжественно и ярко сверкнуло золото, Кэто ойкнула и попятилась, пробормотав:

– Но… Эта вещь – *настоящая*, наделенная Силой! Где ты ее взял?

– Какая разница? – отмахнулся взломщик. – Главное – она действует. Исцеляет почти любую хворь! В этом на собственной шкуре убедились с полтысячи жителей славного города Шадизара, до того скорбевших бледной немочью, умственной расслабленностью и костяной сухоткой. Нужно только искренне попросить и дотронуться до этой штуки.

Кэто сдвинула платок на затылок и внимательно разглядывала Диск, наклоняя облысевшую голову вправо-влево. Озадаченно прикусила губу, несколько раз тяжело вздохнула.

– Ты вправду считаешь, что митрианская реликвия захочет помогать какой-то содержательнице притона? – настороженно спросила она.

– Попробуй и узнай, – беспечно отозвался Аластор. – Давай, Кэто, не трусь! Хуже все равно не будет! Или ты до конца жизни намерена отсиживаться в любезном твоему сердцу борделе? Кстати, из-за отсутствия твердой хозяйской руки заведение терпит убытки. Линни очень старается, но…

Госпожа Сувейба поежилась, вздернув острые плечи. Нахмурилась, став похожей на храмовую стигийскую кошку редкой безволосой породы. Потопталась на месте и нерешительно дотронулась иссохшими пальцами с коричневыми крошащимися ногтями до Талисмана.

Над Диском взлетело искристое, красно-серебристое облачко, испустившее тонкий мелодичный перезвон. Кэто взвизгнула и сунула пальцы в рот, словно обожглась. Зачарованный взломщик уставился на золотой кругляш, чьи очертания, казалось, плавились и изменялись – солнечные лучи становились то длиннее, то короче, гравированная надпись исчезала, словно смываемая водой, и появлялась вновь… Рой летучих искр устремился к потолку и осыпался мелким дождем на Кэто, лихорадочно замахавшую руками, точно в попытке отогнать навязчивых насекомых.

– Убери их! – испуганно выкрикнула она. – Жжется!

Помочь ей Аластор ничем не успел, потому что яркие искры потемнели, обращаясь сероватой пылью и образуя на полу горки, похожие на пепел от сожженного пергамента. Госпожа Сувейба торопливо отряхивала платье от пыльных комочков и вдруг замерла, издав нечленораздельный звук и прижав ладонь к черепу, поросшему короткой сизоватой шерсткой.

Между пальцами у нее оказался зажат пучок лиловых волосков. На их месте упрямо пробивались вьющиеся медно-рыжие пряди. Грязно-серая кожа светлела, приобретая обычный матовый оттенок, потрескавшиеся ногти срастались, становясь розоватыми, на веках проклюнулись кончики исчезнувших ресниц… Кэто метнулась к зеркалу, увидела пустую раму и, сдирая с себя мешковатую накидку, вылетела в коридор. Там она, похоже, натолкнулась на Линнету – до Аластора донесся восторженный вопль, сопровождаемый хлопаньем распахивающихся дверей и многоголосым женским щебетанием.

Взломщик остался сидеть в пустой комнате, в окружении разбросанных нарядов, валяющихся на полу склянок с благовониями и украшений. Он бережно взял со стола Диск, недоуменно поскреб пальцем сердцевину – ему показалось, что золото помутнело – и завернул реликвию в оставленный Кэто узорчатый платок. Прислушался к оживленному шуму в коридоре, кривовато ухмыльнулся и, наклонившись, один за другим быстро выдвинул ящички стола.

Искомое обнаружилось в дальнем углу нижнего ящика, старательно прикрытое расшитой жемчугом налобной повязкой – хрустальный флакон в виде апельсинового плода. Аластор вытащил его, полюбовался блеском граней и, поколебавшись, бросил в сумку.

– Верну денька через два, – пообещал он разбитому зеркалу. – Пусть милейшая Кэто испытает легкое душевное волнение. Ей не повредит.

Джай и Ши околачивались подле главных дверей заведения, прислушиваясь к растущему

галдежу на втором этаже. Аластору удалось проскочить мимо ликующих девиц из «Водопада» незамеченным, и, сбежав по лестнице, он окликнул приятелей:

– Наши дела здесь завершены!

– Госпожа хозяйка поправилась? – с искренней заинтересованностью спросил Ши.

– Как думаешь, с чего поднялся такой тарарам? – ответил вопросом на вопрос Аластор.

– Они, наверное, всю ночь праздновать будут, – мечтательно протянул воришка. – Может, остаться? Если б не мы, Кэто до смерти ходила бы зеленой и чешуйчатой, словно покойная Мириана…

– Если б не вы, моя жизнь была бы намного спокойнее, – огрызнулся взломщик. – Пошли-пошли, нечего таращиться на красоток, они тебе не по карману. В долг не проси – не дам!

– Скряга, – грустно бросил Ши. – Скупердяй шемитский.

– Погодите, как же смогу я выйти? – опомнился Джай, слегка растерявшийся от столь быстрой перемены обстоятельств.

– Через дверь, как положено людям. Кэто тебя прощает, – с этими словами Аластор толкнул тяжелую створку красного дерева.

В опускающихся сумерках перед заведениями Ак-Сорельяны один за другим вспыхивали разноцветные фонари, звенели на ветру связки медных колокольчиков, слышались крики зазывал и нарочито громкий смех девиц. Трое мошенников еще несколько мгновений постояли на верхней ступеньке «Алмазного водопада», слушая привычные звуки Шадизара, вступавшего в очередную ночь, несущую кому-то удачу, а кому-то – жестокое разочарование.

– Идем домой, – неожиданно проговорил Ши. – Нас, наверное, заждались. Интересно, там Райгарх с Лорной помирились?

* * *

То, что Малыш влюбился (едва ли не впервые) и отчаянно пытается это скрыть, понимали все. Кроме него самого. Умненькая, красивая, жизнерадостная Диери Эйтола с каждым днем нравилась ему все больше и больше, но Конан усвоил, что затверженные с детства благочинные традиции на обитателей взбалмошных городов вроде Шадизара не распространяются. Диери только посмеется, если предложить ей выйти замуж и уехать. Куда? Обратно на Полночь, что ли? Конана туда совершенно не тянуло.

Окончательно запутавшись, мальчишка-варвар рискнул обратиться за советом к человеку, который наверняка не станет над ним смеяться и не разболтает чужую тайну.

– Женщины, – задумчиво изрек Аластор, терпеливо выслушав сбивчивые излияния младшего из жильцов таверны «Уютная нора». – От них проистекает вся радость мира и все наши горести. Значит, так! Не бери пример с меня: не позволяй подружке крутить тобой по своему усмотрению. Встречайся с ней как можно чаще, но старайся не быть навязчивым. Возжелает безделушку, платье, цепочку, котенка – покупай, только смотри, как бы не оказаться с пустым кошельком. Дари ей что-нибудь – не обязательно дорогое, главное, чтобы от души. Развлекай, тверди, какая она несравненная, единственная и неповторимая. Это, конечно, ложь от первого до последнего слова, но девушкам нравится. Остальные вопросы, я

думаю, вы в силах решить самостоятельно. Да! – он наставительно поднял палец. – Чуть не забыл! Никогда, никогда не расспрашивай свою приятельницу о ее прошлом, чем она зарабатывает на жизнь и сколько у нее друзей, помимо тебя. Можешь ужасно разочароваться. Кстати, мне до крайности любопытно взглянуть на особу, рискнувшую остановить свой выбор на столь диковинном создании, как ты.

– Пошли, познакомлю, – нерешительно предложил Конан.

Встреча получилась несколько сумбурной и испорченной внезапным появлением Шеллы-Ши, за которой азартно гонялись люди Кодо Ночного Кошмара. Однако даже столь краткие смотрины позволили Аластору составить впечатление о знакомой Малыша и высказать свое полное одобрение.

– Не упусти такое сокровище, – напутствовал он чрезвычайно смущенного мальчишку, и Конан твердо собирался последовать этому совету.

Безумие, владевшее обитателями «Норы» в последние три-четыре дня, вроде пошло на убыль. Райгарх, Ши и Джай вернулись к привычным обликам, ссоры отгремели, взаимные обвинения иссякли, расчеты завершены, и Феруза высказала общее мнение, заявив: «Кто старое помянет – тому глаз вон!».

Сегодняшний день Малыш собирался целиком и полностью отдать Диери. Они побродят по городу, наведаются на Золотой рынок, у него вполне хватит денег, чтобы сводить подружку в «Пещеру демона» или другую приглянувшуюся ей таверну. Кто знает, может к вечеру Диери надумает пригласить его в гости? Девице Эйтола принадлежал дом в зажиточном квартале Ламлам, который она делила с подругой и двумя служанками. Конана очень интересовало, откуда Диери берет средства для содержания довольно дорогого жилья – она не занималась никаким ремеслом и не имела богатых родителей или процветающего дядюшки-купца. Однако Аластор предостерегал от лишних вопросов, и, наверное, знал, что говорил.

Диери ожидала приятеля на условленном месте, подле известного любому жителю Шадизара Опалового фонтана. Если верить легендам, его когда-то в самом деле украшали крупные зеленоватые опалы, нынче замененные дешевыми подделками из яшмы. Парапет фонтана затянул сероватый мох, вода цвела и отдавала плесенью, но какая разница, если на покосившемся ограждении сидит, легкомысленно болтая ногами, девушка в ярко-алой тунике? Малыш еще с десяток ударов сердца постоял за углом, глядя, как солнце отливает бронзой на волосах Диери, как вспыхивают огоньками камни в ее браслетах и как она нетерпеливо оглядывается по сторонам.

Всякий раз он опасался, что придет и не застанет своей подружки – вдруг она не дождалась и ушла с кем-нибудь другим?

Девушка вдруг заметила, что за ней пристально наблюдают, состроила надменную рожицу и отвернулась. Впрочем, спустя миг она уже бежала мимо облюбовавших площадь у Опалового фонтана торговцев, одобрительно свистевших ей вслед.

* * *

К полудню странствующую без особой цели парочку вынесло к пределам квартала Чамган, принадлежавшего двергам-гномам. Диери, виновато улыбаясь, словно привязанная

невидимой веревкой, устремилась в сторону лавок, над которыми раскачивались изображения двух перекрещенных кирок и ограненного кристалла. Такая вывеска обозначала ювелира, что подтверждалось тягучим звоном крохотных молоточков и змеиным посвистыванием непрерывно вращающихся шлифовальных кругов, на которых драгоценным камням придавали необходимую форму.

Малыш, пожав плечами, двинулся следом за подружкой, от души надеясь, что Диери не придет в голову блажь обзавестись алмазным ожерельем, стоящим больше, чем «Уютная нора» вместе со всем содержимым таверны. К счастью, ее вполне устроило скромное колечко с бирюзой.

Пока девушка вдумчиво перебирала украшения, Конан украдкой прислушивался к болтовне стоявших рядом покупателей – двоих местных купцов, сопровождаемых девицами, наверняка промышляющими в домах Ак-Сорельяны. Собственно, Малыша больше притягивали таившиеся за поясами торговцев кошельки, однако новости тоже звучали любопытно.

Оказывается, вчера митрианская Обитель Возвышенного Просветления утратила столь внезапно обретенную чудодейственную реликвию. Причем утратила при весьма загадочных обстоятельствах – Талисман пытался вынести некий бойкий старец. Когда усилиями городских стражников его изловили, золотого Диска при нем не оказалось. Монахи обшарили Обитель сверху донизу, но ничего не нашли. Разъяренная толпа увечных и калечных, лишившихся возможности исцелиться, разломала двери подвала, куда посадили виновника, выволокла его на площадь перед храмом и лупцевала костылями, пока бедолага не испустил дух.

Конан вспомнил, что нынешним утром заметил в таверне подвешенное над стойкой изображение золотого солнца. Не того ли самого, что пропало из храма? Диск принес Аластор, однако поведать друзьям о том, как он умудрился стать обладателем митрианского священного символа, взломщик отказался…

– Куда теперь? – Диери с любопытством озирала Ворота Чамгана – мрачное сооружение из дерева и темного железа, поднимавшееся вверх на три человеческих роста. – Как думаешь, что дверги прячут за такой громадиной? Несметные сокровища?

– Может быть, – согласился Малыш, по возможности незаметно уводя спутницу от гномских лавок с их соблазнительными для любой женщины россыпями украшений. Они свернули на широкий проезд, ведущий от Чамгана к торговому кварталу Сахиль, и тут над привычным людским гулом пронесся разъяренный окрик, словно щелканье длинного тяжелого бича:

– Деянира!

Оборвав на полуслове длинную и запутанную историю о том, как хитроумные дверги недавно умудрились обжулить немедийских купцов, Диери вжала голову в плечи, безуспешно стараясь прикинуться невидимой.

– Деянира, стой! Кому говорю!

Девушка прислонилась к стене и обреченно закатила глаза, пробормотав:

– Я сама разберусь. Исчезни.

– Разве тебя зовут Деянира? – недоуменно спросил Малыш.

– Диери, Деянира, какая разница? – почти выкрикнула девушка. – Уходи! Ну уходи же!

Подросток-варвар не тронулся с места, наконец увидев надвигающуюся на них угрозу, имевшую вид высокого и чрезвычайно хмурого человека в богатых одеждах темных цветов, в

изобилии украшенных вышивкой и крохотными самоцветами. Поблескивала массивная золотая цепь с вкраплениями алых камней, на которой болталось диковинное украшение – ключ с длинной рукояткой и хитро вырезанной бородкой. Значение подобного символа Конану однажды растолковала Лорна, пояснив, что такой знак носят члены управляющего Шадизаром Совета, около дюжины человек, облеченных нешуточной властью. Прохожие врассыпную шарахались от устрашающего Советника, точно опасались быть задетыми даже краем тени от его плаща, но, скорей всего, опасаясь вызвать неудовольствие его сопровождения – пятерки мрачных громил, угрожающе косящихся по сторонам.

– Значит, мне сказали правду? – напрочь не замечая присутствия Конана, процедил Советник, презрительно взирая с высоты своего роста на испуганно съежившуюся Диери. – Ты очень быстро позабыла, кому обязана нынешним благополучием?

– Ничего я не забыла, – угрюмо буркнула девушка. – Не знаю, каких гадостей тебе наплели, но это вранье. Я имею право заводить друзей! Или я должна терпеливо ждать, пока твоей милости будет угодно вспомнить обо мне? Так я наверняка успею поседеть и состариться!

– Ты слишком много себе позволяешь, – ровный, холодный голос, слегка растягивающий гласные звуки, показался Малышу смутно знакомым, только никак не удавалось вспомнить, когда он уже слышал подобные многозначительно-зловещие речи. – Я еще мог простить, сведи ты знакомство с человеком нашего круга, но спутаться с уличным отребьем, подзаборным воришкой! Деянира, ты меня разочаровала. Полагаю, в глубине души ты навсегда останешься дешевой шлюшкой.

Диери-Деянира взглянула снизу вверх в самодовольную, холено-брезгливую физиономию своего покровителя, и ледышка ужаса, засевшая у нее под ложечкой, сменилась раскаленным жалом ярости. Сквозь злые слезы она увидела помаленьку собирающуюся толпу – почтеннейшая шадизарская публика намерена потешиться небольшим представлением? Замечательно!

Пятеро угрюмых телохранителей придвинулись ближе. Диери зажмурилась и набрала в легкие побольше воздуха.

В этот самый момент Конан, мрачно прикидывавший, которого из пятерых огорчить первым, наконец сообразил. Обладателя высокомерного голоса он встречал седмицу тому, в полумраке тюрьмы Алронг. «Купите мальчика!..»

Скандал получился превосходный.

– Я не шлюха! – пронзительно завопила девушка. – И никогда ей не была, ты, грязный надутый потаскун! Думаешь, я не знаю, зачем ты каждую неделю берешь в дом молоденьких служанок?

– Таких, как он, вообще надо в мешок сажать и в нужнике топить! – дополнил обвинения подружки Малыш, вызвав немалое оживление среди зевак. – Извращенец! Он себе мальчиков в Алронге покупает!

– Взять обоих! – рявкнул вельможа, от самодовольства коего не осталось и следа. – А вы что глазеете?! Прочь отсюда! Пошли прочь, сыны свиньи!

И немедленно схлопотал репку и пару гнилых яблок от оскорбленных зрителей.

Что в Киммерии, что в Шадизаре Конан всегда следовал мудрому правилу кулачных бойцов: уж если драки не избежать, бей первым. Вскоре один из телохранителей, вопя от боли, хватался за сломанную челюсть, а двое других, кинувшись вязать руки Диери, на своей шкуре почувствовали, что лучше сойтись врукопашную с дикой кошкой, чем с разъяренной

девицей. Против двоих Малыш, перенявший от Райгарха несколько гнусных ухваток народной асирской борьбы, какое-то время доблестно держался под одобрительные вопли толпы, не забывая при этом крыть обидчиков последними словами. Он ухитрился даже вырвать короткую дубинку у одного из нападающих, а другому в клочья располосовал богато изукрашенную тунику.

Потом его сбили с ног, от тяжелого удара по голове в глазах поплыли малиновые пятна. Малыш перестал отбиваться – берег силы – и скорчился в пыли, прикрывая локтями живот и почки.

«Ну почему мне так не везет? – тоскливо подумал он, глядя на подступающие со всех сторон ноги в грубых сапогах, коими чрезвычайно удобно пинать лежащего. – Всего лишь с девочкой погулять вышел… Забьют, точно забьют…»

– Держите маленькую шлюху, я с ней после разберусь, – злобно прогнусавил над головой знакомый голос. – Ну-ка…

– А ты все равно извращенец! – с отчаянием приговоренного к смерти, намеренного любой ценой сохранить за собой право последнего слова, выкрикнул Конан, прежде чем сокрушительный удар обрушился на его ребра. – Топить…

– Р-рубить! – прогремело над площадью подобие боевого клича. Толпа, к тому времени уже выросшая до изрядных размеров, дружно ахнула и всколыхнулась. Мучители вдруг утратили к Малышу всякий интерес.

– Кром-Воитель, – пробормотал Конан, неуверенно садясь.

Распихав зевак, мимо него пронеслось нечто. Нечто было большим, черным и настроенным крайне злобно – Малыш только и успел разглядеть грязноватую чалму на туранский манер и яростно горящие глаза над растрепанной бородой. Развевая полами халата, оно в два прыжка оказалось рядом с Диери и держащим ее охранником.

Удара Конан вроде бы не заметил. Однако телохранитель отлетел на добрый десяток шагов и грудой мяса сложился у забора, девушка растерянно ойкнула, а странный спаситель воздвигся над ней, возгласив с сильным туранским акцентом:

– Жены святы! Собак! Колоть! – после чего, угрожающе набычившись, двинулся на оторопевшего месьора Советника сотоварищи с явным намерением причинять телесные повреждения, кромсать, рубить и совершать прочие противозаконные действия.

К чести последнего, спасаться бегством он не стал. Бывший содержатель Деяниры отступил на шаг, вытянул из-за голенища кинжал и принял боевую стойку. Двое его охранников взялись за дубинки, третий вынул нож. Четвертый, коему Конан своротил челюсть, грустно посмотрел на них, на приближающегося туранца и втихомолку растворился в толпе.

Двоих с дубинками туранское воплощение Крома-Воителя уложило не останавливаясь и не замедлив размашистого шага – просто с быстротой атакующей кобры всплеснуло широкими рукавами, и одному, насколько мог судить Конан, разбило кадык, со вторым сотворило непонятно что, но с тем же результатом: бедняга рухнул без единого звука, даже не успев крикнуть. Тот, что был с ножом, сделал молниеносный выпад и несколько ударов сердца изумленно взирал на бессильно повисшую руку, переломанную в локте, прежде чем завыть от боли. Туранец подошел почти вплотную к побелевшему Советнику.

– Ты паршивый шакал, – громко произнес он, не обращая внимания на отчаянные выпады противника. Вельможный извращенец явно не был новичком в кинжальном бою, но туранец уклонялся от его ударов не глядя. – Оскорбил женщину. Бьешь лежащего. Тот

мальчик – воин. Ты – шакал. Тебе смерть как собаке.

И вдруг, перехватив кисть руки с кинжалом на середине замаха, без усилий загнал клинок по рукоять в горло неприятеля.

– Светлый Митра! – пронзительно ахнула какая-то женщина в гуще толпы, и, словно бы ее возглас послужил сигналом, в наступившей тишине сразу несколько глоток заголосили:

– Убили! Убили!

– Советника Намира убили…

– Зарезали!

Некто совсем уж глупый или приезжий истошно завопил:

– Стра-ажа!

– Рехнулся совсем… Молчи, дурак, – посоветовали крикуну, однако вопль сделал свое дело: плотное кольцо рук, ног, голов с поразительной быстротой начало распадаться, а в отдалении замаячили островерхие шлемы стражников.

– Ох, теперь заварится каша! – выдохнул Малыш, вскакивая на ноги и морщась от острой боли в избитых ребрах. – Бежим отсюда!

Диери уставилась на приятеля прозрачными глазами. С перепугу она, похоже, забыла все на свете, включая собственное имя. Конан потянул девушку за собой, схватив за руку, и только тогда на лице Деяниры появилось вполне естественное выражение ужаса.

– А… А как же… – дрожащим голосом произнесла она, за недостатком слов показывая пальцем. Конан посмотрел. Человек из Турана подобрал оброненный нож и чистил им полу халата, при этом напевая игривую мелодию. Лицо его, по крайней мере та часть, какую не скрывала клочковатого вида борода, выражало полнейшую безмятежность.

– Тупой, что ли… – пробормотал Конан. – Эй, почтеннейший!

Туранец радостно осклабился.

– Не тупой, – довольно протянул он. – Острый! Смотри, какой острый! Хороший нож!

И в доказательство срезал из своей бороды пару волосков.

Малыш глянул туда, где, раздавая пинки и ругаясь, прокладывали дорогу стражники – те неумолимо приближались, намеренные карать по всей строгости закона. Тогда он схватил полоумного воителя за болтавшийся рукав и, твердо проговорив: «Так надо», решительно поволок прочь от места драки.

Всю дорогу до «Норы» тот недовольно ворчал на смеси туранского и шемского, высказываясь, насколько разобрал Малыш, скверно знавший туранское наречие, в том смысле, что никогда еще он, Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, не бегал от каких-то паршивых трех десятков городской стражи, которых, если что, можно голыми руками на кусочки порвать.

«Повезло, – думал Конан, проникаясь к незнакомцу все большим уважением. – Теперь у нас будет свой берсерк».

* * *

Когда двери «Норы» открылись перед Конаном и его спутниками, большой обеденный зал трактира пустовал, только за длинным столом восседал в гордом одиночестве Хисс и

уплетал тушеную фасоль из глиняной миски. Узрев живописного Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда, грозно сверкающего глазами из-под поношенной чалмы, Хисс подавился кушаньем, заперхал и, согнувшись, побрел за стойку – залить огонь кружечкой «Слезы дракона».

– Здравствуй, Хисс, – степенно поздоровался Малыш.

В ответ донеслось бульканье наливаемого вина и страдальческий возглас:

– Ну почему? Почему, едва только выдается спокойный денек, без всяких потерянных артефактов, враждующих магов, летающих пузырей и говорящих сортиров, немедля является какое-нибудь порождение туманных полуночных гор и приводит… Что это, Малыш? Не то, которое симпатичное и в юбке, а другое, большое и волосатое?

– Это Джарх… Джур…

– Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, – выговорил туранец, блеснув великолепной улыбкой. – Из Аграпура.

Хисс вынырнул из-под стойки, сжимая в одной руке кружку, а в другой бутылку.

– Рад за тебя, почтенный… Хай-Шулуд. Сперва, значит, пекудо, а теперь Ар-Гийяд. Малыш, где ты его отыскал? Это, случаем, не твой новый приятель? У тебя появились трудности с девочками и ты решил по примеру Райгарха…

– Рубить! – рявкнул Ар-Гийяд, мгновенно спрятав улыбку. Хисс застыл, не донеся кружку до рта.

– Что рубить? – оторопело спросил он.

– Колоть, – мрачно уточнил туранец.

– Э-э… Хисс, – поспешно вмешался Малыш. – Он шуток не понимает. Совсем.

– Как ты? – не поверил Хисс.

– Гораздо хуже, – подтвердил Конан, прикидывая, не кроется ли в словах рыжего мошенника очередного подвоха. – Но как он дерется! Он нас с Диери от смерти сегодня спас. Видел бы ты…

– Сохрани меня Митра! – вскинул ладони Хисс, вспомнил про кружку и немедленно выпил. – Значит так, Малыш, – сказал он, обтирая губы, – чует мое сердце, что день еще толком не начался, а ты успел влипнуть в какую-то историю со смертоубийствами и злоумышлением на основы порядка. Давай, ешь, пей, но погоди рассказывать, пока остальные не проснутся. Да предложи даме сесть, невежа! Почтенный Ар-Гийяд понимает по-шемски?

– Почтенный Ар-Гийяд все понимает, – заверил туранец, подозрительно заглядывая в кружку.

– Только не говорит. Как Пушок, – хмыкнул Хисс. – Шутка, шутка! Не рубить, не колоть, не кромсать, – он задрал голову и тоскливо воззвал: – Ло-орна! У нас гость! Ар-Гийяд пришел!

Наверху хлопнула дверь, простучали шаги и появилась Лорна – встрепанная и спросонья плохо соображающая. Она перегнулась через перила, оглядела зал, остановила чуть рассеянный взор на туранце и озадаченно спросила:

– Это что?

– Человек, – гордо сообщил Хисс.

– Вижу, что не пекудо… Откуда взялся?

– Он привел! – ехидно пояснил Хисс, тыча пальцем в Конана. – Вернее, они. Тут еще девочка.

– С добрым утром, – мрачно сказала Лорна. – Я-то по глупости обрадовалась, что вы наконец угомонились. Этот ваш Ар-Гийяд по-шемски хоть слово разумеет? Хисс, растолкуй ему, что обед у нас после седьмого колокола, завтрак положен только постояльцам, а свободных комнат нет и не предвидится…

– Почтенный Ар-Гийяд все понимает, – с нажимом повторил туранец.

– Ага, – кивнула британийка. Подумала, почесала в затылке и рявкнула: – Райгарх! Поди сюда!

Какое-то время не происходило ничего, затем появился заспанный Ши. Воришка отсутствующе улыбнулся тавернщице и с подвыванием зевнул.

– Ты что, Райгарх? – с упреком спросила Лорна.

– Нет, я Ши, – ответил тот с обезоруживающей простотой. – Райгарх спит. Он бросил в меня сапогом и послал узнать, чего надо. Ой, а кто это? – Ши углядел в обеденном зале новое лицо.

Хисс пожевал губами, привыкая к звучанию непривычного имени, и, четко выговаривая каждый слог, произнес:

– Это Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд… да простит меня Митра… из Султанапура.

– Из Аграпура, – поправил туранец.

Хисс небрежно отмахнулся:

– Да все едино… В общем, из Турана. Его Малыш нашел. Не знаю, где. И привел сюда. Не знаю, зачем.

– А по-шемски месьор Ар-Гийяд понимает? – вежливо уточнил Ши.

Ар-Гийяд зарычал и начал медленно подниматься из-за стола. Конан и Диери с двух сторон схватили его за свисающие рукава диковинного одеяния и усадили обратно.

– О-о, это серьезно, – пробормотал Ши. – Лорна, я пошел будить остальных.

– …А когда я уже решил, что нам конец, появился этот туранец, Джир… Ар-Гийяд, – Малыш, утомленный долгим рассказом, вздохнул и оглядел собравшихся, среди которых отсутствовал лишь один обитатель «Норы», а именно Аластор Кайлиени. Дверь в его комнату откликнулась на известие о странном пришельце душераздирающим стоном, после чего в обеденный зал вскорости выпорхнула свежая и жизнерадостная Феруза, прощебетавшая, что «Альс придет чуть позже». – В жизни не видел, чтобы человек так сражался. Это было потрясающе…

Туранец, восседая подобно орлу в середине длинного стола, надулся от гордости.

– Это было ужасно, – с тоскливым вздохом сказала Диери Эйтола. Ар-Гийяд неодобрительно покосился на нее. – Спору нет, он выручил нас из большой беды. Но голыми руками убить четырех вооруженных мужчин… Заколоть Советника его же собственным кинжалом средь бела дня, на оживленной улице… Бр-р.

Райгарх уважительно присвистнул.

– Ничего себе, – высказался Ши. Лорна спросила:

– А которого Советника он… э-э…

– Намира, – грустно сказала Диери.

– Ого! Племенной Жеребец допрыгался? – произнес чей-то голос. На лестнице, ведущей на верхний этаж, появился Аластор.

И узрел Ар-Гийяда.

Ар-Гийяд, в свою очередь, увидел Аластора.

На какое-то мгновение картинка словно застыла: Аластор с отвисшей от удивления

челюстью, туранец, взлетающий в затяжном прыжке над столом, Райгарх, сцапавший за ножку тяжелый табурет, и все прочие, на чьих лицах нарисовалось выражение безмерного изумления. Затем с шумом, ревом и грохотом все пришло в движение.

– Вор! – надрывался Ар-Гийяд, опрокинув взломщика и пытаясь добраться до его горла. – Меч! Собак! Убью!

– Уберите от меня это! – задушенно хрипел Аластор. Джай доблестно рванулся на помощь, запутался в табурете и загремел. Женщины хором визжали. Конан на пару с Хиссом попытались оторвать неистового кочевника от его жертвы, однако хватка у Ар-Гийяда оказалась железной. Жертва тем временем сучила ногами и понемногу начинала синеть.

Только после того, как Райгарх с размаху сокрушил о бритый загривок безумного степняка несколько предметов обстановки, а остальные обитатели «Норы» навалились разом, гостя удалось скрутить. Аластор, сипя и кашляя, отлеживался у стеночки, вверенный хлопотам перепуганных девиц, покуда рычащего Ар-Гийяда со всем тщанием прикручивали к одному из подпирающих крышу столбов.

Туранец, попробовав на разрыв щедро намотанные вокруг его запястий веревки, сразу перестал вырываться и угрюмо притих, сверля Аластора злобным взглядом.

– Кх-х… – прошипел Альс. Феруза поспешно протянула ему кружку с вином – промочить пострадавшее горло. – К-какого демона… Кто его притащил, признавайтесь?

– Он! – одновременно возопили Хисс и Ши Шелам, показывая на Малыша.

– Точнее, мы вместе его привели, – потупилась Диери. – Так получилось. Мы не виноваты, правда, Конан?

Покрасневший Малыш со всем возможным достоинством произнес:

– Ну… э-э…

– Друзья мои! – неожиданно звучным голосом возгласил Аластор, вскакивая на ноги. – Простите меня, недостойного, если я чем-то провинился перед вами. Вы, должно быть, желаете моей смерти. Иначе как объяснить, что один проигрывает чужие деньги, а отдуваться приходится мне, второй ухитряется поссориться с милейшей Кэто – и все хлопоты опять на мне! – а третий приводит в дом воплощение демона Шеблы – Исторгателя Душ и натравливает не на кого-нибудь, а на меня!.. Малыш, откуда, во имя семнадцати Кругов Преисподней, ты его раздобыл?! И зачем он здесь?

Чувствовалось, что взломщик разозлился не на шутку. Впрочем, за Малыша вступились, а когда он и Деянира с пятого на десятое повторили свою историю, Аластор только покрутил головой, взлохматил свою роскошную шевелюру и извиняющимся тоном произнес:

– Да, в самом деле… Не бросать же его там было, такого красавца. Но что я ему сделал, в толк не возьму?

– Ты вор, – громко и убежденно заявил туранец.

Альс поднял бровь:

– Да, и без ложной скромности скажу, что неплохой. Тебя, почтеннейший, зависть мучает?

– Ты украл у меня одну вещь… – глядя в потолок, начал Ар-Гийяд.

– Всего одну? И сразу душить? Да ты жадина, уважаемый! Что за вещь-то была?

– Он упоминал меч, собак, шакалов, – припомнил Ши. – Может, ты у него собаку свел?

– Сам ты собак, – гордо сказал Ар-Гийяд. – Этот паршивый шакал украл мой меч! За это он поплатится жизнью.

На лице Аластора появилось искреннее недоумение.

– Драгоценнейший, ты что-то путаешь, – твердо заявил он. – Оружие – не мой профиль. Может, кто другой украл? Похожий на меня?

– Думаешь, что сможешь обмануть Ар-Гийяда, Великий Обманщик? – рыкнул туранец. – Я не так глуп, не надейся. Три луны назад Серый Вихрь висел в моем походном шатре. Не проходило вечера, когда бы я не вынул его из ножен, чтобы напоить клинок светом первой звезды! И вот однажды вечером, в урочный час зайдя в шатер, я не нашел мое сокровище… Много иных редких и дорогих вещей исчезли вместе с ним, но что значат все богатства мира рядом с Серым Вихрем! Я тогда едва не лишился рассудка от горя, ибо воры не только лишили меня самого драгоценного, но даже не оставили следа, чтобы пустить погоню, не потревожили дорожной пыли за порогом жилища! Но потом я подумал – и стал смеяться, о, как я смеялся, ибо ты перехитрил сам себя, вор! Кто еще, кроме тебя, не оставляет следов, подобно змее, ползущей по камням? Кто еще может безнаказанно украсть невесту со свадьбы, корону с головы и Серый Вихрь из походного шатра Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда? Ш-шакал!..

– Ничего не понимаю, – развел руками Аластор. – Все это, конечно, весьма лестно – насчет змеи на камнях, короны с головы и так далее – но поверь, почтенный, я к твоему сокровищу не имею ни малейшего касательства. Я не крал его…

– Крал, – упрямо заявил туранец. – Ты вор. Никто бы не смог, кроме тебя. Уж не хочешь ли ты сказать, что Шатер-в-Степи доступен любому? Что Серый Вихрь мог снять со стены кто угодно, хоть вон тот шут, что сидит сейчас подле тебя?

– Вот поганец, – буркнул Ши Шелам, сидящий рядом с Аластором.

– Уважаемый Ар-Гийяд, опиши пропажу, – деловито вмешался Райгарх. – За свою жизнь я видел много разных мечей, может, и твой встречал?

– Такого – не встречал! – отрезал Ар-Гийяд, и по его хищному худому лицу внезапно расползлось мечтательное выражение – туранец даже глаза прижмурил. – Серый Вихрь – один во всем подзвездном мире. Изгиб клинка его подобен серпу молодой луны, и столь же ярок свет его в ночи. Ужасом Степей зовется он, и Погибелью Неправедных, и Лучом Черной Звезды, и мощь его воспета в преданиях. Носящий его может спокойно спать посреди голой степи, где кочуют дикие племена, ибо стоит неприятелю приблизиться, как клинок разбудит владельца и придаст ему отваги. В бою питается Серый Вихрь ненавистью господина и страхом врагов, и оттого силы носящего меч удесятеряются, и ни сталь, ни огонь, ни колдовские чары не могут перед ним устоять. Освобожденный от ножен, ярко сияет он во тьме…

– Так, что читать можно? – подал голос мстительный Ши. Туранец запнулся и заморгал:

– Что?

– Читать, говорю, можно при свете этом? – ехидно переспросил Ши. – Ну, который во тьме сияет?

– Ар-Гийяд не знает, что такое «читать», – спесиво выпятил бороду Ар-Гийяд. – Но, когда ты владеешь Лучом Черной Звезды, можно все!

– Как это романтично… – протянула Кэрли.

– О да, необычайно романтично, – пробормотала Лорна. – Был у меня, помнится, в молодости приятель-туранец. Тоже занятные байки травил при луне. Просыпаюсь как-то утречком – ни любезного дружка, ни подвесок золотых, ни деньжат, что на черный день копила…

– Ш-шакал, – ввернул Ар-Гийяд.

– Точно так, и даже хуже… Вы слушайте его больше. Альс, да ты глянь на него! Весь грязный, рваный, сапоги сейчас развалятся, ни денег, ни коня, ни хоть ишака паршивого! Держу пари, этот его Шатер-в-Степи располагается аккурат где-нибудь в Нищебродном переулке. А, почтеннейший? Ты из Турана в Шадизар пешком добирался?

– У меня был верблюд, – неохотно сказал туранец. – Большой боевой верблюд мулаидской породы, лучший из лучших, клянусь Вечным Светом! Черный, злой. Почему-то взбесился три дня назад. Много бед натворил, да… Пришлось платить, много платить… Ар-Гийяд честный. Верблюд, он подох.

– Ши, молчать, – прошипел Хисс.

Воришка сполз под стол. Оттуда немедля донеслось нечто среднее между конским ржанием и поросячьим хрюканьем.

– Ну, допустим, – не отступалась трактирщица. – Ладно, вот вопрос поинтереснее. Альс, конечно, вор грамотный, в Шадизаре, пожалуй что, и лучший. Но я ни за что не поверю, что слава о месьоре Кайлиени докатилась аж до Великой Степи или откуда ты там родом. Почему ты прямиком в Шадизар за своим мечом подался, если не врешь? Хотя врешь скорее всего.

– Ар-Гийяд никогда не врет, запомни, женщина! – вскинулся туранец, сколько позволяли веревки. – Здесь Серый Вихрь. Я чувствую, только не знаю, где искать… А Кайлиени, этого шакала среди людей, я…

– Хорошо, хорошо, – поспешно перебил Альс, нервно потирая лоб. – Лорна, он не врет. Во-первых, зачем бы ему? Во-вторых, все слишком невероятно, чтобы оказаться ложью. Придумать можно и попроще. Что с ним теперь делать? Любезнейший, не крал я твой чудо-ятаган.

Ар-Гийяд разразился длиннющей речью на туранском наречии, потом помолчал и твердо добавил:

– Украл.

– Что он сказал? – устало спросил Аластор. Ему ответила Феруза:

– Он сказал, что человека ведет по жизни судьба и что она всегда направит его на верный путь, если тот будет вести праведную жизнь. Он вел праведную жизнь: защищал слабых, не обижал женщин и другим шакалам, как тот богач, которого он убил, не позволял. Судьба наградила его за это и привела через мальчика-воина прямо к презренному вору, преступившему Закон. Вор будет покаран, он, Ар-Гийяд, обещает. Правда, – тут Феруза украдкой хихикнула, – вор какой-то странный, раз живет, похоже, в доме для скорбных рассудком.

– Да не крал я меча! – взвыл Аластор. Туранец только ухмыльнулся.

– Ну, коли так, – рассудительно произнес Райгарх, – придется на цепь и в подвал пока. Не в Алронг же его вести. Все ж человек, и Малыша выручил, даром что дикий.

Тут Малыш, до сих пор сидевший тихо и внимательно слушавший, пошевелился и сказал:

– На цепь человека сажать негоже, ежели только он небесные законы не преступил и зверем не стал. Альс, позволь, я с ним поговорю?

– Говори, – несколько удивленно ответил Аластор и подвинулся, давая Малышу вылезти из-за стола, чтобы подойти к пленнику.

– Мальчик будет воином, – гортанно произнес Ар-Гийяд. – Зря связался с ворами. Никчемные люди. Не воины. Собаки.

– Ты их просто не знаешь, – мрачно ответил Конан, присаживаясь на корточки перед туранцем. – Скажи, откуда тебе известно, что твоя пропажа в городе? Ты не мог ошибиться?

– Не вся пропажа, только Серый Вихрь, – сказал туранец. – Ничего больше не чувствую, так, пыль, презренный металл. Серый Вихрь – он зовет, ни с чем не спутаешь. Ошибиться? Нет, не мог.

– Поверь, Альс не крал твой Серый Вихрь… – безнадежно начал Малыш.

– Тебе – верю, – не дослушав, перебил Ар-Гийяд. – Ему – нет. Ты честный, я вижу. Как я. Он хитрый. Обманул меня, тебя тоже мог обмануть.

– Чего ты хочешь? – в лоб спросил Конан. – Вернуть меч?

– Серый Вихрь должен вернуться к хозяину, – согласно кивнул туранец и непререкаемо добавил: – А вор должен быть наказан.

– Хорошо, – согласился Малыш, – если меч действительно в Шадизаре, мы его найдем. Но ты выручил меня и мою девушку, и я не хочу, чтобы ближайшую седмицу ты провел связанным. Тем более, что Аластор действительно ни в чем не виноват. Дай слово, что сдержишь свой гнев, а я дам слово, что мы вернем тебе утраченное.

Туранец уперся в Конана таким взглядом, что подростку-варвару на миг стало не по себе. Потом внезапно Ар-Гийяд заклекотал, как горный орел. Конан не сразу понял, что степняк смеется.

– Ты совсем не знаешь своих друзей, но слова твои идут от сердца, – сказал он.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Как украсть сфинкса

Долгожданный посланец Назирхата уль-Вади, наконец-то явившийся в «Нору», передал Аластору, что его будут ждать подле «Храма Трех Устремлений», курильни старого Ишмика, ровно к десятому послеполуденному колоколу. Однако взломщик и сопровождавший его Ши Шелам безнадежно опоздали.

Неудивительно – ведь к наступлению вечера пробудился громогласный Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, коего Лорна поселила в пустом чулане.

Для начала гость возжелал пищи и поглотил невероятное количество жареной баранины с острейшей подливкой. Затем ему потребовалось общение с родственными душами. Аластор с Ши потому и задержались, что любовались на умилительное зрелище: Райгарх и Ар-Гийяд ожесточенно спорили о преимуществах изогнутых клинков Турана над прямыми мечами Полуночи, а также о способах нанесения ударов в конном бою. Малыш почтительно внимал, боясь упустить хоть слово. Хисс упрямо старался поддеть Ар-Гийяда, причем так, чтобы туранец не взбесился, призывая кромсать и резать. Хозяйка таверны только сокрушенно вздыхала, поднося спорщикам новые кувшины взамен опустошенных.

– Дикий он какой-то, этот Ар-Гийяд, – растерянно сказала Феруза, вышедшая проводить Аластора и Ши. – Знаю, у номадов, кочующих по пустыне Альбакан, весьма странные обычаи, но я предположить не могла, что они едят сырое мясо… Бр-р, смотреть жутко!

– Главное, чтобы они с Малышом не вздумали пойти прогуляться, – с преувеличенной серьезностью откликнулся Аластор. – Тогда наш городок станет полем кровавой битвы за благочиние. Надо же, умудриться в первый же день на глазах у сотни честных горожан зарезать не кого-нибудь, а советника Намира! Можно биться о любой заклад, что Рекифес скоро поднимет тарарам на всю Замору с Коринфией впридачу. Ладно, мы отправляемся портить жизнь его милости королевскому дознавателю… Пожелай мне удачи! – он попытался сгрести Ферузу в охапку. Девушка увернулась и строго нахмурилась:

– Слушайте, вы уверены, что способны идти, не шатаясь? Не говоря уж о том, чтобы вскрывать замки и проламывать головы?

– Ув-верены, – размашисто кивнул Ши, спотыкаясь в темноте о доски, предназначенные для строительства колодца и едва не падая. – Проламывать головы – не мое ремесло. Пусть этим Кодо занимается.

Лихая парочка, чуть покачиваясь, удалилась вниз по Обманному переулку. До Ферузы еще долго долетало разудалое, слегка фальшивящее пение:

Начальник гвардии дворца был как обычно пьян.
В одной руке он меч держал, в другой руке – стакан.
Начальник гвардии дворца никак понять не мог
Зачем опять проклятый пол уходит из-под ног?
А также он понять не мог, какой злодей-шпион
Внушил бедняге королю принять сухой закон?
И как же это можно так – совсем не пить вина,
Ведь если гвардия трезва – зачем она нужна?..[2]

Туранка обреченно подняла глаза к сумеречному небу и беззвучно пробормотала несколько слов, являвшихся чем угодно, кроме доброго напутствия.

* * *

Подле «Храма Трех Устремлений» никого не оказалось. Озадаченные компаньоны разжились у ночного торговца парой кувшинов «Старой винодельни» и, посовещавшись, зашагали к поднимающейся в темноте громаде городской управы, скупо освещенной масляными лампами и чадящими факелами. Здесь ничто не предвещало неприятностей: на широкой лестнице позевывали стражники, не местные, немедийцы в их надраенных доспехах и украшенных конским волосом шлемах. Из-за угла, печатая шаг, вынырнул ночной патруль, миновал площадь перед зданием и скрылся.

Аластор и Ши, прячась в тени окрестных домов, выбрались на задворки величественного строения, одного из самых крупных в Шадизаре, и остановились у массивных ворот, за которыми скрывался чаемый вход в казну. Ши, пребывавший в игривом настроении, предложил дернуть веревку колокола над воротами. Этого не потребовалось. Створки беззвучно приоткрылись, из щели высунулась голова и яростно прошипела:

– Где вас носит? Пошевеливайтесь!

– Мы заблудились, – пропыхтел Ши, с трудом протискиваясь между створками. – Что, без нас не справиться?

– Не умничай, – шепотом посоветовал караульный, вновь закрывая створки. – Идите налево, вон в ту арку. Кодо рвет и мечет: мол, скоро хозяин прибудет, а они до сих пор с дверями возятся.

– Что, достопочтенный уль-Вади самолично пожалует? – удивился Ши.

– Втемяшилось ему, – с легким недоумением отозвался страж. – Захотел – так захотел, что, с ним кто-то спорить будет?

Большая темная куча, громоздившаяся под стеной, вдруг завозилась, пыхтя и издавая нечленораздельные звуки. Караульный с досадой отцепил от пояса дубинку, размахнулся и нанес бесформенной груде несколько ударов, сопровождаемых оханьем и еле слышными вскриками.

– Вот крепкоголовые, – пожаловался страж. – Уже третий или четвертый раз их укладываю, а они опять брыкаются.

Аластор пригляделся, различив в полутьме десяток связанных по рукам и ногам охранников управы, набранных из местных уроженцев и потому вряд ли сумевших оказать людям Назирхата и Кодо достойное сопротивление. Удивительно, что их не прикончили, оставив просто лежать в уголке. Неужели уль-Вади решил проявить человеколюбие?

За указанной аркой прятался крохотный двор, загроможденный какими-то бочками и ящиками. В его дальнем конце, почти на уровне цоколя здания, мелькал еле заметный тусклый огонек.

– Явились? – раздраженно вопросил Кодо Ночной Кошмар, заметив пробирающуюся

среди штабелей парочку. – Чего до утра не подождали? Этого зачем приволок? – он ткнул пальцем в ухмылявшегося от уха до уха Ши, немедля состроившего хмурому помощнику Назирхата игривую рожицу.

– Для смеху, – безмятежно отозвался Аластор. – Показывайте, что тут у вас?

Прятавшиеся в темноте силуэты, числом пять или шесть, слегка пошевелились, расступаясь и пропуская взломщика. Оступаясь, Альс преодолел десяток уводивших вниз ступенек, оказавшись перед низкой подвальной дверкой, обитой внахлест железными полосами. Дверца запиралась на три навесных замка. Еще пара узких скважин ехидно щерилась зубатыми отверстиями. Под ногами хлюпнула застоявшаяся вода, просачивавшаяся между камнями облицовки. Наверху завозились, передвигая фонарь, чтобы получше осветить створку и замки. Кто-то еле слышно прикрикнул на Ши, велев отвалить в сторону и не мешаться.

– Это мы без труда, – пробормотал Аластор, извлекая из сумки связку звякнувших отмычек и выбирая подходящую. Руки у него слегка тряслись, потому неудивительно, что железное кольцо с причудливыми крючками выскользнуло и скрылось в черной вязкой жидкости, издав легкий плеск. Аластор в задумчивости помянул Нергала и три сотни его демонов.

– Готово? – тонкий луч фонаря заслонила массивная голова Кодо. – Ты чего возишься?

– Отмычки уронил, – ясным голосом признался взломщик. – Сейчас достану.

Он присел на корточки, но шарить руками в омерзительной жиже не решился, воспользовавшись для поисков стилетом. Кодо на пару ударов сердца онемел, затем холодно осведомился:

– Альс, какого демона? Ты что, пьян?

– Разумеется, нет! – лезвие натолкнулось на тяжелый предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении дохлой крысой. – Я слегка угостился в преддверии встречи со столь почтенным и благородным сообществом… Это Ши напился, а я совершенно трезв, вот!

– Кто напился? – сдавленным шепотом возопил Ши. – Я?! Врешь ты все! Достопочтенный Кодо, у него кувшин в сумке припрятан, я знаю!

– Альс, – глухо прорычал Кодо. – Кончай валять дурака. Не хватало еще, чтобы нас застукали!

Про себя Кодо подумал, что в таком случае его путь наверх можно смело считать завершенным. Быть схваченным у дверей городской казны в компании подвыпившего взломщика и десятка громил, годных лишь перетаскивать тяжести и разбивать чужие головы – благодарю покорно!

В арке на миг вспыхнула искорка яркого света. Кодо подобрался, мысленно сквернословя и жалея, что не отговорил Назирхата от замысла пригласить Аластора. Этот хваленый кудесник замков и отмычек ровным счетом ни на что не годился. С равным успехом вскрытие двери подвала можно было поручить старшине гильдии мясников Пайгуту из квартала Сахиль. Пусть топором прорубает.

– Как дела? – осведомился почтеннейший уль-Вади, с живым интересом заглядывая в темный проем и обнаруживая там возящегося в луже Аластора. – Кодо, кто там плещется?

– Лучший взломщик Шадизара, – нехотя буркнул Кодо. – Аластор Кайлиени. Он отмычки потерял. И пьян как сапожник.

Кто-то приглушенно фыркнул. Упомянутый Аластор невнятно запротестовал, поскользнулся и, не удержав равновесия, шлепнулся в лужу. Это досадное обстоятельство его

ничуть не смутило, ибо по случайности он нашарил утерянное сокровище, радостно помахав им в воздухе:

– Нашел!

– Отопри дверь, – разъяренной коброй прошипел Кодо. – Слышишь?

– Да слышу, слышу, – Аластор попытался встать, зацепился за тяжелый замок и с оттяжкой громыхнул им по створке.

Грабители замерли, невольно сжимаясь и пытаясь раствориться в окружающем мраке. Ши пронзительно ойкнул и тут же замолк, словно ему с размаху заткнули рот.

Даже в темноте Кодо заметил, как физиономия его покровителя наливается дурной кровью.

– Здесь что, уличный балаган? – ледяным тоном процедил Назирхат. – Или обитателей дома скорбных рассудком выпустили на прогулку? Вытащите оттуда этого бездельника! Любой нищий побирушка справится с жалкой калиткой быстрее, чем вы! Даже я могу это сделать! Выкиньте его, я сказал!

Кодо щелкнул пальцами. Повинуясь знаку, один из громил торопливо скатился вниз и выволок наружу вяло отбивающегося Аластора, от которого несло тухлой водой и плесенью. Взломщика пихнули на горку составленных ящиков, мимо которой он, естественно, промахнулся.

– Свет! – потребовал уль-Вади. Схватив угодливо протянутую ему лампу, он решительно и весьма проворно для столь грузного человека заковылял вниз по искрошившимся от времени ступенькам. Недоуменно глянув вслед покровителю, Кодо приметил знакомый блеск – Назирхат принес с собой и сейчас вытащил из складок пояса диковинные отмычки, откованные из благородных металлов и украшенные россыпью мелких драгоценных камней. Кодо уже доводилось их видеть, он даже несколько дней пробыл их владельцем, но считал не более, чем воровским талисманом «на счастье». Открыть этим инструментом какой-либо замок было просто невозможно. Это понимал не только Кодо, но и торчавший у него за плечом Стикки Брешущий Пес, еле слышно присвистнувший и быстро покрутивший пальцем у виска. В другое время Кодо задал бы зарвавшемуся подручному хорошую трепку, но сейчас опасался согласиться со столь откровенно высказанным нелестным мнением Пса.

Назирхат уль-Вади, однако, вел себя так, будто отлично знал, что делает. Он перебрал висевшие на кольце из полированной меди отмычки, выхватил одну, сверкнувшую голубыми брызгами, и с размаху ткнул ее прямо в центр двери.

Отмычка на две трети погрузилась в железо.

Стикки открыл рот и забыл закрыть. Кодо обнаружил, что затаил дыхание и до крови прикусил кончик языка. Перебравшийся ближе Аластор свесил взлохмаченную голову в проем и неотрывно следил за действиями уль-Вади.

Старшина квартала Нарикано лихо повернул отмычку и потянул на себя. Дверь вместе с замками осталась стоять на месте, но в ней возник ровный черный прямоугольник, постепенно отходивший в сторону, как обычная створка.

– Гайрам, полезай туда, – распорядился уль-Вади, поворачиваясь к троице сопровождавших его телохранителей. Здоровенный и туповатый Гайрам слегка поколебался, но, не решившись спорить с хозяином, вперевалку спустился по лестнице и исчез в странной двери. Кодо принялся считать про себя «Один, два, три…». На счете «двенадцать» охранник высунулся наружу, драматичным шепотом сообщив:

– Там коридор, а в конце подземелье, забитое сундуками!

– Иди посмотри, – уль-Вади сгреб за рукав сидевшего на краю спуска в подвал Аластора. – И без глупостей.

Взломщик на удивление послушно юркнул в черный провал, вдоль срезов которого загорелось красновато-зеленое переливающееся мерцание, едва уловимое человеческим взглядом. Ши, страдавший неизлечимым пороком любознательности, потянулся следом, с сожалением глянув на блестящие отмычки, вращавшиеся на указательном пальцем Назирхата. Бесполезно, никогда ему не заполучить их обратно, а ведь именно он сумел увести эту редкость у старого дверга Альбриха! До чего несправедлива жизнь!

– Кодо, – уль-Вади поманил свое доверенное лицо, распоряжавшееся у двери подвала. – Разберись завтра с этими площадными лицедеями – Шеламом и Кайлиени. Сильно бить не нужно, просто растолкуй, что негоже являться мне на глаза в пьяном виде. Это вредит нашей репутации и общему делу. Положенную им долю урезать на три четверти.

– Может, вообще ничего не давать? – мстительно предложил Кодо. Назирхат поразмыслил и отрицательно покрутил круглой головой, покрытой вышитой бисером черной туранской шапочкой:

– Мы же не звери. Пусть мальчики получат возможность слегка пустить пыль в глаза. До меня тут дошел слух, будто Кайлиени собрался самым законным образом жениться на своей подружке, как ее… гадалке ат'Джебеларик.

Уль-Вади недоуменно хмыкнул, видимо, поражаясь непредсказуемости человеческих поступков.

* * *

Ши давно гадал, как выглядит изнутри городская казна. Оказалось, таинственное место смахивает на обычный винный подвал с низкими сводами и выстроившимися вдоль стен неподъемными сундуками. Неподъемными, ибо вместилища золота и прочего добра намертво крепились цепями к стенам и полу. Вдобавок для пущей недосягаемости цепи обматывались вокруг некоторых сундуки и запирались на хитроумные замки кофийской работы с ловушками. Одна такая уже сработала – телохранитель Назирхата по скудоумию пренебрежительно пнул замок ногой и схлопотал в ляжку тонкую отравленную стрелку. Неудачник не успел даже пикнуть, избавив тем своих спутников от необходимости избавляться от него. Посиневший труп с вытаращенными глазами и скосившимся в безумной ухмылке ртом оттащили в угол потемнее и бросили на произвол судьбы. Кодо скрежещущим шепотом приказал никому ничего не трогать и прекратить разгуливать по подвалу, словно по собственному дому.

Стремительно протрезвевшего и ставшего до невозможности серьезным Аластора вытолкнули вперед. Взломщик побродил туда-сюда – точь-в-точь кот, попавший в незнакомое место и подозрительно обнюхивающий каждый предмет – присел возле невинной в виду бочки с серебряными монетами и принялся старательно ее обстукивать.

– Твой дружок окончательно спятил? – Кодо поймал за шиворот оказавшегося в пределах досягаемости Ши и притянул к себе. Воришка оскорбленно дернулся:

– Сам ты спятил, почтеннейший. Слышал когда-нибудь про сторожевые заклинания?

Хочешь, чтобы из тебя сделали фаршированную колбаску? Нет? Тогда стой смирно и не мешай знающему человеку заниматься делом.

Кодо фыркнул, словно разъяренный бык, однако подходящего ответа не нашел и промолчал. Аластор закончил обниматься с приглянувшейся ему бочкой, сказав, что теперь подвал можно осмотреть, но соблюдать осторожность – возможно, в пол вделаны «качающиеся камни», к которым цепляются поднимающие тревогу колокольчики.

По разумению Ши, минуло около колокола.

За это время подчиненные Кодо выпотрошили четыре вскрытых Альсом сундука. Наиболее ценное содержимое приготовленных к скорому отправлению в Немедию, Офир и Туран шкатулок и коробочек отправлялось в уютные кожаные мешки и уносилось наверх. Затем добычу предполагалось перенести в ожидавшую на соседнем перекрестке повозку сборщика уличного мусора. Утром повозка отправится в путь – к дому Назирхата уль-Вади. План незамысловатый и потому имеющий возможность быть безукоризненно исполненным от начала до конца.

Ши Шелам, коему поручили перебирать и наскоро оценивать попадающиеся в числе прочего добра драгоценные камни и украшения, только что разделался с очередной порцией сверкающих побрякушек. Затянув горловину мешка, воришка невольно потянулся глянуть на предмет, лежавший по соседству. С виду – тяжелый туранский ятаган в богатых ножнах черной кожи, украшенных чеканкой по серебру и мелкими рубинами. Поборовшись с искушением, Ши воровато оглянулся, взялся за обтянутую шершавой замшей рукоять и на треть вытянул коричневатое лезвие в извилистых разводах, означавших редкую и чрезвычайно дорогую сталь. Вдоль незаточенной стороны клинка струилось какое-то изречение или пожелание, выгравированное значками туранской вязи «аль-куфи». Меч испускал слабое, едва различимое сияние, менявшее свой цвет от голубоватого до блекло-зеленого. Читать, как утверждал достопочтенный Ар-Гийяд, при таком свете вряд ли можно, однако зрелище медленно пробегающих вдоль изогнутого клинка прозрачных волн завораживало.

Налюбовавшись, Ши вдвинул ятаган обратно в ножны и посмотрел, чем занят Аластор. Взломщик сидел на корточках перед внушительного вида сундуком, обмотанным аж тремя прочными цепями, перехваченными тяжелыми замками. Два из них, беспомощно выставив разомкнутые дужки, лежали на полу. Последний упрямо сопротивлялся. Альс по привычке еле слышно насвистывал себе под нос, ковыряясь во внутренностях замка тонкими изогнутыми проволочками. Воришка вытянул шею, изучая, что творится в подвале. Назирхат и Кодо рассматривают какую-то тускло блестящую вещицу, под дверями трется караульный, изображая бдительность, кто-то поднялся наверх, относить заполненные мешки, кто-то возится около сундуков.

– Альс, – тихонько окликнул приятеля Ши. – Я тут подумал…

Тонкая проволочка застряла. Взломщик сердито дернул ее, замок испустил короткое жалобное клацание и открылся.

– О чем? – Аластор поднял тяжелую крышку, заглянул внутрь и извлек подвернувшуюся под руку шкатулку, обтянутую легкомысленным розовым шелком.

– Странно как-то получается… – нерешительно протянул Ши. – Я хочу сказать, в последнее время с нами и вокруг нас творятся непонятные вещи. Да, Шадизар – самый взбалмошный город Заката и Восхода, однако его безумие имеет границы. Если постараться, можно найти объяснение любому событию, но теперь у меня не получается…

Аластор вопросительно хмыкнул.

– Скажем, этот меч, – Ши попытался говорить увереннее, – утерянная собственность Ар-Гийяда. Если верить лихому приятелю нашего Малыша, ятаган самым удивительным образом пропал около трех лун назад. Вдруг мы находим его здесь. Ладно, клинок – мелочь. Мало ли кто его стянул и через какие руки он прошел. Ты видел, уль-Вади размахивает нашими отмычками? Заметил, как он открыл дверь? Обратил внимание на коридор, каким мы сюда пришли? Я нарочно вернулся и посмотрел. В нем стены из черного обсидиана с белыми прожилками. Такие, как в подземном лазе, ведущем в неизвестно чей дворец. Мне почему-то кажется, что он принадлежал госпоже Кэто Сувейбе и расположен не здесь. Не в Шадизаре. Может быть, вообще на другом краю земли. Я даже не уверен, что подвал, в котором мы сейчас торчим – подвал под городской Управой.

– Любопытная мысль, – вежливо-задумчиво откликнулся Аластор.

– Эти люди, – Ши на миг запнулся. – Твои знакомые, в последнее время внезапно пожаловавшие в Шадизар… Кэто Сувейба, графиня Клелия из Офира, покойный старик Эпиналь, бешеный туранец Ар-Гийяд, Кебрадо… Они знают тебя, они знают друг друга, ты знаешь их.

– Сам порой удивляюсь, до чего у меня обширный круг приятелей, – невозмутимо кивнул взломщик. – Почему ты называешь Эпиналя «покойным»?

– Так прикончили его, – охотно пояснил Ши. – Калеки, толпившиеся вокруг Обители, узнав что Диск пропал, забили похитителя костылями да клюками… Все приехавшие разыскивали похищенные вещи. Дверги украли столько всего, что в лучшем сне не увидишь. Зато один пропавший предмет никто до сих пор не нашел.

– Какой? – Аластор отложил вскрытую шкатулку и повернулся к Ши.

– Талисман из храма Бела на Кривоколенной улице, – воришка собрался с духом и выпалил: – Смахивает на сказку для детей, но если тамошние отмычки – *настоящие*? Колдовские, способные открыть любую дверь и любой замок? Ты же был хранителем часовни, наверняка знаешь уйму легенд про Обманщика и его Ключи!

– Знаю, – медленно кивнул взломщик. – Только Отмычки в моей часовне были всего лишь ржавыми кусками железа…

– Конечно! – рьяно согласился Ши. – Так всегда бывает. С виду – ржавое железо, но если поверить, как следует поверить, по-настоящему? Верила же братия Обители Возвышенного Просветления, что им в руки попала благословенная реликвия? Гномам известно множество всяких секретов, касающихся металла. Вдруг они сумели вернуть Отмычкам истинный облик?

– Ши, – без малейшего намека на улыбку произнес Альс, – ты преувеличиваешь. Нельзя верить всему, что говорится в преданиях.

– Я и не верю! Но согласись, что таких Отмычек ни ты, ни я, никто в жизни не видел!

– Уверен, в собрании Кодо найдутся образчики поинтереснее и покрасивее, – не слишком убежденно возразил Аластор и глянул куда-то поверх головы Ши. – Между прочим, к нам приближается упомянутый Кодо, наверняка желающий узнать, почему мы треплемся и бездельничаем.

Взломщик ошибся. Ночной Кошмар пришел с известием, что в стене за кладкой фальшивых кирпичей обнаружили маленькую железную дверцу потайного шкафа, и не угодно ли месьору Кайлиени взглянуть на нее? Кстати, почтеннейший уль-Вади распорядился закрывать лавочку, ибо жадность губит хорошие начинания. Во дворе

скопилось столько добра, что придется сделать десяток ходок, прежде чем оно окажется за пределами владений Совета.

Увидев дверцу, Аластор первым делом спросил, прикасались ли к ней. Нестройный хор заверил, что никоим образом. Аластор недоверчиво скривился и углубился в выстукивание камней вокруг дверцы. Возился он довольно долго. В какой-то миг сталь вдруг покрылась каплями бурой жидкости, подвал наполнился тягучим звуком разорвавшейся тетивы, а стоявший поблизости уль-Вади скривился, будто уловив неприятный запах.

Дверца беззвучно открылась. Кто-то сдавленно охнул, кто-то засвистел, кто-то благоговейно выругался.

– Мешки, быстро! – свистящим шепотом приказал Назирхат. – Забираем это и уходим.

Взломщик, запустивший обе руки в тайник, с усилием извлек нечто, завернутое в слои узорчатого кхитайского шелка, и поставил на крышку сундука. Два десятка нетерпеливо ожидающих глаз следили, как он бережно разворачивает ткань.

Узкие лучи потайных фонарей выбили стоп радужно переливающихся искр, испятнавших низкий потолок и напряженные лица столпившихся вокруг людей. Из-под складок явилось изящное конусообразное сооружение высотой в две ладони, обильно усыпанное множеством крохотных алмазов и рубинов. Вершину своеобразной короны украшала серебряная змейка с изумрудными глазками, державшая в пасти собственный хвост.

Ши (и не только он один) мысленно попытался прикинуть возможную стоимость шедевра безвестных ювелиров и ощутил легкое головокружение. Выходило, что золотая тиара может быть приравнена к трети, если не к половине суммы собираемого с жителей Шадизара годового налога. Значит, уль-Вади в самом деле удалось сделать почти невозможное – украсть сфинкса, похитить вещь, стоящую больше тысячи офирских талантов! Место в шадизарских легендах и воровских байках ему обеспечено. А заодно и тем, кто его сопровождал.

Назирхат поперхнулся, протянул руку, чтобы дотронуться до сверкающей в полутьме драгоценности и не решился, осипшим голосом пробормотав:

– Спрячьте ее… Альс, Кодо, вы мне головой ответите, если на ней появится хоть одна царапина…

Проходя темным коридором, Ши снова ощутил тревожное беспокойство. Он даже улучил миг, чтобы поскрести ногтем стену и убедится в том, что перед ним твердый, холодный камень. Аластор нес увесистую корону, небрежно завернутую в шелк, Ши, кроме порученных ему мешков, запасливо прихватил ятаган Ар-Гийяда, ломая голову над тем, как бы незаметно припрятать длинный клинок и вернуть туранцу.

Наверху все оставалось по-прежнему, если не считать того, что бледно-желтый лунный диск передвинулся по небосводу на три или четыре пальца, постепенно склоняясь к заслоненному домами горизонту. Ши облегченно перевел дух – ему примерещилось, что загадочный коридор не кончается и они до скончания веков обречены брести по узкому переходу, облицованному черным обсидианом. У него забрали мешки, и воришка присел на ящик, дожидаясь возращения остальных участников предприятия. Из поясной сумки появилась предусмотрительно захваченная фляга с вином, Ши отпил глоток и поискал взглядом Аластора.

Взломщик, пристроив в выемке стены фонарь, пристально рассматривал серебряную змейку на вершине короны. Ши только собрался его окликнуть, как темнота раздалась,

пропуская кого-то, широкими шагами мерявшего двор. Мелькнул край широкого разлетающегося плаща – сверху черного, снизу алого. Ши удивленно поднял голову, столкнувшись с парой глубоко посаженных каре-желтоватых глаз, наполненных холодным, всепожирающим огнем чистейшей ненависти. С таким лицом, должно быть, отправляются на бой со злейшим врагом.

Ши хотел вскрикнуть, но язык прилип к глотке и наружу прорвалось надсадное мяуканье. Он почти сразу признал незнакомца – зингарец Кебрадо, знатный гость Назирхата уль-Вади. Человек, которого Аластор полагал чрезвычайно опасным и с нехорошим смешком именовал «давним недругом».

– Ты?! – одновременно произнесли Аластор и дон Кебрадо. После чего Аластор удрученно пробормотал: «За что мне такое наказание?», а зингарец впился неотрывным взглядом в алмазную корону, поводя головой влево-вправо медлительным движением, напоминающим раскачивания готовящейся напасть змеи.

Предусмотрительно юркнувший в ненадежное укрытие за ящиками Ши в панике заозирался. Как назло, поблизости никого не оказалось. Звать на помощь воришка не решился, опасаясь наводящего дрожь месьора Кебрадо.

– Значит, это все-таки твоих рук дело, – сухо произнес Кебрадо. – Так я и думал. Прошлое ничему тебя не научило. Чего ты добиваешься, Лжец? Чтобы на тебя обратили внимание? Можешь считать, в этом ты преуспел.

– Да ничего я не добиваюсь! – в голос заорал Аластор, напрочь забыв о необходимости соблюдать тишину. – Я вообще тут ни при чем! Ни при чем, слышишь? Можешь не верить, но я говорю правду! Чего вы на меня взъелись? Мы заключили соглашение: я не трогаю вас, вы оставляете в покое меня! Ваши дешевые подделки мне даром не нужны!

– Не нужны? – процедил зингарец, делая кистью неуловимо быстрый жест. Ши зажмурился, ожидая услышать короткий свист и лязганье брошенного метательного ножа. Вместо этого Аластора какой-то неведомой силой ударило о стену. Он едва не выронил корону.

– Эй, прекрати! – взломщик нахмурился, перехватил увесистую драгоценность в левую руку. – Давай поговорим, как разумные люди! Кебрадо, что на тебя нашло?

Вместо ответа последовал новый толчок, сбивший Аластора с ног. Зингарец шагнул вперед, его черный плащ взлетел шелестящими складками, напоминая диковинное живое существо.

– Идем со мной, – низким, перекатывающимся голосом приказал Кебрадо. – Настало время отвечать за содеянное. Не только передо мной, но и перед всеми остальными. Не вынуждай меня превращать твой любимый городишко в дымящиеся развалины. Идем. Или ты не только обманщик, но вдобавок и трус?

– Сет таки юте ралл! – огрызнулся Аластор, пытаясь подняться. Смысла фразы Ши не понял. – Который раз тебе твержу – я не…

Фигуру зингарца охватило легкое, почти бесцветное зеленоватое пламя, он пошатнулся, лихорадочно пытаясь найти опору, неуклюже взмахнул руками и исчез.

Просто исчез, будто его никогда не было.

На месте, где только что стоял разгневанный дон Кебрадо лос Уракка, осталась висеть в воздухе серебристая дымка, повторяющая очертания человека и медленно расплывающаяся в ночном воздухе.

– Кажется, я погорячился, – растерянно пробормотал Аластор. – Я пошутил! Вернись!

Честное слово, я не хотел!

– Что ты с ним сделал? – ошарашено пробормотал Ши, выбираясь из убежища.

– Сам не знаю, – взломщик пожал плечами, провожая взглядом последние лоскуты белесого тумана. Морок окончательно развеял Стикки, с размаху пробежав сквозь тающее облачко и прорычав:

– Чего орете, как спятившие ослы?

Аластор и Ши переглянулись.

– Призрака увидели, – неубедительно соврал Ши. Стикки Брешущий Пес с отвращением глянул на воришку и буркнул:

– Уль-Вади велел уходить, так что шевелитесь. Вещицу не потеряли?

– Альс, что значит «Сет таки юте ралл»? – украдкой спросил Ши, когда громила отвернулся.

– «Да пожрет тебя Сет», – с тоскливым вздохом перевел взломщик. – Древнее стигийское проклятие. Говорят, действенное.

«Куда уже действеннее», – мысленно согласился Ши и посочувствовал сгинувшему неведомо куда Кебрадо.

* * *

В Обиталище Змея, главном из сотни многочисленных храмов столицы Стигии Кеми, неспешно подходила к концу ежедневная церемония Малого Подношения Творцу Теней. Отзвучали положенные слова, послушники зажгли на алтаре свечи из черного воска и привели необходимого для завершения ритуала белого ягненка. Тот брыкался и время от времени испускал жалобное блеянье.

Устоявшееся за несчитанные века ровное течение церемонии внезапно грубо нарушила яркая вспышка зеленоватого света и последовавший за ней громкий звук, напоминающий звон падающих хрустальных бокалов. Странные явления сопровождали появление в воздухе, локтях в трех над алтарем, дергающейся и кричащей человеческой фигуры.

Неизвестный приземлился рядом с алтарем и был немедленно схвачен. По виду он казался уроженцем Зингары, причем уроженцем весьма благородным и исполненным чувства собственной значимости. Правда, ругался он, как забулдыга из портового кабака, грозя превратить всех присутствующих в жаб, ящериц и других смирных животных, если его немедленно не отпустят.

Краткое совещание Верховного жреца с помощниками, проходившее под яростные проклятия зингарца, привело к тому, что нарушителя спокойствия связали и не без труда затащили на алтарь. Он продолжал клясть державших его людей на чем свет стоит, обещал лютую смерть некоему Кайлиени и обозвал попавшегося ему на глаза жреца «гадючьим выкидышем».

Его вопли резко оборвались, когда согласно всем законам и традициям жертве перерезали горло одним коротким взмахом ритуального золотого ножа. Брызнувшая вверх кровь залила алтарь, прислужников, свечи и молитвенную книгу. Неизвестному аккуратно вскрыли живот, с помощью изогнутых крючьев раздвинули ребра и извлекли сердце.

Так завершилось земное существование высокородного Кебрадо Эльдире лос Уракка, графа Ларгоньо, родом из Зингары.

Комочек мяса, недавно бывший человеческим сердцем, побрызгали настоем желтого лотоса и спалили в бронзовой жаровне. Поднимавшийся сизоватый дымок достиг ноздрей каменной головы статуи Змея… и тут случилось чудо: вырезанные из огромных изумрудов глаза Отца Ночи налились багряным сетом.

Жрецы в экстазе попадали на колени, ожидая второго Большого Откровения.

Вместо этого статуя еле заметно дрогнула. Из ее пасти с шорохом посыпались мелкие разноцветные камешки, опознанные как обычная морская галька. Они раскатились по всему храму, а когда их наконец собрали, камешки заполнили три вместительные корзины.

Верховный жрец и Главный прорицатель истолковали случившееся как весьма благоприятное знамение. Извергнутую статуей гальку частично сохранили в сокровищнице, частично распродали желающим обзавестись священной реликвией. Вырученной суммы хватило на подновление Обиталища и приобретение большой партии иноземных рабов для жертвенных подношений.

Правда, лишенные всякой совести остряки в тавернах Кеми шепотом утверждали, будто на самом деле Великого Змея просто-напросто стошнило от неприятного запаха.

* * *

– Разве он отсюда не выходил? – удивленно повторил Назирхат уль-Вади. Караульный у ворот заверил его, что напыщенный месьор из Зингары вошел следом за Кодо и сгинул. – Куда же он делся?

Аластор и Ши, не сговариваясь, дружно промолчали. Ши занимался тем, что украдкой пристраивал под жилетом меч Ар-Гийяда. Клинок оказался слишком длинным и норовил выпасть в самый неподходящий момент. Воришке до зубовной боли хотелось лично притащить ятаган в «Нору», бросить перед туранцем и поглядеть на выражение его физиономии.

– Ну и пес с ним, – внезапно решил уль-Вади. Оглядел пустынную улицу и неторопливо зашагал к дожидавшейся у соседнего перекрестка повозке, нагруженной так, что днище слегка просело. За Назирхатом потянулись остальные – телохранители, Кодо, погруженный во внезапную задумчивость Аластор с золотой короной и Ши Шелам, чрезвычайно опасавшийся схлопотать взбучку за кражу меча.

Альс вдруг сбился с шага, придержав Ши и Кодо.

– Вы ничего не чувствуете? – негромко спросил он.

Кодо осмотрелся и даже принюхался.

– Слишком тихо, – пробормотал он и сорвался с места, догоняя ушедшего вперед покровителя. Ши невольно подался вслед, но был пойман за рукав и остановлен.

– Не торопись, – прошипел Аластор, пятясь к стене ближайшего дома. – Держись ближе ко мне. Сейчас нач…

– Всем стоять! Кто дернется, может считать себя мертвецом!

Безлюдный сонный переулок за зданием городской управы внезапно обернулся самым

оживленным местом ночного города. Явившиеся из подворотен и закоулков тени окружили драгоценную повозку, оттесняя от нее людей уль-Вади. Звякнули, сталкиваясь, клинки, затрещали, рассыпая огнистые искры, зажигаемые факелы. При их свете Ши, обмирая, заметил распоряжавшегося предводителя нападающих, восседавшего на пританцовывающем от злости жеребце. Рекифес! Дознаватель Рекифес!

– Не повезло уль-Вади, – сухо заметил Альс. – Ши, не высовывайся. Вроде нас пока не заметили…

– Там Рекифес, – утекающим голосом пробормотал Ши. – Как он узнал?

– Либо выследил, либо нас предали, – откликнулся взломщик. – Возможно, мы допустили какую-то ошибку в сокровищнице, дав о себе знать, и явились в расставленные сети. Похоже, сегодня сфинксу не позволят сбежать из родного края.

Ши судорожно сглотнул. Возле повозки разгорелась настоящая битва: подчинявшиеся Рекифесу немедийцы постепенно брали верх над громилами Назирхата. Сам старшина квартала Нарикано с неожиданной для его возраста и сложения ловкостью отбивался короткой саблей от насевших на него блюстителей, шаг за шагом приближаясь к выемке в стене, укрывавшей парочку мошенников. Откуда-то вынырнул Кодо, плечом снес вставшего у него на дороге гвардейца и ринулся выручать хозяина. За ним прыжками неслись двое телохранителей.

– Ар-Гийяда сюда, – мечтательно закатил глаза Ши. – Правда, не знаю, чью сторону он бы принял? Наше ночное братство он недолюбливает, значит, вступился бы за представителей закона.

В темноте коротко свистнула выпущенная из арбалета стрела. Один из торопившихся к уль-Вади спасителей споткнулся и покатился по булыжникам. Назирхат оглянулся, увидев печальнейшую в жизни любого охотника за чужим добром картину – повозку с добычей, вкатывающуюся обратно в ворота казны. Должно быть, это зрелище скверно на него подействовало: почтеннейший уль-Вади взревел не хуже дикого быка из туранских степей и бросился на виновника своего провала – на Рекифеса.

Лошадь дознавателя с ржанием взвилась на дыбы, когда в нее, словно камень, выпущенный из катапульты, грузно ударился бегущий человек. Уль-Вади умудрился схватить служителя закона за ногу и попытался рывком вытащить из седла. Рекифес, не колеблясь, заехал по прикрытой черной шапочке макушке почтеннейшего Назирхата рукоятью своего меча. Это не остановило уль-Вади. Вынудить его ослабить хватку смог только второй удар, после которого управитель Нарикано слегка отступил, но не растерял боевого задора. Рекифес что-то крикнул ему с высоты конской спины, очевидно, приказывая сдаться, не усугубляя свою участь оказанием сопротивления.

Назирхат показал дознавателю неприличный жест, явно намереваясь повторить атаку, и внезапно с оханьем согнулся пополам, шаря руками по воздуху и судорожно хрипя. В следующий момент ноги у него подкосились. Уль-Вади тяжеловесно завалился набок – как рушащаяся башня, чей фундамент подмыла вода.

– Сердце разорвалось? – догадался Ши.

Рекифес бросил взгляд на неподвижное тело на мостовой и развернул коня в сторону городской управы. Двое или трое остававшихся на свободе людей Назирхата, в том числе Кодо Ночной Кошмар, переглянулись и здраво решили, что с отмщением за гибель покровителя можно повременить. Они устремились к спасительным переулкам, преследуемые немедийцами Рекифеса, и скрылись в темноте.

– Не догонят, – высказал свое мнение Аластор. – Вот теперь самое время тихо и незаметно удалиться.

– Я должен это сделать, – каким-то чужим, отстраненным голосом вдруг произнес воришка. – Теперь или никогда.

Аластор не успел его остановить. Быстрая тень среди прочих теней, жмущаяся к выступам на стенах и углам заборов – Ши Шелам со всей доступной ему быстротой мчался к трупу уль-Вади. Добежал, упал, растянувшись на булыжниках, лихорадочно зашарил по карманам и широкому поясу. Выхватил что-то небольшое, сверкнувшее радужной искрой, сунул за пазуху и, пригибаясь, заспешил обратно. Ему невероятно повезло: замешкайся воришка хоть на мгновение, и он обязательно бы привлек внимание толпившихся у ворот подчиненных верховного дознавателя.

– Спятил? – налетел на приятеля Аластор, когда Ши, пыхтя, словно загнанная лошадь, нырнул в убежище. – Жить надоело? Дались тебе эти отмычки!

– Бежим, – вытолкнул из себя воришка.

– Бежим, бежим, – недовольно буркнул Альс. – Как ты побежишь, если звякаешь, точно козье стадо с бубенчиками! По-моему, ты умудрился распихать по карманам половину городской казны!

– Жить-то надо, – философски отозвался Ши, который в самом деле затолкал за голенища сапог, в поясную сумку и даже нацепил на шею множество дорогих вещиц небольших размеров. – Уль-Вади, между прочим, собирался втрое урезать нашу долю. Я своими ушами слышал!

Компаньоны благополучно перелезли через забор, свалившись в чей-то огород и потоптав высаженную на нем репу. Угловатая крыша здания городского Совета постепенно удалялась, зато квартал Нарикано и стоящая в Обманном переулке таверна «Уютная нора» приближались. Дважды мимо спешной трусцой пробегали патрули городской стражи – заслышав их приближение, Аластор и Ши немедля юркали в первое подходящее укрытие. Альс отчего-то помалкивал, зато самомнение Ши медленно, но верно поднималось на неизмеримую высоту. Он уже предвкушал, какое захватывающее дух повествование сложит и с каким вниманием ему будут внимать покоренные слушатели. Иногда Ши украдкой поглаживал лежавшие за пазухой Отмычки, ощущая их резкие грани как подтверждение собственной удачливости.

Возможно, эта удачливость спасла ему жизнь. В какой-то миг Ши наклонил голову, и почти сразу над его макушкой, с шорохом рассекая воздух, пролетело нечто стремительно вращающееся. От испуга Ши присел и коротко вскрикнул. Непонятная вещь косо врезалась в деревянную стену дома, выбив пару щепок и глубоко застряв.

В предутреннем сумраке Ши разглядел двухлезвийный топор-лабрис с необычно длинной рукоятью, украшенной серебряными кольцами, и ужаснулся, представив, с какой силой его метнули.

– Альс! – задушенно пискнул воришка. – Альс, там…

Договорить ему не позволили. Нечто маленькое и быстрое прыжком выскочило из-под покосившегося глинобитного забора, сбило растерявшегося Ши с ног, плюхнулось сверху и принялось с такой злостью трясти за отвороты жилета, что мотавшаяся голова воришки часто застучала по булыжникам. Привязанный к спине клинок Ар-Гийяда едва не переломил Ши хребет. Он завопил, отталкивая неведомого супостата.

Короткий рывок – и вырвавшийся на свободу Ши откатился в сторону, пересчитывая

ребрами булыжники. Драгоценные Отмычки вместе с запасливо прихваченной берилловой диадемой и парочкой золотых браслетов выпали, оставшись валяться на мостовой. К ним протянулись две руки, но Аластор успел первым.

– Мое! – зашипело непонятное существо, отброшенное взломщиком в сторону. – Отдай! Сокровище! Мое!

– А-альбрих? – заикнулся Ши, наконец разглядев нападающего.

Дни, проведенные в бегах, плохо сказались на старом дверге. Ухоженная борода Альбриха превратилась в клочковатое помело, добротный наряд покрывала россыпь грязных пятен, а маленькие вытаращенные глазки блестели, как у безумца. Вдобавок он размахивал устрашающего вида кинжалом с зазубринами на лезвии, и это не понравилось Ши больше всего. Драться со спятившим карликом – спасибо, избавьте!

Однако Альбриха интересовал не воришка. Он желал заполучить Отмычки. Предмет спора покачивался на вытянутом указательном пальце Аластора, заманчиво взблескивая.

– Отдай, – упрямо повторил дверг.

– А волшебное слово? – иронически осведомился взломщик. – Зачем они тебе? В твоем возрасте, почтеннейший, дома надо сидеть, в тепле и уюте, а не шарить ночами по чужим сундукам. Тебя Рекифес в Алронге заждался. Он тут неподалеку носится, грабителей ловит. Хочешь, мы его кликнем? Месьор королевский дознаватель чрезвычайно обрадуется встрече с тобой.

– Он обещал простить, если я выслежу, кто придет за нашими сокровищами, – сгоряча брякнул Альбрих, слишком поздно сообразив, что выдал себя.

– Ах, во-от оно что, – протянул Альс. – Уважаемый дверг еще и соглядатайством промышляет? Ну, тогда нам не по пути. Счастливо оставаться и легкой дороги в Кезанкию. Умхийда, кстати, тебе тоже не видать, как своих ушей.

Об Умхийде, некогда похищенном и до сих пор не найденном ожерелье гномской работы, взломщик упомянул совершенно напрасно. Дверг наклонил лысую голову, гневно заурчал и бросился на Аластора, выставив перед собой нож, словно мясницкий тесак.

– Да провались ты, мелочь приплюснутая! – проорал взломщик, отпрыгивая и замахиваясь на Альбриха единственным оружием, которое оказалось у него в руках – связкой отмычек. – Вот навязался на мою голову!

Под ногами у дверга распахнулся черный провал, обрамленный волнообразно извивающейся узкой лентой золотистого цвета. Альбрих попытался остановиться, запутался в собственных ногах и с размаху влетел в уготовленную ему западню. Мелькнули подошвы стоптанных сапог, донесся затихающий вопль, наполненный не страхом, а разочарованием неутоленной мести.

Лента сама собой затянулась, связалась кокетливым бантиком и осталась лежать на мостовой.

Ши дополз до исчезнувшей ямы и подобрал ленту. Атласная, гладкая, самая обычная. Воришка безмолвно и вопросительно уставился на слегка оторопевшего Аластора. Тот истерически хихикнул.

– Надо быть поосторожнее в словах, – с трудом произнес взломщик. – Что-то сегодня все мои скверные пожелания сбываются…

– Может, тебе в колдуны податься? – чуть заплетающимся языком предложил Ши, вставая. – Заработаешь уйму кругляшек на уничтожении заклятых врагов.

– Дело не во мне, – Аластор наклонился за оброненной золотой короной. – Дело, мой

друг, в вещицах, которые мы таскаем с собой. В этой тиаре. В ятагане Ар-Гийяда, болтающемся у тебя за плечом. Колдовством, похоже, наделены именно они… Ты по-прежнему хочешь оставить себе эту безделушку? – он протянул Ши загадочные Отмычки.

Воришка, поколебавшись, взял, но вид у него сделался крайне задумчивый. Он надолго замолчал и только у Старой лестницы вдруг окликнул приятеля:

– Альс!

– Чего? – нехотя откликнулся взломщик, размышлявший о чем-то своем.

– Как думаешь, куда угодил Альбрих?

– Представления не имею. Надеюсь, ему там понравится. И не спрашивай, что сталось с Кебрадо. Он, конечно, не самый мой лучший друг, но зла я ему не желаю. Впрочем, он сообразительный – выкрутится.

– Про Эпиналя ты тоже так говорил, – вполголоса заметил Ши. – Впрочем, я о другом. Я решил, как поступить с Отмычками.

– Как же? – заинтересовался Аластор.

Воришка тяжко вздохнул:

– Я отнесу их обратно. В храм на Кривоколенной улице. Денька через два. От них, похоже, сплошные неприятности, хотя они очень красивые. Пусть лежат там. Верно?

* * *

Блааургух, один из древнего и теперь немногочисленного племени Демонов-с-Огненными-Бичами, дремал на берегу лавового озерца глубоко под Кезанкийскими горами. На взгляд человека, Блааургух мало напоминал живое существо, скорее, огромную груду камней, над которой пляшет облачко раскаленных искр. Порой камни приходили в движение, медленно приподнимаясь и доказывая, что Дух Огня еще жив.

Под высокими сводами пещеры, в которой обитал Демон, внезапно зародился истошный, пронзительный визг. Нечто крохотное, вопящее, дергающееся стремительно рухнуло вниз и смачно шлепнулось шагах в пяти от морды Огненного Духа. Блааургух нехотя приподнял веко – словно замшелый камень вопреки законам природы покатился не вниз, а вверх по склону, открыв узкую трещину, наполненную пламенем – и взглянул на незваного гостя.

Пришлец был мал ростом, бородат, лысоват, разгневан, напуган, и, вне всякого сомнения, относился к двергам. С этим народом у Подгорных Духов шла давняя вражда, причины и истоки коей уходили аж в Изначальные времена. Гномы, разумеется, не могли силой одолеть сородичей Блааургуха, однако быстро выяснили, что соседство с постоянно грохочущими кузнями и оживленными поселениями рудознатцев для Порождений Огня невыносимо. Огненные Духи разрушали гномские обиталища – на месте погибших немедля возникали новые, еще больше и шумнее.

В конце концов, Демоны не выдержали и удалились к самым корням гор, куда гномы соваться не отваживались. Блааургух уже давно не встречал ни одного карлика и искренне надеялся, что не увидит.

Однако гном в самом прямом смысле рухнул ему на голову. Маленькое назойливое

существо бродило по пещере, непрерывно бормотало себе под нос и колотило по камням железной штуковиной. Наверняка прикидывало, где бы пробить штольню и разместить горн, дабы бесповоротно лишить Демона покоя.

– У-урх! – проворчал Огненный Бич, просыпаясь. Искры взлетели до самого потолка. Увлекшийся гном обернулся… позеленел, разинул рот в беззвучном вопле и мешком осел на камни. Блааургух аккуратно потыкал его когтем, опасаясь, что неожиданный трофей помер раньше времени.

Дверг ожил, пронзительно заверещал и попытался влезть в щель между валунами, куда не протиснулась бы даже очень тощая ящерица. Дух Огня выволок добычу наружу и слегка подергал за бороду, проверяя, верно ли, что карлики чрезвычайно дорожат шерстяной порослью на физиономиях. Гном завизжал так, что обитавшие в лавовом озерце саламандры перепугались и нырнули на дно.

Вопли добычи слегка развеселили Блааургуха. Он разрешил двергу вырваться на свободу и немного побегать по пещере, снова изловил, подвесил локтях в двадцати от пола на отвесной стене и напомнил себе в ближайшее же время окунуть гнома в бьющий неподалеку источник – легенды говорили, будто вода из него придает долголетие и здоровье. То и другое двергу очень понадобятся, ибо Блааургух не торопился отпускать свою добычу.

Крики Альбриха еще долго разносились под сводами гигантской пещеры, тревожа летучих мышей и пауков. Блааургух не понимал гномьего языка и представления не имел, какие жуткие проклятия выкрикивает его жертва, обращая их к людям, обитающем в шумном торговом городе Шадизаре, и как именует его самого.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Гадание на рассвете

Где Хиссу и Ши Шеламу удалось раздобыть дюжину ящиков с кхитайскими хлопушками, осталось невыясненным, но гостям редкостная забава пришлась по душе. То и дело раздавался пронзительный шипящий свист, в темное небо взвивался стремительный огонек и разлетался брызжущими разноцветными искрами. Действо сопровождалось радостными воплями и улюлюканьем, но владелица таверны в глубине души опасалась одного – как бы горящая хлопушка не упала на соломенную крышу сарая или по закону подлости не свалилась кому-нибудь за шиворот.

Однако до сих пор все шло на удивление спокойно. Ни единой драки, ни одного свалившегося под стол и даже не слышно звона бьющихся тарелок. На любителей шумно повздорить натравливали Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда. Одного взгляда мрачного туранца хватало, чтобы ссора увяла, толком не начавшись.

«Словно всех подменили, – хмыкнула Лорна. – Или в Шадизаре случилось первое и единственное настоящее чудо. В какой бы хронике это записать: пятого дня Третьей летней луны 1264 года по Аквилонскому счету в квартале Нарикано имела место быть весьма благопристойная свадьба…»

Она со вкусом отхлебнула прозрачной золотистой жидкости из серебряной чарки. Обещанная постояльцам настойка на плодах и лепестках белого шиповника удалась на славу – в меру густая, в меру сладкая и незаметно дурманящая голову. Жаль только, получилось ее мало, всего два кувшина, и оба наверняка давно показали дно. А сколько будет съедено и выпито за сегодняшнюю ночь и за завтрашний день! По душевной щедрости Компания позвала всех своих друзей и знакомых, широчайшим жестом выбросив на устроение праздника имевшиеся сбережения. Гулять – так гулять! Чтобы запомнили на последующий десяток лет! И внукам рассказывали! И мечтательно облизывались при воспоминаниях!! И зеленели от зависти!!!

Бритунийка оглядела свои преобразившиеся владения. Большой двор прибрали, засыпали соломой и расставили столы. На площадке позади таверны отвели место под зрелища и танцы. Повсюду развесили уйму разноцветных фонариков, ленточек, флажков и прочей легкомысленной чепухи. Кушетку, прятавшуюся в садовой беседке, заменили на новую, однако Лорна твердо знала, что завтра ее придется выбросить – за полнейшей непригодностью к дальнейшему употреблению. Наверняка даже ножки сломают.

Из распахнутых дверей кухни выплыло облачко ароматов – подгоревший бараний жир, свежая зелень, едкий запах тлеющих углей и жарящегося мяса. В поварню Лорна заглядывать опасалась: разошедшийся старший кухарь Гикол беспощадно изгонял посторонних и накричал на хозяйку, чтобы не мешалась под ногами.

Над садом с шипением и треском взлетела очередная кхитайская игрушка. Не слишком стройный, однако на редкость дружный хор выкрикивал пожелания жениху и невесте. Лорна подняла чарку, мысленно присоединяясь, и чуть растерянно улыбнулась. Надо же, в самом деле женятся… В ее таверне, с соблюдением положенных традиций. Сегодня днем старший жрец храма Иштар на Пыльном холме провел церемонию и под любопытствующими взглядами участников старательно вывел золотым пером в толстенной книге имена –

Аластор Кайлиени и Феруза иси-Мансур-ат'Джебеларик. Свидетелями записали Райгарха и Лорну – для солидности.

Больше всех, кажется, недоумевал Малыш. Он посейчас не мог поверить, что в этом шальном городе сохранились какие-то воспоминания о правилах приличия. Интересно, чем он там занят? Как обычно, тихо сидит, украдкой глазея по сторонам?

– Если мальчишка и сегодня не догадается утащить свою подружку в уголок потемнее, я ему лично растолкую, как и что! – вполголоса пригрозила бритунийка.

– Лорна, это ты? – из темноты выпал кто-то пошатывающийся, беспечно размахивающий большой оплетенной бутылью. – Чего торчишь в одиночестве?

– Смотрю, – отозвалась хозяйка таверны, узнав Ши Шелама. Воришка торжествовал маленькую победу: он заставил-таки Ар-Гийяда изумленно открыть рот. С ночной вылазки в городскую казну Ши приволок ненаглядный Серый Вихрь туранца и совершенно неправдоподобную историю его обретения.

Благодарность почтенного Джерхалиддина стала поистине всесокрушающей. На радостях он простил всех, включая Аластора, с коим в знак примирения пытался облобызаться. Взломщик улизнул, подставив вместо себя Кэрли. Затем Ар-Гийяд услышал о готовящемся празднике и изъявил желание оплатить долю расходов. Высыпанные им на стол масляно-желтые империалы немедля обратились в провизию и бочки розового шемского, после чего бешеного туранца признали «своим в доску» и пригласили в храм на церемонию.

– Пойдем со мной, – потребовал Ши, дергая Лорну за рукав.

– Это еще зачем?

– Госпожа Клелия явилась, – торжественно объявил воришка.

– Серьезно? – не поверила хозяйка «Норы». Знатной и богатой офирской графине, пусть и давней знакомой Аластора, как-то не к лицу шататься по небогатым шадизарским кварталам в поисках развлечений.

– Куда серьезнее, – закивал Ши. – Иди, встреть ее.

Воришка не соврал. У ворот таверны (так, между прочим, и не починенных) красовался нарядный паланкин, сопровождаемый четверкой сумрачных охранников. Из-за тисненых кожаных занавесок с любопытством выглядывала ослепительная блондинка – Клелия Кассиана диа Лаурин. Заметив Лорну и Ши, за которыми увязался еще с десяток зевак, она дружелюбно кивнула и осведомилась:

– Ничего, что я без приглашения? Я только загляну, поздравлю старого приятеля, наконец-то решившего поумнеть.

– А… Кхм… Да, конечно! – опомнилась тавернщица. – Рады вас видеть, госпожа Клелия! Входите, будьте как дома…

– Чр-резвычайно счастливы, – подтвердил Ши, размашисто качнувшись и едва не выронив бутыль. Клелия, выбираясь из носилок, одарила его рассеянно-приязненной улыбкой. В толпе изумленно присвистнули, кто-то громко предположил, что для увеселения почтенной публики явилась лучшая танцовщица с Ак-Сорельяны. Компания из «Норы», должно быть, сорвала изрядный куш, раз позволяет себе приглашать таких красоток. Лорна выразительно погрозила болтунам кулаком – не подействовало – и подумала, что на благородную даму их простецкая вечеринка, должно быть, произведет угнетающее впечатление.

* * *

Если Клелия и поразилась, то виду не показывала. С интересом озиралась по сторонам, не отказалась от поднесенной ей кружки «Ночной грезы» и осведомилась, жива ли ее служанка, выклянчившая разрешение на целый день сбежать к новым друзьям. Бритунийка припомнила, что мельком видела Лиа, сидевшую за столом молодоженов в обнимку с Хиссом, и честно ответила, что девица из Аргоса не скучает.

– Охотно верю, – грустно вздохнула Клелия. – Ваш город, дорогая Лорна, оказывает на людей странное влияние. Я привезла с собой трех девушек для мелких услуг, теперь они в один голос заявляют, что намерены остаться здесь. И охранники туда же: двое просто сбежали, четверо почтительнейше просят расчета.

Тавернщица сочувственно кивнула, но про себя захихикала.

Над задворками «Норы», превращенными в зал под открытым небом, разливался чистый девичий голосок – кажется, приятельницы Малыша, Диери. По столам еще не прыгали, однако выложенный дубовыми плашками низкий помост для танцев гулко содрогался под ударяющими в него каблуками и босыми пятками. Утонченная Клелия Кассиана при виде этого зрелища удивленно распахнула глаза и пробормотала: «Однако…».

И непослушными губами
Я ловлю слепое пламя,
В руки оно не дается,
Меж пальцев бьется, исчезая.
Есть такое зелье,
Что потом вся жизнь – похмелье,
Кто его раз пригубит,
Губы себе навек погубит.
Станут губы огня просить,
Станут губы огонь ловить,
Обжигаясь сугубо —
А иного им пить не любо!
Мне бы скорбеть, что время тает,
А я за миражом плутаю,
За огоньком бродячим,
Что во тьме далекой маячит…[3] —

залихватски выводила Диери, поддерживаемая звоном струн виолы и грохотом кружек по столам.

– Эй, чуток потише! – гаркнула Лорна, когда песня закончилась. – У нас гостья!

Общество приветствовало Клелию веселым ревом, от которого у офирки наверняка заложило уши. Ар-Гийяд, завидев высокую женщину в белых шелках, заклекотал и полез из-за стола, но зацепился полами длинного одеяния.

Госпожа Клелия с достоинством направилась к почетному месту – украшенному

колокольчиками и лентами навесу, под которым сидели виновники торжества, выглядевшие несколько отрешенными от творящегося вокруг действа. Аластор даже не сразу обратил внимание на подошедшую женщину, а, узнав ее, скорчил трагическую физиономию. Феруза искренне улыбнулась и приподнялась, вставая.

– Нет-нет, – жестом остановила ее Клелия. – Это ваш праздник и ваш день. Альс, не уподобляйся гибнущей лани, я всего лишь пришла тебя поздравить. Не более того. Никаких старых долгов. Никаких нравоучений. Мы друзья, у каждого из нас своя дорога, и я желаю тебе и твоей подруге счастья на выбранном пути.

Она вдруг ничуть не аристократично шмыгнула носом и негромко добавила:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Феруза, дитя мое, старайся всегда прощать этого бездельника. Он пытается совершить все и сразу, и слишком увлекается.

– Зато Клелия склонна к излишней драматизации, – объяснил вопросительно поднявшей бровь Ферузе Аластор.

– Да, чуть не забыла! – встрепенулась офирка. – Добрые пожелания, к сожалению, не повесишь на стену. Я принесла маленький подарок. Теперь это твое.

Охранник, беззвучной тенью сопровождавший госпожу графиню, протянул ей плоскую шкатулку, обтянутую жемчужного цвета шелком. На крышке поблескивала серебряная веточка лавра.

– Открывай, открывай, – поощрительно кивнула Клелия туранке, нерешительно принявшей шкатулку. Заинтригованная Лорна и сидевшие поблизости постояльцы «Норы» невольно подались ближе – взглянуть на подарок.

Феруза подняла крышку. Глянула внутрь, внезапно побледнела и, умоляюще глядя на Клелию, пробормотала:

– Я не могу… Это слишком дорогая вещь…

– Да что там такое? – не выдержал Аластор и рывком открыл загадочную шкатулку.

Тавернщица, считавшая, что ее невозможно чем-то удивить, почувствовала себя вытащенной на берег рыбой, беспомощно разевающей рот. Рядом с ней кто-то охнул и задумчиво выругался.

На синем бархате лежало ожерелье. Маленькое, изящное, напоминавшее обращенную в камень горсть капель росы, переливавшееся всеми оттенками голубого, бирюзового и лазурного цветов. Лорна в жизни не видела подобной красоты и не представляла, что мастерство человека может создать подобный шедевр.

– Это твое, – повторила госпожа Клелия. Аластор почему-то фыркнул и быстро отвернулся.

– А где армия? – чуть севшим голосом осведомилась Кэрли.

– Какая армия? – не поняла офирка.

– Прилагающаяся к этой побрякушке, – Кэрли ткнула пальцем в сияющее ожерелье. – Чтобы пройти в эдаком по городу, понадобится маленькая армия – отгонять желающих его утащить или просто взглянуть.

– Как-нибудь обойдемся своими силами, – сдавленно пробормотал Аластор. Его душил смех, но причина такого веселья для окружающих осталась неизвестной. Смущавшуюся Ферузу уговорили надеть подаренную драгоценность и сошлись на том, что в подобном ожерелье любая женщина будет выглядеть красавицей, а Ферузу точно придется прятать от сторонних глаз.

Джай подпалил целый пучок хлопушек, с грохотом устремившихся к ночному небу и

расчертивших его пестрым разноцветьем. Госпожа Клелия присела за край стола, да так и осталась сидеть – до нее добрался Джерхалиддин Ар-Гийяд, немедленно принявшийся что-то с жаром втолковывать офирке. Лорна рассеянно удивилась тому, что дикий туранец и госпожа графиня знакомы, и поискала взглядом Малыша. Такового поблизости не обнаружилось, зато на тавернщицу налетел Райгарх и, не слушая слабых возражений, уволок к танцевальному помосту.

* * *

К третьему послеполуночному колоколу общество слегка угомонилось. Кто-то завалился спать прямо под столами, парочки разбрелись по крохотному саду, постояльцы «Норы» сидели в обеденном зале таверны, пили, пели и болтали. Новобрачные ушли в дом Ферузы, находившийся выше по склону холма, пообещав вернуться утром. Их проводили до середины пути, выкрикивая не совсем приличные наставления, и на прощание осыпали зернами пшеницы вкупе с мелкими монетами.

Никто не обратил внимания, что в таверну возвратилось на несколько человек меньше, чем ушло.

Один из замешкавшихся украдкой свернул в проулок, тянувшийся вдоль задворок «Уютной норы». Отойдя шагов на десять, человек остановился, тщетно вглядываясь в темноту и еле слышно насвистывая. Ждать пришлось недолго – на другом конце переулка что-то зашелестело, подошло ближе, по-прежнему оставаясь неразличимым.

– Ты здесь? – раздраженно вопросил ожидавший. – Вы со своими тайнами мне уже поперек горла встали. Решитесь вы наконец или нет?

– Что ты смог собрать? – прохладно спросил бестелесный голос.

– Я смог все устроить, – огрызнулся ждавший. – Значит, так. Корону и книгу ищите в комнатах на втором этаже. В дальнем углу камина под пеплом закопан флакон с зельем, который вы уже считали упущенным. Ключи таскает с собой Ши Шелам. Зеркальце лежит в комнате гадалки Ферузы. Она сама не знает, что ей попало в руки. Диск открыто висит над стойкой. Осторожнее с туранцем – меч у него. Помните, вы мне обещали – никаких жертв! Подождите до рассвета, все успокоятся и разойдутся. Начнете шуровать сейчас – вас непременно заметят. К тому же в нижнем зале полно народу.

– Мы всегда выполняем свои обещания, – с легкой укоризной заверил голос. Что-то глухо звякнуло – как пересыпавшиеся в кожаном мешке золотые монеты. Затем тихие шаги удалились. Второй собеседник остался стоять на месте, взвешивая мешочек в ладони и задумчиво хмурясь.

– Какого демона я это сделал? – вдруг отчетливо спросил он. – А, ладно! От этих штуковин больше вреда, чем пользы. Пусть забирают и подавятся. Нам-то они ни к чему. Продать такое невозможно, хранить – себе дороже…

Так, продолжая убеждать сам себя, он ощупью добрался до неприметной калитки, выводившей на задний двор таверны. Обычно Лорна запирала калитку за засов и замок, но сегодня она покачивалась распашку. Человек вошел, старательно прикрыл за собой дверцу и прислушался. В саду шептались, еле слышно посмеивались, скрипела облюбованная кем-то

кушетка, шелестели неосторожно задетые листья.

– Бордель на лоне природы, – беззлобно проворчал человек, шагая по усыпанной светлым песком дорожке и едва не налетел на увлеченно обнимавшуюся парочку. По счастью, влюбленных занимали только они сами. Одинокий любитель ночных прогулок остался незамеченным. Попятившись, он юркнул в заросли акации, решая – поискать другой путь или обождать, вдруг парочке вздумается куда-нибудь перебраться?

И точно. Вскоре молодые люди, по-прежнему не в силах оторваться друг от друга, побрели в сторону таверны. Соглядатай хмыкнул им вслед, признав в долговязом юнце Малыша, а в его гибкой, ладной спутнице – Диери Эйтолу. Они поднялись по шаткой лестнице, лепившейся к заднему фасаду строения, и исчезли за дверью.

* * *

Дом Ферузы, доставшийся ей в наследство от покойных родителей, больше напоминал лихо накренившуюся хижину под черепичной крышей. Не рассыпался по камешкам он только потому, что с двух сторон его подпирали такие же невзрачные строения. Одну из трех комнат туранка занавесила пыльными коврами, расставила по углам старинные жаровни и водрузила на стол пожелтевший череп с оскаленными зубами в окружении хрустальных шаров. Получилась настоящая «пещера колдуньи» – для впечатлительных клиентов, желающих воспользоваться услугами гадалки.

В двух остальных комнатах царил жизнеутверждающий кавардак. На продавленном диване валялись дорогие наряды, одолженные для свадьбы, поблескивало в темноте золотое шитье и граненые самоцветы.

Аластор и Феруза Кайлиени выяснили, что являются законными супругами чуть больше двенадцати колоколов, и решили, что такое важное событие необходимо отметить. На разворошенной кровати немедля появились медный кувшин и огромное блюдо с фруктами. Феруза, так и не расставшаяся с подаренным ожерельем, сидела на ворохе подушек, задумчиво улыбалась собственным мыслям и рассеянно кивала Аластору, тщетно пытающемуся в чем-то убедить подругу.

– Женщина, ты совсем меня не слушаешь! – не выдержал Альс и повалился рядом с туранкой, едва не опрокинув блюдо.

– Внимаю с трепетом, господин и повелитель, – воркующим тоном заверила его Феруза. – Подвинься, виноград раздавишь. Да погоди целоваться! Мои уши открыты, и я отлично поняла: ты предлагаешь уехать. На Полуденное Побережье, в Шем или Аргос. В тебе внезапно пробудилась тяга к странствиям. Верно?

– Угу, – взломщик поймал рыжеватый локон туранки и намотал его на палец. – Разве ты не хочешь увидеть мир? Для таких, как мы, не имеет значения, в какой стране жить. Сегодня здесь, завтра там, послезавтра отправимся еще куда-нибудь. Золота у нас в избытке, в Мерано у меня есть неплохой домик и – ты будешь смеяться! – баронский титул.

Туранка и в самом деле фыркнула:

– За какие такие заслуги? За успешное ведение торговли поддельным жемчугом со Стигией?

– Я его купил, – признался Аластор. – Захотелось. Так поедешь? Собирать нам почти нечего, нужным барахлом обзаведемся по дороге, седмицы через две будем у Океана. Ручаюсь, тебе понравится.

– Наверное, – согласилась гадалка, в задумчивости теребя сверкающие камни ожерелья. – Я ведь никогда не уезжала из Шадизара. Мне страшновато. И я не хочу оставлять своих друзей.

– Ты им не нянька, – напомнил взломщик. – Они взрослые люди, знающие, что почем на этом свете. Обходились ведь они без тебя до времен вашего знакомства?

– Обходились и обойдутся в будущем, – кивнула Феруза. – Просто мне… мне тревожно. Разве ты ничего не замечаешь и не чувствуешь? Смятение носится в воздухе, словно приближающаяся летняя гроза. Я же вижу – ты тоже беспокоишься, не понимая причин. По-моему, ты просто хочешь убежать от этой подступающей беды.

Аластор открыл рот, собираясь возразить, однако нахмурился и промолчал. Он раздумывал, искоса глядя в маленькое окно, за которым виднелись крыши и улицы квартала Нарикано, упрямо карабкающиеся вверх по склону холма. Приближался рассвет, небо над городом светлело, наливаясь блеклым розоватым цветом.

– Я что-то не так сказала? – встревожилась девушка.

– Ты сказала именно ту вещь, на которую я старался закрывать глаза, – медленно отозвался взломщик. – Не далее, как пару дней назад такое же соображение мне пытался втолковать Ши. Слишком много людей, которым тут не место. Слишком много драгоценных вещей, вдобавок обладающих магическими свойствами. Слишком шумной и азартной стала наша жизнь. Это не к добру. Сегодня же с утра я заставлю наше маленькое сообщество это понять. Путешествие откладывается, в этом ты права. Сперва разберемся, что творится в нашем родном городке.

– С утра не получится, – скорбным голосом промолвила Феруза. – Тебя не услышат, ибо никто не проснется. Разве что ближе к вечеру.

– Да, пожалуй, – сообразил взломщик и тут его осенило: – Слушай, ты не пробовала спрашивать у тарока, в чем может крыться причина подобного беспокойства? Что нас вообще ждет? Хотя бы в ближайшие дни или луны?

– Не-ет, – растерянно протянула туранка, явно раздосадованная тем, что столь простая мысль не пришла ей в голову первой. – Но сейчас попробую!

Она спрыгнула с кровати и убежала в соседнюю комнату, откуда раздался шелест перетряхиваемых одежек и сердитое ворчание: «Куда я его задевала?».

Вернувшись, туранка привычными движениями смешала толстую пачку пергаментных листочков, осведомившись:

– Твой вопрос?

– Как будет чувствовать себя Компания нынешним вечером? – поинтересовался Альс и пояснил: – Хочу знать, можно ли будет говорить с ними о чем-то серьезном. Я потом еще кое-что спрошу, можно?

– Посмотрим, – с этими словами Феруза стремительно раскидала колоду по одеялу, выложив пятеричный крест. Потускневшие от старости золотые драконы косились на людей многозначительными узкими глазами, словно владели всеми тайнами мира и отнюдь не торопились разбалтывать их первому встречному. Аластору эти нарисованные создания почему-то казались очень коварными. В душе он побаивался, что дар предсказания однажды сыграет с туранкой плохую шутку. Но нельзя же отнимать у нее колоду и запрещать гадать!

Девушка тряхнула головой, убирая мешавшие волосы, и начала одну за другой переворачивать карты. По мере того, как открывались новые символы тарока, пальцы гадалки внезапно начали мелко вздрагивать, а лицо приобрело странное выражение – среднее между донельзя испуганным и обескураженным.

– Наверное, я ошиблась, – пробормотала она и подняла руку, чтобы смахнуть карты на пол. Аластор удержал ее и взглянул на получившийся расклад. Он мало что понимал в гадании, но кое-какие знаки были известны всем. Двуликая человеческая фигура, три изображения танцующего скелета с петлей в руке и лежавший в середине черный прямоугольник без всяких рисунков.

– Обман – Смерть – Конец всех путей, – сухим, заледеневшим голосом произнесла гадалка свое толкование.

– Ты хочешь сказать, что… – Альс не договорил. Ферузу словно подбросило, она заметалась по комнатам, лихорадочно натягивая платье и разыскивая завалившиеся под кровать туфли.

– Идем! – прокричала она, устремляясь к двери.

– Куда? – опешил взломщик.

– В «Нору»! Я должна убедиться, что там ничего не случилось! Пойдем! Да скорее же!

Она нетерпеливо барабанила каблучками по полу, дожидаясь, пока Аластор соберет свои вещи и присоединится к ней. Парочка вихрем промчалась по Обманному переулку, напугав раннего торговца овощами, толкавшего в гору скрипучую тележку.

Вбежав в лишенную ворот арку таверны, Аластор и Феруза, не сговариваясь, остановились и встревожено переглянулись. Двор ничуть не изменился, зато из дома долетал низкий, ликующий рев, могущий принадлежать только Джерхалиддину Раввани Ар-Гийяду, сцепившемуся с каким-нибудь «паршивым шакалом». Убедительным подтверждением звучал треск сокрушаемой мебели и мерцающие в окнах багряные вспышки.

– Постой здесь, – взломщик подтолкнул Ферузу к выходу на улицу. – Может, это всего-навсего итог очередного дурацкого розыгрыша Хисса или Ши. Я гляну, чем они развлекаются, и сразу обратно.

Он побежал через двор, проклиная неведомых шутников, испортивших так хорошо начинавшийся день, безумного туранца, напрочь лишенного чувства юмора, и обращаясь неведомо к кому с просьбой – пусть выяснится, что Феруза действительно ошиблась в своих предсказаниях. Обманулась первый и последний раз в жизни.

Аластор рывком распахнул дверь и невольно сглотнул, увидев разгромленный обеденный зал, посредине которого безостановочно кружился, подбадривая себя азартными выкриками, достопочтенный Ар-Гийяд, осаждаемый по меньшей мере тремя противниками. Ятаган кочевника переливался ослепительным бело-голубоватым светом, выписывая в наполненном дымом разгорающегося пожара воздухе замысловатые кривые. Первый же, решивший к нему приблизиться, лишился не только оружия, но и отрубленной без всякого усилия кисти.

«Я сплю, – обреченно подумал взломщик. – Это мне снится. Феруза, пожалуйста, разбуди меня, я вижу кошмары!»

– Берегись! – надрывно прокричали с галереи. – Сзади!

По давней шадизарской традиции – не выходить из дома без оружия – взломщик захватил с собой стилет, и теперь длинное тонкое лезвие улетело за спину, поразив неведомого врага. Альс сделал шаг в сторону и зацепился носком сапога о какой-то длинный

предмет.

Опустив взгляд, он увидел человеческую руку и ее неподвижного обладателя. Вышибала «Норы» Райгарх лежал, ткнувшись лицом в пол, и под ним неспешно растекалась темная, густая лужа. Чуть в отдалении валялся тяжелый клинок асира.

* * *

– …Ты веришь этому продажному типу, наводчику?

– Не вижу причин не верить ему. До сих пор он ни разу нас не подвел. Мы слишком хорошо платим… и очень немилостивы к должникам.

– Я знаю, но не могу поверить своим глазам, Совершенный. То, что хранится в этом кабаке, дороже всего нашего занюханного городишки… а у них нет даже ворот! Клянусь Всемирной…

– Молчи! Не смей поминать Имя всуе, ты… нижайший. Хватит болтовни! Смотри, братья уже справились с собаками. Вперед! Делай, что должен.

Две собаки, обыкновенно исправно несшие сторожевую службу во дворе трактира «Нора», не успели издать ни единого звука. Смазанные ядом тонкие стрелки, вылетев из духовых трубок, сделали свое дело мгновенно и беззвучно. Во двор, не имевший даже ворот, скользнули еле видимые в предутренних сумерках тени – две, три… пять…

Под навесом на заботливо подстеленных Лорной циновках безмятежно храпели, укрывшись кошмами и попонами, те, для кого выпитое накануне оказалось чрезмерным. Двое серых призраков, словно соткавшись из рассветного ледяного тумана, заработали короткими дубинками и спустя короткое время растворились без следа. Под навесом осталась груда бесчувственных и недвижимых тел – ни одного трупа, но пробудится каждый из гуляк не менее чем через колокол и с жуткой головной болью. Кто бы ни вознамерился наложить лапу на сундуки обитателей «Норы», дело они знали туго.

– Ты, ты и вы двое – наверх, – прозвучала негромкая команда того, кого один из ночной братии назвал Совершенным. – Помните, убивать только в крайнем случае.

Учащенно бьющееся сердце едва успело бы сократиться два десятка раз, когда распахнулась без скрипа дверь, ведущая в крайнюю слева комнату. Двое в одинаковой темной одежде, не стесняющей движений, и скрывающих лица черных масках, проскользнули внутрь. Хозяину комнаты, чей темноволосый затылок виднелся над краем одеяла, хватило одного точного удара тяжелой дубинки. Один из грабителей, откинув крышку небольшого сундучка в углу, испустил еле слышный ликующий вопль и высоко поднял над головой нечто похожее на связку длинных, переливающихся яркими огнями ключей.

Другие двое трудились над замком двери крайней справа комнаты. То ли замок попался посложней, то ли взломщик менее опытный, но дело у них отчего-то застопорилось.

– Эй, там! – раздраженно прошипел снизу главарь. – Чего застряли?

– Сейчас! – пробормотал грабитель, и тут створка с тихим скрипом отошла в сторону. Раздался громкий, удивительно мелодичный звон, похожий на удар маленького гонга, и из крошечной каморки хлынул ярчайший поток голубоватого света. В этом сиянии оторопевшие взломщики увидели высокую черную фигуру, застывшую в боевой стойке «будокан» и

сжимающую в руках вроде бы солнечный луч.

Ар-Гийяд хищно улыбнулся и сказал грабителю, что стоял поближе:

– Умри, презренный.

Второй грабитель, отскочив, насколько позволяла ширина балкончика, выхватил короткий меч, висевший в ножнах у него за спиной. Он был гораздо опытнее в мечном бою, чем его напарник. Ему удалось прожить дольше на целых три удара сердца.

…Малыш проснулся от жуткого вопля снаружи. Крик – истошный, дрожащий, непонятно даже, мужской или женский – тут же оборвался коротким бульканьем, однозначно свидетельствующем о перерезанном горле. Диери, тоже пробудившаяся, села в постели – глаза от страха в поллица, однако достало выдержки не завизжать – а Конан, бормоча невнятные слова на своем наречии, мигом выкатился из-под одеяла, одной рукой нашаривая меч, другой рубаху и прыгая на одной ноге, чтобы попасть в штанину. Сердце у юного варвара отчаянно колотилось. Когда ТАК кричат в мрачный предрассветный час, именуемый иногда «собачьей вахтой», и когда крики мешаются со звоном клинков, а под дверь сочится тоненькая пока, но явственная струйка горького серого дыма… Картины форта Венариум живо встали в памяти киммерийца.

– Одевайся! – хорошо хоть Диери, даром что напугана до полусмерти, поняла все с полувзгляда. Малыш пнул дверь и вылетел, зачем-то пригибаясь и стискивая в ладони рукоять старого меча, наружу.

Снаружи творился сущий кошмар.

Двери в комнаты наверху стояли нараспашку, притом некоторые, похоже, выбивали ногами, и они висели на одной петле. Из комнаты Аластора тянулся шлейф наспех вывороченной из сундука одежды. У входа в апартаменты туранца валялся обезглавленный труп, еще один, рассеченный от ключиц до пупка, свисал через перила. О третий, столь же живописно разделанный, Малыш запнулся, бросившись к лестнице. Все трое были в одинаковой темно-бесформенной одежде, а лицо последнего скрывала черная матерчатая маска. «Грабят, нас грабят!» – мелькнула запоздалая догадка.

Снизу валил серый, на глазах чернеющий дым и пробивались уже первые оранжевые языки пламени – видимо, кто-то в пылу боя опрокинул светильник. Оттуда доносился лязг стали о сталь, самое малое, шести или семи клинков. Радостно ревел Ар-Гийяд. На середине лестницы Конан остановился, увидав воочию дивное зрелище: неистовый степняк, выставив перед собой сверкающую полосу меча, крутился посреди обломков искрошенной мебели. Нападающие, числом пятеро, приближаться к нему боялись, с приличного расстояния угрожая туранцу короткими узкими мечами.

Раздался новый крик – на сей раз Малыш узнал Лорну:

– Райгарх! Райга-а…

Еще один человек стоял у самой двери, не принимая участия в схватке и наблюдая за ней вроде бы совершенно отстраненно. Этот был без маски, однако Конан никак не мог разглядеть черты его лица – дым, что ли, мешал, становясь все гуще и гуще? Лицо этого последнего казалось пустым белесым пятном.

Человек, выглянув наружу, неслышно отдал какое-то приказание. Пятеро, что окружали туранца, отступили, вжались в стены, а со двора в густеющие дымные клубы влетело трое и с ходу кинулись на Ар-Гийяда. Конан, готовый броситься на помощь туранскому воителю, на миг остолбенел, глядя, как в разгромленном обеденном зале «Норы» вскипает неуловимая глазом бешеная пляска стали. Затем он увидел, как Ар-Гийяд, покрытый кровью из десятка

ран, медленно оседает. С невероятным изумлением степняк взирал на свой драгоценный Серый Вихрь, разом утративший сияние и обратившийся в обычный ятаган из узорчатого туранского булата. Вокруг туранца громоздились три бездыханных тела.

– Рубить, – неуверенно пробормотал Ар-Гийяд. В дверях возник вдруг изумленно озиравшийся Аластор, и Безликий за его спиной потащил из рукава кинжал.

– Берегись! – заорал Малыш. – Сзади! – и, занося скверно заточенный меч, бросился вниз по лестнице.

Прежде чем что-то тяжелое и твердое ударило его в висок, вышибая сознание, он увидел – или ему показалось?! – как три изрубленных тела начинают шевелиться…

Аластор перепрыгнул через распластанное тело асира, вжался спиной в угол, кашляя от едкого дыма, угрожая противникам нелепым против мечей узким стилетом. Двое встали против него, сторожко поводя клинками, но нападать не спешили. Таверна горела. Пламя уже гудело вовсю, и грабители торопились.

– Все ли вещи у нас? – разгибаясь и брезгливо отирая руки, крикнул низким голосом тот, которого Аластор ткнул кинжалом. «Я же его убил, – пронеслось в голове у Альса. – Или нет?!»

– Нет Книги! – ответили сверху. И тут же возглас снаружи:

– Книга здесь! Девчонка пыталась ее украсть. Все у нас, Совер…

– Уходим! – резко оборвал главарь и повернулся было к выходу, но тут какой-то человек накинулся на него, схватил за грудки и принялся трясти, давясь истерическим вопросом:

– Почему?! Почему… вы же обещали, что никого не убьете, вы же мне обещали… Что ты сделал? Что я сделал…

– Джай?! – потрясенно выкрикнул Аластор. Джай вдруг схватился за живот, повалился на порог и, скорчившись, затих. Убийца не спеша убрал кинжал в рукав.

– Перед лицом смерти обещания не имеют значения, – ровным голосом сказал он, мельком взглянул на Аластора и вышел. Спустя несколько мгновений его подручные испарились вслед за главарем.

…Ши Шелама Аластор вытащил из его комнаты, уже полной удушливого дыма. Лорна валялась за стойкой. Бритунийка была жива, но тяжело ранена – плечо рассечено ударом меча, ожоги и глубокая ссадина на лбу. Малыш оклемался сам. Он помог вынести из горящего здания тела туранца и асира, после чего в таверне рухнула крыша.

Диери Эйтола прибежала, уже когда на месте происшествия стали собираться люди. В общей суматохе ей удалось благополучно улизнуть, спрыгнув из окна на крышу маленькой пристройки, где держали скот, и пробравшись через соседние огороды. Она привела с собой Хисса, который не ночевал в «Норе», проведя ночь в доме Лиа. Узнав о случившемся, Хисс едва не впал в буйное помешательство.

…Кэрли отравленная стрелка настигла посреди двора, прервав ее бег к спасительной улице. Хисс отнес приятельницу под навес, где уже лежали три тела, и никого не подпускал.

Ферузу Аластор нашел в трех шагах от бывших ворот. Туранка лежала, вытянувшись на шершавых булыжниках мостовой, лицо ее было спокойно, глаза открыты. Гадалка умерла мгновенно: арбалетная стрела пробила ей сердце.

* * *

Таверна сгорела быстро – на месте аккуратного двухэтажного дома из желтовато-оранжевого песчаника остались только закопченные стены да рухнувшие обугленные балки. Ши, с чрезвычайно озабоченным видом шаривший в развалинах, наткнулся на жестяную вывеску «Норы» – облупившуюся и пошедшую пузырями. Кроме вывески, он извлек из тайников кое-какие запасы, отложенные на черный день – их прятали в саду, тоже опаленном, но пострадавшем меньше здания. Под руку Ши попался также валявшийся подле бывшего входа в таверну кожаный мешочек, под завязку наполненный золотыми ауреями Немедии, и принадлежавший невесть кому.

О последнюю мрачную находку он едва не споткнулся. Круглый предмет, обгорелый, потрескавшийся и вонявший жженным мясом, лежал за стойкой. Ши осторожно толкнул его, запоздало узнав Пушка. Поколебавшись, воришка подобрал дарфарскую диковину, спекшуюся в собственном панцире, и закопал под кустом шиповника.

Деньги исчерпались к вечеру. Кое-что пожертвовали соседи, кое-что принесли девушки – Лиа и Диери. Золото ушло на устроение похорон и покупку двух выносливых коней бритунийской породы – для уезжавшей Лорны.

– Я здесь больше не останусь, – сухо заявила бывшая хозяйка таверны, не слушая убеждений обождать хоть седмицу. Как можно отправляться в далекий путь с незажившими ранами и плохо действующей рукой?

Лорна пропустила дружеские уговоры мимо ушей. Она исполнила свой долг – позаботилась о том, чтобы Райгарха погребли по асирским традициям, предав тело огню – и не собиралась задерживаться в Шадизаре. Бритунийка возвращалась на родину – на Полночь, в Чарнину. За три прошедших дня она как-то постарела, осунулась и почти ни с кем не разговаривала. Впрочем, какие тут могли быть разговоры?

Пепелище изволили посетить представители власти. Явился лично Рекифес с десятком стражников. Говорить с дознавателем пришлось Хиссу, но беседа оказалась краткой. Да, праздновали свадьбу. Да, утром на таверну напали какие-то люди и перебили почти всех постояльцев. Трупов нападавших не сохранилось – сгорели. Кто? Не знаем, лиц не видели. Причина? Демон их знает, зачем им понадобилось громить «Нору». Нет, в таверне не хранилось ничего особенного или из ряда вон выходящего… Месть? Кому и за что? Обитавшая в «Норе» шайка слишком мало значила в потаенной городской жизни и ни с кем не враждовала.

Ничего толком не разузнав и для очистки совести облазав дымящиеся руины, Рекифес удалился, сквозь зубы пробормотав пару соболезнований. Дознавателю случившееся показалось самым обыкновенным сведением счетов, только почему-то осуществленным с непривычной жестокостью. Кому-то до смерти надоела Компания из Обманного переулка, вот он и решил от нее избавиться, выбрав на редкость удачный момент. Возможно, пытались извести только одного человека – взломщика Кайлиени, потерявшего всякий интерес к жизни.

Дознаватель мельком видел Аластора: тот сидел подле завернутого в белый холст тела своей подруги Ферузы, половину солнечного оборота пробывшей законной супругой Кайлиени, безучастно глядел себе под ноги и монотонно насвистывал. Рекифес поколебался

и не решился с ним заговорить.

Ар-Гийяда, Кэрли, Джая и Ферузу похоронили на Кладбище-под-Платанами. Вместе с туранкой по настоянию Аластора положили алмазное ожерелье. Ши робко заикнулся о том, что через луну-другую у кого-нибудь обязательно зачешутся руки покопаться в могиле в поисках драгоценности. В ответ он нарвался на столь мрачный взгляд, что у воришки наступил внезапный приступ немоты и возникло твердое убеждение – любой, покусившийся на место успокоения Ферузы, горько пожалеет о неучтивости к покойникам.

– А жить нам, между прочим, негде, – оповестил приятелей впавший в тоскливое настроение Ши. После церемонии похорон они забрели в «Пещеру демона», хозяин коей, знавший о постигшей Компанию беде, согласился отпускать вино и немудреную закуску в долг. Сидели втроем – Малыш, Хисс и Ши. Аластор куда-то ушел, бросив, что вернется через полколокола и чтобы его обязательно дождались. – И не на что. Золота осталось с кошкин хвост. Если завтра не добудем хоть десятка серебряшек…

– Добудем, – мрачно оборвал причитания Ши Конан. За минувшие дни мальчик-варвар тоже изрядно переменился. Не то, чтобы повзрослел, но стал серьезнее и решительнее. – Жить… Нас согласна пустить к себе Диери. Только через седмицу ее выставят на улицу – за дом-то платила не она, а ее покровитель, ныне покойный.

– Еще забота, – вздохнул Ши. – Не бросать же ее? Хисс, что скажешь?

Рыжий мошенник закашлялся и чуть смущенно выговорил:

– За меня не беспокойтесь. Я… В общем, я перебираюсь к госпоже Клелии. Хотите со мной? Крыша над головой и деньги в карманах обеспечены.

– Мальчиками на побегушках? – покачал головой Малыш. – Понимаю, тебя Лиа убедила. Только нам под крылышком у ее милости делать нечего.

Ши придерживался несколько иного мнения, но спорить не отважился.

– Если я что-то могу… – начал Хисс и не договорил, безнадежно махнув рукой и потянувшись за очередным кувшином.

Стукнули шаги – в таверне объявился шлявшийся неведомо где Аластор. Не говоря ни слова, бросил на изрезанную ножами столешницу два многозначительно брякнувших мешка из овечьей шкуры.

– Это ваше, – пояснил взломщик, не присаживаясь и избегая встречаться взглядом с приятелями. – Берите, пригодится.

– Мы тут прикидывали, как жить дальше… – заикнулся Ши.

– Как хотите и как сможете, – равнодушно ответил Аластор. – Меня это не касается.

– В каком смысле – «не касается»? – встревожился Хисс.

– В прямом. Я ухожу. Уезжаю. Сегодня, – взломщик ронял слова, как истертые монетки, со стуком падавшие на пол.

– А мы? – ошарашено вытаращился Ши. – Ты хочешь нас бросить?

– Вы не маленькие дети, – огрызнулся Аластор. – Ничего, справитесь.

Ши и Хисс заговорили одновременно, перебивая друг друга, доказывая, что поспешный отъезд ничего не изменит, ибо невозможно убежать от памяти и от самого себя, что любой иной город ничем не лучше Шадизара, что просто бессовестно, в конце концов – оставлять друзей в такой тяжкой ситуации!..

– Пусть он идет, – неожиданно для всех проговорил молчавший до того Конан. Его так и не исчезнувший гортанный акцент прозвучал сейчас особенно заметно. – Если он решил уйти, то вы его не уговорите.

Аластор какое-то мгновение пристально смотрел на Малыша – подросток-варвар внутренне поежился, но не отвернулся, хотя у него возникло противное ощущение падения в бездонную темную пропасть – повернулся и, не говоря ни слова, вышел за дверь. Та беззвучно захлопнулась за взломщиком, словно обложка пролистанной до конца книги или крышка закрываемого гроба.

ЭПИЛОГ
Перекресток

Белая терраса, зависшая над высоким каменистым обрывом. Внизу до самого горизонта расстилается Океан – бесконечный, неизменный, ритмично накатывающийся волнами прибоя на узкую полоску берега, усыпанную пестрой галькой и ракушками.

Идеально круглую террасу обегают колонны – розоватый мрамор, в глубинах которого, если приглядеться, мелькают крохотные огоньки. Колонны соединены в огромное кольцо фризом, по нему рассыпаны золотые звездочки. К террасе ведут выложенные разноцветными плитами дорожки, сходящиеся у порога в семицветье радуги.

В центре террасы – тяжеловесный овальный стол, на нем поблескивает мозаика, изображающая невиданное в мире людей древо. Серебристый ствол и десять плодов – четыре в центре, по три на боковых ветвях. У плодов есть собственные имена, древние, известные некоторым из ученых мужей Материка и тем, кто время от времени приходит сюда.

Кетхер – плод, рождающий Венец, первопричину, первоначальную пустоту… Хогма – плод Познания, первоначальной идеи, готовой распространиться среди Сотворенного. В Хогме содержится сущность всего того, что будет… Плоды, рождающие и убивающие мир.

Последний дар Древа выложен аметистами напротив кресла того, кто обладает правом решающего слова – Мальгут, Мудрость, открывающая, что ее тайна состоит в том, чтобы не бывать, если только не на мгновенье, и вдобавок не на последнее. Чистая Мудрость, место, куда впадают все до единой реки, порожденные Вселенной…

Это место зовется Перекрестком. Оно не принадлежит никому. Здесь – место встреч и одиноких размышлений, заключений договоров и рассмотрений тяжб, судебный зал и пиршественная палата, здесь запрещено пускать в ход сталь и магию, нарушая тем извечную гармонию Перекрестка, плывущего по волнам Вечности, подобно упавшему в ручей лепестку.

Мозаичное Древо внезапно вспыхивает призрачно-золотистым огнем. Террасу наполняет мелодичный перезвон далеких колокольчиков, извещающих о том, что на Перекресток пожаловал гость. Да не один – человеческие фигуры одна за другой возникают на всех дорожках, оглядываются, перекликаются и решительно устремляются к распахнутой небу и Океану террасе. Они входят, приветствуемые трепетной мелодией Древа, и в соответствии с числом визитеров вокруг стола один за другим начинают возникать кресла.

Неизменным всегда пребывает только седалище главы собрания – золотой трон с подлокотниками в виде лошадиных голов и спинкой, украшенной изображением солнечного диска. Остальные добавляются по мере надобности. Сегодня их шесть, ибо один из пришедших не занимает места за столом. Он садится на пороге, равнодушно созерцая далекий горизонт и непрерывно вертя в руках браслет из черных агатовых бусин.

Жители Шадизара без малейшего колебания признают в одиночке взломщика Аластора Кайлиени. Единственное отличие – здесь, на Перекрестке, Аластор носит небрежно наброшенный на одно плечо плащ серо-серебристого цвета, и в его черных кудрях мерцает тонкий золотой обруч с прозрачно-холодной каплей посредине.

Горожане узнали бы и прочих гостей. Надменный зингарец в черном и алом, с глазами

готовой атаковать змеи – Кебрадо, граф Ларгоньо. Закутанный в потрепанный плащ и скрывающий лицо под слоями пожелтевшей ткани Леук. Стройная рыжеволосая женщина, еле сдерживающая гнев – Кэто Сувейба. Хмурый туранский кочевник – Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд. Месьор Эпиналь, старик с желчным выражением лица и странно изогнувшейся спиной. Величественная блондинка Клелия Кассиана диа Лаурин, старательно прячущая тревогу.

Единственный, кто не появлялся на пыльных улицах Шадизара в нынешнее суматошное лето – предводитель столь необычного сообщества, крупный светловолосый мужчина лет сорока, с необычно яркими голубыми глазами, сейчас выглядящий чуть недоумевающим, однако до кончиков ногтей уверенным в себе и в том, что и на сей раз ему удастся принять верное решение. А это ой как нелегко, учитывая темперамент собравшихся и их застарелую неприязнь друг к другу…

Сидевший во главе стола человек еще раз оглядел своих не склонных к миролюбию и разумных поступкам собратьев и заговорил. Голос его напоминал гулкие раскаты бронзового гонга, устанавливаемого на вершинах больших митрианских храмов:

– Рад снова видеть вас здесь, на Перекрестке Всех Дорог. Каждый из вас в свое время обратился ко мне, изъявив желание провести общую встречу, дабы высказать обвинения одному из нашего круга. Эта возможность вам предоставлена. Прошу, однако же, не забывать о правилах приличия и о том, что наша цель – установить истину. Кто желает первым поднять свой голос? Досточтимый Кебрадо?

– Это переходит всяческие границы! – загремел благородный дон, у коего не хватило терпения выждать до конца чинной речи главы собрания. – Аммарт, с меня довольно! Или этот мерзавец получит по заслугам, или – уж не гневайся! – я разберусь с ним сам! Он обокрал всех нас – и это полбеды! Признаю, я сам предпринимал шаги, считающиеся не слишком-то достойными. Но прибегнуть к такой низости! К такой подлости! Прервать мое существование и вдобавок каким способом!

– Каким же? – утончил несколько удивленный подобной горячностью предводитель, носивший имя – или, скорее, прозвище – Аммарт, «Справедливый».

– Он устроил так, что я стал жертвой для моего высокого покровителя! – срывающимся голосом выкрикнул Кебрадо. – Жертвой! Меня – в жертву!

Клелия еле слышно фыркнула, прикрыв рот ладонью.

– Нечему смеяться, достопочтеннейшая Клелия! – зингарец уловил ее смешок. – Полагаешь, это чрезвычайно приятно?

– Полагаю, что нет, – любезно откликнулась Клелия. – Как отнесся к столь необычному блюду покровитель? У него, случаем, не стряслось расслабления желудка или еще какой напасти?

– Аммарт! – взвыл уязвленный до глубины души Кебрадо.

– Клелия, уймись, – попросил глава собрания. – Прибереги свои шпильки для иного случая. Кебрадо, ты желаешь еще что-то добавить?

– Он стянул Корону, – устало произнес зингарец. – Пусть не отнекивается – я сам видел ее у него в руках.

– Аластор? – воззвал предводитель. – Тебе есть что сказать в оправдание или объяснить свои поступки?

Ответом послужило молчание и легкое потрескивание стукающихся агатовых шариков.

– Он украл мой флакон, причем украл дважды! – завизжала разъяренная Кэто, не

дожидаясь разрешения говорить. – По его милости я… я… я облысела и пошла чешуей! Я была вынуждена отсиживаться в каком-то захудалом борделе! Аммарт, очень прошу – сотри ты этот паршивый городишко с лица земли! Никто не заметит, а нам только спасибо скажут!

– Жаль, что я этого не видел, – пробормотал Кебрадо, на которого весть о неприятностях давней знакомой подействовала, как глоток холодной воды в жару.

– Он осквернил благословенное место и возвел на меня обвинение в краже священного символа! – несмазанным колесом заскрипел Эпиналь, в силу таинственных причин по-прежнему не могущий разогнуться. – Я – и похищение чужой собственности! Должно быть, мы лишились разума, когда допустили этого проходимца в наше общество! По его милости меня прикончила толпа калек! Калек, заметьте! Горбатых, сухоногих, вонючих, омерзительных нищебродов!

– О, как тебе идет мученический венец! – закатив глаза, пропела мигом развеселившаяся Кэто. – Где же твое милосердие и сострадание к слабым мира сего? Они, должно быть, били тебя клюками и деревянными ногами? А ты героически сопротивлялся, укусив престарелую тетушку за тощую задницу?

Кебрадо тщетно делал вид, что на него напал внезапный приступ кашля. Госпожа Клелия, хоть и пыталась состроить сочувственную мину, тоже хихикнула.

– Недостойно смеяться над бедой ближнего своего! – Аммарт сдвинул брови. Общество мигом затихло. Эпиналь мстительно добавил: – Он стянул Золотой Диск и отнес своей шлюшке, Кэто, дабы излечить ту от парши!

– Так Кэто теперь верная последовательница митрианцев? – похлопала в ладоши Клелия. – Как это мило! Дорогая, свое новое заведение ты собираешься открыть поблизости от какого-нибудь храма? Или монахам предоставят бесплатное обслуживание?

– Клелия, – ледяным тоном произнес Аммарт. – Еще одна подобная шутка, и я попрошу тебя удалиться. Аластор?

Опять молчание.

– Почтенный Ар-Гийяд, в чем состоит твоя жалоба? – как можно вежливее осведомился глава собрания, зная болезненное самолюбие туранца. Если выяснится, что его тоже обокрали – не миновать большого скандала…

– Рубить! – откликнулся кочевник и запоздало сообразил, где находится. – Нет, не рубить. Говорить. Кебрадо, Эпиналь, Кэто – они твердят, мол, Обманщик их обокрал. Ар-Гийяд тоже так думал, когда пропал Серый Вихрь, а вор не оставил следов. Тогда я отправился в это гнездилище пороков, Шадизар, нашел Лжеца и спросил – где меч? Тот долго изворачивался, клялся, что никакого меча в глаза не видел, но я не поверил – кто же верит клятвам вора?

– И? – Клелия невольно подалась вперед.

– Друзья Обманщика нашли мою потерю, – с некоторой торжественностью сообщил Ар-Гийяд. – Принесли мне. Тогда я подумал: может, настал день, когда Лжецу надоело изворачиваться? Может, он в самом деле не знает, что случилось и как Серый Вихрь попал в его край? Я хотел узнать это, но не успел. Меня убили. Убили не люди, но неведомые мне создания, которые не страшились лезвия Серого Вихря и не ведали боли.

– Не страшились Вихря? – озадаченно переспросил Аммарт. – Почтеннейший, я ничего не путаю – твой меч вроде бы способен разрубить любую преграду и любую сталь, не говоря о хрупкой человеческой плоти?

– Истинно так, – с достоинством кивнул туранец. – Любую, но не этих. Я не ведаю, что

сделалось дальше в том доме, где мы обитали. Знаю, что те паршивые шакалы забрали мой ятаган и много других сокровищ.

– Меня пожрал обитатель Пустоты, – внезапно прошелестело из-под многочисленных тряпок Леука, охотника за тайнами, Ловца Загадок. – Это было чрезвычайно неприятно, однако моя кончина вызвана только моей собственной непредусмотрительностью. Я присоединяюсь к голосу досточтимого Ар-Гийяда – что-то здесь не так. Будучи в Шадизаре, я искал похищенную собственность моего господина, для чего прибег к помощи жителей этого города, друзей Обманщика. Они разыскали пропажу, и я со всей ответственностью утверждаю, что Хитрец непричастен по крайней мере к исчезновению Книги.

– Я тоже присоединяюсь, – твердо заявила Клелия. – Леук прав – что-то не так. Поглядеть со стороны, и мы увидим вроде привычную картину: Аластор в своем стремлении оживить нашу жизнь, которую он считает тусклой и бесцветной, затеял новую заварушку. Похитил наши сокровища, при этом оставляя знаки, указывающие на тех, кого мы полагаем своими заклятыми друзьями, после чего юркнул в любимое убежище и стал ждать – что получится?

– Почему же тогда он не скажет ни слова в свое оправдание? – чуть снисходительно осведомился глава собрания.

– Потому что… – Клелия нахмурилась и быстро зашевелила пальцами. Дабы не говорить о неприятной теме вслух, она обращалась напрямую к разуму Аммарта, кратко сообщив ему о бойне в неприметной шадизарской таверне, о девушке по имени Феруза ат'Джебеларик и причинах упрямого молчания Аластора. – Теперь он не хочет разговаривать. Ни со мной, ни с кем.

– Гм, – повисла долгая пауза. Аммарт раздумывал, остальные недоуменно переглядывались. Наконец предводитель изволил разомкнуть уста: – Это несколько меняет дело… Я выслушал ваши обвинения и речи тех, кто полагает Обманщика невиновным, а теперь извольте принять мое решение. Аластор, ты отправишься домой. Не в Замору – полагаю, тебе пока там делать нечего, и не в любую иную страну Заката и Восхода. *Домой*. Ты понял меня?

Взломщик нехотя поднял голову, погасший взгляд скользнул по говорившему, после чего Альс устало кивнул.

– И вы все оставите его в покое, – чуть пристукнул ладонью по столу Аммарт. – Далее. Тайна, подброшенная нам, нуждается в разгадке. Талисманы исчезли, что грозит нешуточной бедой. К сожалению, четверо из вас не способны в ближайшие две-три луны вновь навестить Шадизар, дабы установить, что к чему. Кэто, полагаю, туда не вернется.

– И не проси, и не приказывай! – рыжеволосая красавица решительно замахала руками. – В эту зловонную дыру – ни за что в жизни!

– Остается Клелия, – Аммарт повернулся к офирской графине. – Милейшая госпожа, у нас нет иного выхода…

– Я попробую, – смиренно вздохнула Клелия Кассиана. – Не могу ничего обещать, но постараюсь сделать все, что в моих силах. Сокровища должны быть возвращены законным владельцам.

– Правильно, правильно, пусть душечка Клелия съездит, – затряс лысоватой макушкой месьор Эпиналь. – Она справится.

Кебрадо, из принципа всегда возражавший Эпиналю, на сей раз изъявил свое полное согласие, небрежно кивнув:

– У Клелии полно друзей среди тамошнего… – он хотел сказать «сброда», но решил не портить отношений, – тамошних обитателей. Пусть она только разузнает, кто виноват в похищениях и тогда…

– Рубить! – кровожадно предложил Ар-Гийяд.

– Можно и рубить, – с легкой брезгливостью согласился зингарец. – Хотя есть много иных способов расправиться с тем, кто путается под ногами.

Он вопросительно глянул на главу собрания и поднялся из-за стола:

– Надо полагать, наша встреча завершена ко всеобщему удовлетворению? Тогда позволяю себе откланяться. Дела, знаете ли…

Он спустился по трем мраморным ступенькам, уведя с собой надменно задравшую подбородок Кэто. Эпиналь, поворчав для порядка, неуклюже ковылял за ними, подволакивая пострадавшую в Обители Возвышенного Просветления ногу. Клелия удалилась вместе с Леуком и Ар-Гийядом. На ходу троица что-то горячо обсуждала – должно быть, надежнейшие способы скорейшего изловления злоумышленников.

Альс остался сидеть на прежнем месте. Аммарт тревожно посмотрел на него, озабоченно жуя губами, и, придя к какому-то решению, потрепал неподвижного взломщика за плечо:

– Вставай. Пойдем, расскажешь, что там у тебя стряслось. Пошли-пошли, нечего отворачиваться, гроза чужих сокровищниц. Или собрался просидеть тут всю оставшуюся Вечность?

Они уходят. Древо бросает им вслед гаснущий перезвон. Океан с грохотом ударяет в берег – начинается прилив.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

---

notes

Примечания

1

Перевод Л. Бочаровой.

2

Перевод Е. Хаецкой.

3

Перевод Т. Шельен.